

493315
0-38
№4 • 1979

октябрь—декабрь

ОГНИ
КУЗБАССА

Соболь в тайге. Фото В. Байдалова. Повесть Виктора Моисеева об этом ценном пушном зверьке читайте на стр. 3—29.

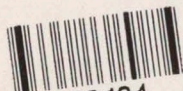
ОГНИ КУЗБАССА

0-38

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ,
ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Выходит ежеквартально

Год издания 31-й

390434

№ 4(65)

В Н О М Е Р Е

ПОЭЗИЯ

- Валерий Зубарев. Из «Беркапитской тетради». Стихи 30
Александр Ибрагимов. Грузинский тост. Поэма 46
Евгений Летюк. Шахтерские капитаны. Перевод с украинского В. Юречко 45
Владимир Советов. «Маленькую птичку руками поймать очень трудно...». «Странно бывает по вечерам...». Городской сюжет. Стихи 58

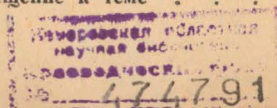
ПРОЗА

- Виктор Монсеев. За сободем. Страницы таежного дневника. Повести 3
Вера Кудрявцева. Возвращение. Живи, Мария! Рассказы 33
Анатолий Бобриков. Записи для сестры. Жил-был Никита. «Я помню чудное мгновенье...». Рассказы 50

ПРОБЛЕМА? ДА, ПРОБЛЕМА

- И. Дрейцер. Возвращение к теме 59

ПЕРВЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Мэри Кушникова. Кузнецк — Ясная Поляна . . . 70

ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

Владимир Матвеев. В обнимку с Бахусом. Зловещие вещи. Залежалый товар. Сознательные мишки. Верное средство. Пародии 79

На первой странице обложки: «Сибирячка» — фото А. Кузырина.

Редактор **В. М. МАЗАЕВ**

Редакционная коллегия: **В. М. Баянов, Г. А. Емельянов, И. М. Киселев, В. Ф. Куропатов** (отв. секретарь), **В. В. Махалов, З. А. Чигарева, Г. Е. Юров.**

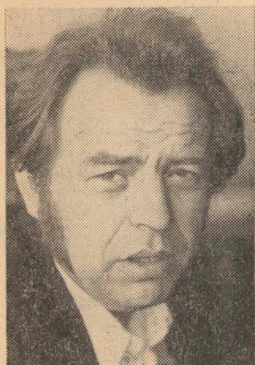
Адрес редакции: 650099, Кемерово-99, Советский пр., 40,
тел. 6-26-95, 6-85-14.

Рукописи не возвращаются

Ведущий редактор **Л. В. Глебова**, художественный редактор **А. С. Ротовский**, технический редактор **Г. Н. Манохина**, корректор **В. А. Лузина.**

Сдано в набор 10.08.1979 г. Подписано к печати 22.10.1979 г. Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 3. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,85. Уч.-изд. л. 7,4. Тираж 5000 экз. ОП22792. Заказ № 11617. Цена 45 коп. Кемеровское книжное издательство. Кемерово, Ноградская, 5. Кемеровский полиграфкомбинат. Кемерово, Ноградская, 5.

О $\frac{0732-45}{M145(03)-79}$ 31-79

Виктор Моисеев

ЗА СОБОЛЕМ

СТРАНИЦЫ ТАЕЖНОГО ДНЕВНИКА

Если бы только знать, что через полгода этот район тайги станет на добрых два месяца родным домом, разве бы таким равнодушным взглядом проводил проплывающую под крылом «Аннушки» землю, когда Владимир Вахромеев, главный охотовед госпромхоза, прижав веснушчатый нос к иллюминатору, прокричал:

— Соболиные места, мать моя родная, пролетаем!

Если бы только знать... Пулей бы бросился к командиру экипажа Павлу Сидячих, чтобы покружил над этими неказистыми горами, дал возможность сфотографировать в памяти ручейки и речки, определить характер тайги. И, быть может, именно эти пять минут дополнительного полета помогли бы сберечь в дальнейшем чуть ли не неделю драгоценного времени, когда наша бригада решала сложнейший вопрос: где рубить избушку?

Однако ничего этого я не предполагал, и потому, несмотря на заполошный крик Вахромеева, без всякого внимания проводил взглядом проплывающую за бортом землю. Тайга как тайга, почти сплошь чернь, переходящая постепенно в чахлый осинник и голый березник. Если припомнить все, что мы видели с воздуха за последних два дня, то, пожалуй, можно назвать немало таких мест, которые во сто крат превосходят своей кра-

сотой район, названный Вахромеевым соболиным. Чего стоит только один Карадат с его знаменитыми кедрачами, которые наконец-то взяты под защиту законом.

Или взять гору Церковную, где расположена главная база госпромхоза. В этих краях еще не погулял топор лесозаготовителя. Вот таких уголков действительно осталось совсем немного в Центральном Алатау.

А с чем сравнить красоту стремительной Кии, которая словно острым резцом рассекает себе путь сквозь каменные горы! На крутых склонах можно увидеть красавцев маралов. О целебной силе молодых рогов пантов этих грациозных оленей живет в народной медицине слава не одно тысячелетие.

Каждый год, как только заканчивается пушной промысел, начинается великий таежный учет. Охотники, едва отдохнув, отправляются снова в свои уголья, чтобы провести учет соболя, копытных животных. И если первого можно подсчитать лишь пройдя маршрутом по таежным распадкам, то вторых легко учесть с помощью авиации.

Не первый год летаю я с охотоведами. Но, кажется, никогда не привыкнуть к этому внезапному, как выстрел, крику:

— Лося!

Вот они замерли, косят фиолетовыми глазами на железную птицу, распластавшую

крылья над их головами. Отчетливо видно, как напряжен у зверей каждый мускул. Вот не выдерживает самка. Она первой бросается под спасительные ветви густого ельника. Следом летит телок-первогодок, взбрыкивая тонкими ногами. Он легко обгоняет мать.

Бык уходит последним. Он вышагивает спокойно, горделиво. В это время сохатый ходит комолым. В начале декабря потерял он свое украшение — мощные ветвистые рога, каждый отросток которых — прожитый зверем год. В марте уже можно увидеть зачатки новых рогов. Как и маралы, они обладают мощной целебной силой. Однако в медицине пока не нашли применения.

Но вот улеглось возбуждение от первой встречи. Дальше начинается привычная работа. Самолет идет челноком по огромным квадратам тайги, и данные обо всем увиденном ложатся в бортовые журналы охотоведов. Потом в тиши кабинетов они будут сведены в единый «гроссбух», и тогда перед глазами человека, хорошо знающего тайгу нашей области, откроется великая тайна. Стоит только чуть дать волю фантазии — и увидишь почти зримо лосей, маралов, северных оленей, бурого медведя, быстрого, как молния, соболя, юркую норку... Только познакомившись с этими работами специалистов, можно смело сказать: «Нет, не оскудела наша тайга».

Более того, несмотря на мощный пресс, который испытывает природа Кузбасса от размаха индустрии, в тайге сегодня гораздо больше соболя и сохатого, чем было в начале века. Вновь вернулись на таежные речки бобры. Стали привычными американская норка и ондатра, о которых еще совсем недавно в наших краях и не слыхали.

Уже добрых полтора десятка лет я собираю все сведения, имеющие отношение к соболу. Каких трудов стоило восстановить его поголовье, довести до промысловых запасов! Мне приходилось встречаться с опытными промысловиками Михаилом Курбатовым и Александром Савиным, которые одними из первых занесли на своих плечах в кедрачи Карата клетки с баргузинским соболем. А потом они же одними из первых получили лицензии для добычи короля пушных аукционов, которые

ежегодно проходят у нас в Ленинграде. В журнале «Охота и охотничье хозяйство» после каждого аукциона приводится таблица стоимости выставленных мехов в долларах. Соболю занимает в этой таблице верхнюю строчку. Так, например, на 50-м юбилейном аукционе соболю баргузинского кряжа стоил 900 долларов. Наш кузбасский соболю относился к енисейскому кряжу и уступает в цене своему сородичу из Забайкалья. Вот почему труд охотника можно сравнить с трудом старателя. Оба они пополняют золотой запас нашей Родины. Вот что такое соболиная охота.

Но недаром есть пословица: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». И потому все эти годы я вынашивал заветную мечту побывать на соболином промысле, полной мерой хлебнуть нелегкого промыслового труда... Знал об этом Вахромеев. И однажды летом, когда мы встретились у него в кабинете, Владимир кивнул на суховатого, черноволосого мужчину с глубоко посаженными глазами и слегка крючковатым носом на скуластом лице:

— Познакомься, это Михаил — наш лучший охотник. Собирается на соболеву в район Кожуха. Нужны помощники.

Мы ударили по рукам. Будем выбрасываться на новом месте. Причем, начинать придется с нуля: рубить избушку, осваивать совершенно незнакомый район. Я спросил:

— Какой?

Вахромеев удивленно округлил глаза:

— Не помнишь? Я ведь тебе показывал, когда сохатых считали...

Пришлось проглотить эту пилюлю молча.

С Михаилом условились: в конце сентября отправляемся строить избушку. А пока он будет подбирать еще одного-двух любителей, с тем расчетом, чтобы получилась бригада. Я не против, потому что мне все равно, сколько человек отправится в тайгу. Главное — познать секреты древней профессии. А поучиться, видимо, будет у кого. Один Михаил чего стоит. О нем уже давно идет слава как об одном из самых опытных охотников госпромпрома. Несколько лет назад он был участником Выставки достижений народного хозяйства СССР.

Наверное, только тот, кто ни разу никуда не уезжал, не поверит, как всегда в такой момент катастрофически не хватает времени. Но наступает срок, и все само по себе каким-то дивным образом утрясается, становится на места. И вот уже мы сидим в кузове старенького Голспромхозовского «газика» вместе с Петром Алексеевичем Малининым — третьим членом нашей бригады. Малинин всю жизнь проработал проходчиком. Год назад ушел на заслуженный отдых. Любит охоту, потому и согласился легко, лишь бы пожить в тайге.

Уже в тот момент, когда Михаил нас познакомил, я почувствовал: у Петра еще столько сил, что запросто быка свалит. Рука громадная, мозолистая. Широкоскулое лицо приветливое, взгляд открытый.

Мы сидим с Петром в кузове, Михаил — в кабине. С самого начала бригадир заявил, что у него застарелый радикулит. И не дай бог простынет — все полетит к черту.

Нам с Петром все равно, где ехать. Сидим на мешках картошки, любимея проплывающей тайгой. Стоит чудная пора бабьего лета. В пронзительной синеве неба плывут серебристые нити — молодые паучата отправляются в свое далекое путешествие. На фоне темной зелени пихтачей огненными всполохами горит осина. Нынче удался урожайный год на ягоду. Куда ни кинь взор, всюду клонятся к земле тяжелые рубиновые кисти рябины — любимое лакомство соболя.

Отправляясь в тайгу, мы имели конкретный план действий. Опорной базой для нас должна стать избушка на Поперечке, одном из притоков Черной Осиповой. От нее в дневном переходе мы рассчитывали срубить еще избушку. Это давало возможность широкого маневра при охоте. Но когда мы в поселке лесорубов Широком встретились с технологом Виктором Антоновичем Стрижаком, тот поразила нас новостью: на Поперечке через месяц начнутся работы. Наша избушка попадет в зону лесосводки. Ни о какой охоте, естественно, речи и быть не может.

Что делать? Эта новость подействовала на нас обескураживающе, ведь запасного варианта у нас не было. Пришлось решать сходу. И здесь на выручку пришел Стрижак.

— У нас по Кожуху стоят несколько пикетных будок. Живут там летом бригады мულещиков, проплавливают лес по реке. Зимой же там ни души.

Михаил на правах бригадира принял решение — едем.

Однако, как это зачастую бывает, наш шофер куда-то запропастился, а Михаил неожиданно встретился со знакомым заготовителем Григорием Сидоровым. Узнав о нашем намерении, заготовитель удивленно развел руками:

— Да вы что, сободем там и не пахнет.

— Как так? Стрижак совсем другое говорит, — вскинулся Михаил.

— А ты побольше слушай, — скептически усмехнулся Сидоров, — давно его знаешь?

— Сегодня познакомились, — буркнул Михаил.

— Вот видишь. Он, значит, добренький, все тебе на тарелочке выложил. Бери — мне не надо... А ты и уши развесил.

Признаться, все трое мы были крепко озадачены: что же делать?

— Меня-то ты знаешь, — сказал Сидоров. — На Ольгинку вам двигать надо. Там весь сободем.

Совсем сбивые с толку таким оборотом дела, мы не заметили, как оказались в кузове нашего «газика», понеслись по ухабистой дороге прочь из Широкого. Дорога была одна — только в сторону Успенки, к автотрассе Кемерово—Мариинск. Но не успели отъехать и километра, как нас тряхнуло, и машина резко остановилась. Еще не осело облако пыли, которое накрыло нас, а Михаил уже сидел рядом с нами в кузове и, стуча возбужденно по колену кулаком, повторял:

— Не верю, никому не верю...

— И заготовителю? — спросил я.

— А чем он лучше! Каждый старается спровадить нас к черту на кулички, лишь бы мы им не мешали.

В словах бригадира был резон. В разговоре с Вахромеевым выяснилось, что из этого района в госпромхоз на протяжении многих лет не поступает ни одного соболя.

— Думаешь, его там никто не добывает? — спросил тогда Вахромеев. — Ловят почем зря,

только поди докопайся — дело темное. Вот вы изложите избушку, там еще бригаду забросим, рейд проведем, может, и прижмем хвост браконьерам...

В свете этого разговора многое становилось ясным. Действительно, никому мы здесь не нужны. И тогда Михаил принимает решение:

— Едем к Чернышеву на пасеку. Он работает в госпромхозе по договору, с ним поговорим, что к чему.

Пасека расположена в десятке километров от Широкого. Нас встретила разномастная стая собак. А потом из избушки вышел сухощавый бородатый мужчина с острым взглядом черных глаз. Коротким окриком разогнал собак, повернувшись к нам, сказал:

— Проходите, люди добрые, гостям всегда рад.

Что привлекает с первого же взгляда в Чернышеве, так это его спокойствие и выдержка. Пока мы в три голоса, перебивая друг друга, рассказывали о своих бедах и мытарствах, Александр не проронил ни слова. Только смотрел каждому из нас в глаза и кивал головой, давая понять, что целиком с нами согласен. И когда мы наконец умолкли, он улыбнулся, обнажив желтоватые прокуренные зубы:

— Правильно рассуждаете, никому вы не нужны. — И тут же словно выстрелил: — И мне тоже.

У меня даже дыхание перехватило. Вижу — Михаил вот-вот взорвется. Но Александр был невозмутим и продолжал:

— Только в отличие от тех мужиков, которые вас то туда, то сюда туркают, я не жадный. Тайга большая, и если действовать с головой, всем в ней добра хватит.

Я почувствовал, как расслабился Михаил, и сам вытер выступивший от волнения пот. Александр продолжал:

— Здесь куда ни пойдешь, везде соболь. Где — больше, где — меньше. Разве угадаешь точно, если зверь ходит широко. Но то, что есть — факт.

— Где же посоветуешь зимовье рубить? — хрипло спросил Михаил.

— А хотя бы на вершине Кожуха. Место нетронутое, леспромхозовские с первыми мо-

розами уйдут отсюда вообще. Надо — завтра покажу. А сегодня, извините, край как в Широкий нужно сбегать. Располагайтесь как дома, а я утречком по холодку буду здесь.

Наконец-то пришло облегчение. Еще день, и конец нашим мытарствам.

Но не тут-то было! Словно злой рок преследовал нас. Не прошло и получаса, как ушел в Широкий Чернышев, — объявился на пасеке старший технорук леспромхоза Паламарчук. Это его участок ведет лесоразработки в том районе, где предложил нам строиться Чернышев. И потому, естественно, мы поинтересовались обстановкой у Паламарчука.

И снова повторилась сцена, которая у нас уже была с Сидоровым. Технорук удивленно обвел нас глазами:

— Да вы кого слушаете? Чернышева? Он здесь без году неделю, чего он знает?..

Александр и сам не скрывал, что осел в этом районе всего год назад, еще не успел развернуться по-настоящему. Даже квартирует на пасеке Петра Ворожеева, который в эти дни уехал в Марининск. Это обстоятельство и смутило Михаила.

— А что ты посоветуешь?

— Между Ольгинкой и Скалистым уже многие годы живой души нет. Там соболя — море.

Бригадир глянул на нас. Я понял его: уже второй человек говорит нам об Ольгинке. День только начинался, Михаил сказал решительно:

— Чего там рассуждать, сегодня и сходим в тот район, поглядим, что к чему.

— Вот это верно, — одобительно кивнул головой Паламарчук. — Сразу убедитесь, что дело предлагаю стоящее.

Прихватив с собой немного продуктов, котелок и ружья, Михаил с Петром отправились в сторону Ольгинки, дорогу на которую объяснил технорук. Но не успели отойти они и полсотни метров, как увидели: навстречу мчит легковой «газик». Остановились, чтобы выяснить, кто это. Из машины вышли двое. Михаил без обиняков спросил:

— Кто такие, зачем пожаловали?

— Сергей Кудреватых из Кемерово, — представился тот, что помоложе.

Он приехал строить избушку. Вот только дядя, лесник Костюченко из Широкого, должен подогнать выючных лошадей, чтобы увезти продукты и весь инструмент.

Михаила от этой новости взорвало.

— На каких таких правах?

Чувствую, Сергей наострил уши, смешался:

— А у меня договор будет с госпромхозом.

— Ничего не знаю, — стоял на своем Михаил. — И у меня здесь бригада. Так что придется тебе уйти в другую сторону.

— В чем дело, тайга не мерена, поделим, — неожиданно согласился Кудреватых. — Ты мне только покажи, где будете рубиться, а я уж поперек не стану, уйду подальше.

Достали карту, стали привязываться к месту. Поскольку Чернышев говорил нам о вершине Кожуха, Михаил разыскал ее и очертил ногтем указательного пальца солидный кружок:

— Вот в этом районе чтобы я тебя не видел. Иначе разговор будет иной...

Кудреватых согласно закивал головой.

— Тогда действуй, — дал добро Михаил, и глянув на Петра, кивнул. — Пойдем, что ли...

Мои товарищи пошли в сторону Ольгинки. Сергей вместе с отцом перетаскали весь груз к избушке, и машина тут же ушла. Мы с Кудреватых остались одни, ожидая, когда из Широкого приедет его дядя. Разговорились. И, естественно, речь пошла об охоте, о том, есть ли здесь соболь.

— Да зверя полно, — успокоил меня Сергей. — Возьмете сколько надо.

Как выяснилось, Сергей на промысле прежде всего ценил собак.

— В прошлом году я брал с собой пять собак. И всех перестрелял — не пошли за соболем.

— Как перестрелял? — недоуменно переспросил я.

Сергей усмехнулся, прищутив темные глаза:

— Первый раз на соболевку собираешься?

— Да вот, решил попробовать...

— Оно и видно, — удовлетворенно кивнул головой Кудреватых.

— Что видно?

— А то, что в гону, когда зверь уходит, не то что собаку, отца родного зашибешь. Представляешь, ты собачонку со щенка растишь, надеешься, а она тебя в решительный момент подведет...

Достав сигареты, закурил. И только сделав несколько глубоких затяжек, махнул рукой:

— Чего об этом балабонить, сам все поймешь, когда зверя упустишь.

— Так ничего и не добыл? — не унимался я.

— Ну почему же? Когда лег глубокий снег, взял четверых капканами. Нашлись в городе покупатели, заплатили хорошо. В прошлом году машину купил, а нынче на гараж бы заработать. Может, повезет...

Незаметно пролетело время. Ближе к обеду на пасеке объявился Костюченко: высокий, представительный. По всему было видно — чувствует он себя здесь хозяином. Известное дело, перед лесниками охотники робеют извечно. От этого, наверное, взгляд на всех нас у Костюченко слегка пренебрежительный, ленивый. Узнав от Сергея, что приехала бригада охотников госпромхоза, он дернул плечами:

— Странно, чего сюда приперлись?

С собой Костюченко привел выючных лошадей. И я впервые увидел, как легко гора разных вещей увязывается в компактный выюк. Особую зависть вызвала у моих приятелей новенькая мотоцикла «Дружба». По всему видать, собирался Кудреватых охотиться капитально. Они уехали, а я остался один. Наконец-то можно достать хоть краюшку хлеба: со вчерашнего дня во рту маковой росинки не было.

Рано утром, когда я еще лежал в спальнике, пришел из Широкого Александр. Узнав о том, что мои товарищи решили разведать район Ольгинки, Чернышев лишь проронил:

— Охота ноги бить впустую.

Пришли Михаил с Петром уже после обеда, принесли с собой глухаря и двух рябчиков. Лица осунувшиеся, с резко обозначившимися морщинами. Так бывает всегда после долгой и трудной ходьбы. А тут еще ночевка у костра, когда сон можно сравнить с куриной дремотой.

Ольгинку они не нашли. Кругом все так заросло осинником, что трудно сориентиро-

ваться. А главное — не удалось найти дорожку, о которой говорил Паламарчук. Или он намеренно неправильно ее показывал? А может быть, и сами мужики что-то напутали.

Несмотря на досадную промашку, Михаил только перемотал свалявшиеся портянки и тут же к Чернышеву:

— Ну, пойдем теперь Кожух посмотрим...

Вернулись мои товарищи к вечеру довольные: место понравилось.

На следующий день рано утром у пасеки стоял трелевочный трактор. Его хозяин, бородатый могучий парень, прогудел:

— Грузи, довезу, куда скажете.

Трактор, газуя и подвывая мотором, двинулся по волоку. У избушки пасеки стоял Александр Чернышев и махал нам вслед рукой.

Часа два едем там, где прошла полоса лесозаготовок. Картина удручающая. Сплошная рубка почти не оставила подроста, а глубокими волоками горы иссечены, словно рваными рубцами. Мне приходилось встречаться с лесоводами. В один голос они твердили об одном и том же. В зоне Мартайги крайне медленно обновляется лес. Это связано еще с тем, что почва здесь бедная — супесь и глина.

Жестоким удар наносят местные заготовители и животному миру. Уже давно установлены такие правила лесосводки, которые предусматривают через определенное расстояние оставлять нетронутые участки тайги. Сюда могут уходить звери, давать здесь потомство. Однако для местных леспромхозов это правило так и осталось на бумаге. В итоге там, где они прошли, — мертвая зона.

И только когда кончился один из волоков, по которому шел наш трактор, мы поняли: наконец-то попали в настоящую тайгу. Кругом, куда ни погляди, стеной стоят ели, кедры. В глазах пестрит от рябины. Трактор идет вниз и вскоре застывает на краю поляны. Хлопнула дверца, и тракторист, спрыгнув на землю, сообщил:

— Приехали.

— А где река? — поинтересовались мы. Тот махнул рукой вперед:

— Вон там.

Сбежали глянуть и были приятно удивле-

ны: вода как слеза, даже видна стайка гольяничков.

Михаил окинул взглядом поляну. Увидев на краю кряжистый кедр, решил:

— Здесь рубить избушку будем.

После почти недели мытарств мы наконец-то в тайге. Лесорубочный билет на право строительства избушки у нас был. И теперь все дальнейшее зависело уже от нас самих. Правда, опытом строительства избушек может похвастаться только Михаил. Ему приходилось ставить их в районе горы Церковной, когда там создавалась база госпромхоза. Однако и мы с Петром к топору привычны.

Возводить сруб Михаил взялся один, объяснив нас заготавливать лес. Занятие не из легких, ведь брать лес приходится с корня.

Пока не был уложен первый венец, мне не верилось, что мы сможем поставить зимовье. Три топора, большая двуручная пила, шершенка с железным циркулем, которым размечают ширину паза, — вот и весь инструмент. Но когда уже по глубокой темноте Михаил обтесал последнее бревно и устало разогнул спину, ровным квадратом на земле лежал первый венец. Бригадир еще раз критически осмотрел работу и, кажется, остался доволен.

Засыная, я думал о том, что, вероятно, вот так же, как мы сегодня, приходили много лет назад на берега Томи первые промысловики. Выбрав удобное и красивое место, брали в руки топоры, и вставляли на берегу реки зимовья и крепости, заимки и деревушки.

Три венца в день — таков темп работы, от которого к вечеру едва остается сил приготовить ужин и без лишних слов разбредиться по палаткам. Закрыв глаза, слышу, как тихо гудит, побрякивает тайга, и на душе становится тревожно. Глухим голосом, сквозь спальник, Михаил пробубнил:

— Завтра снег будет.

Но на следующий день вместо снега на тайгу обрушился свирепый ветер, падегра. Громадные ели гнулись дугой. Вот один гигант не выдержал, ствол хрястнул посередине, и верхняя часть, подхваченная ветром, тараном ударила в соседнее дерево. Треск стоит в тайге оглушительный. Единственным отно-

сительно безопасным местом была середина поляны. Но и здесь нас могло накрыть каким-нибудь шальным обломком. Распоясалась природа, ничего не скажешь!

И все же Михаил не ошибся. Поздно вечером пошел мелкий нудный дождь. А потом все плотней стали валить сырые снежные хлопья. Если верить приметам, ровно через месяц ляжет снег и уже не растает до весны. Ну что же, проверим.

Утром резко похолодало, ошкуренные бревна становились скользкими, как налим. Единственное преимущество: таскать их волоком стало совсем легко. К обеду мы натарили к избушке плотную тропку с желобом, по которому подтаскивали обледевшие края.

Вот и пролетела незаметно неделя в тайге.

17 ОКТЯБРЯ

И снова мы в тайге. Чтобы добраться до избушки, потребовалось трое суток. И это еще хорошо, потому что руководители леспромхоза помогли и в этот раз, выделив нам для заброски трактор.

В нашей бригаде новый член — Виктор, родственник Михаила. Ну что ж, посмотрим, что он за человек.

К вечеру потянул снежок. Михаил, протирая ламповое стекло, приставил его ко рту, протрубил по-сохатиному. Звуки низкие, трубные. При этом он то наклонялся к земле, то поднимал стекло к небу. Собаки вскинулись,

Пришли на пустое место, а сейчас стоит добротная избушка. Правда, надо еще сделать крышу, но эта работа остается моим товарищам. Сегодня мне пора домой.

Я шагаю по сверкающему белизной снегу и читаю великую книгу природы. Не прошел и десяти минут, как сердце прыгнуло, захотелось вернуться к избушке, порадовать приятелей. Тракторный след, который легко угадывается на снежной целине, густо испещрен соболиными набродами.

Вернувшись домой, я с большим огорчением понял: без дневника трудно восстановить в подробностях минувшие события. Вот почему, отправляясь на охоту, я решил твердо: как бы ни складывались дела, буду вести дневник.

И у Путика поднялась на загривке шерсть дыбом. В злобном оскале он показал свои мощные клыки.

И тут же в ответ из болотовины на противоположной стороне Кожуха с явным вызовом ответил бык. Был ли он молодым или старым, сказать трудно. Не будь собак, мы бы наверняка увидели его через несколько минут. Гон в эту пору у лосей в самом разгаре. Но собаки подняли такой переполох, что испуганный зверь рванул прочь, только хруст пошел.

18 ОКТЯБРЯ

Строили сени. Михаил, как всегда, рубил, отесывал бревна, а мы с Петром и Виктором готовили лес, таскали к избушке.

Михаил рубит в лапу, но без паза. Сени будут холодные. Они похожи на просторную прихожую. Умotalись все мы до того, что

ужинать никто не захотел. Легли так.

Но все время сверлит одна мысль: надо добыть мяса. Тушенка, которой у нас, кстати, немного, надоела. Да и прикорм нужен собакам, собакам. Словом, позарез нужно мясо.

19 ОКТЯБРЯ

Вечером прямо на вершину кедра, под которым стоит наша избушка, сел глухарь. Скрылся в ветвях. Мы замерли. Михаил тихонько зашел в избушку. Звякнул патрона-

ми, клацнул затвором карабина, из которого еще не сделано ни одного выстрела. Получил его Михаил на складе госпромхоза прямо в заводской смазке.

Удастся ли нашему бригадиру попасть?

Вот он походил туда-сюда, высматривая цель. Собаки потихоньку подвывают, глядя на хозяина, держащего в руках оружие на изготовку.

Выстрел ударил коротко. Над вершиной кедра взметнулись фонтаном перья. Петух,

ломая сухие ветви, тяжело плюхнулся на землю. Был глухарь довольно тяжелым, основное его зимнее перо еще не распустилось, спрятано в черной дудке.

Удача! Будет ли она сопутствовать нам и дальше?

20 ОКТЯБРЯ

Прямо с утра Михаил и Петр, взяв с собой собак — Путика и Серого, — пошли вверх по Кожуху искать сохатого. Мы с Виктором остались дома.

К вечеру наши охотники вернулись домой и принесли первого соболя! Не черныш, но все же красавец. С рыжеватым чепраком, переливчатым черновато-серым искристым мехом.

Отправляясь в тайгу, мы много говорили с Вахромеевым о том, когда начинать промысел. Ждать первого ноября, когда официально откроется сезон на пушного зверя или же действовать, сообразуясь с обстановкой, когда соболю очистится. Спор этот уже давно идет на страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство». Специалисты на практике доказывают, что официальные сроки установлены формально. Бывают годы, когда и в ноябре пушной зверь еще не полностью закончил линьку, и охотники вынуждены ждать. В то же время на севере, в горнотасечной местности, все это происходит гораздо раньше. Значит, и промысел в этих районах можно открывать соответственно срокам поспевания пушнины.

Вахромеев не сторонник формального подхода к срокам. И потому сказал нам:

— Возьмете первого соболя, там увидите: продолжать охотиться или же подождать малость.

И вот Михаил занялся оснимкой первенца. Судя по мездре — пушнина спелая. Значит, здесь действительно зима приходит раньше. Снег лежит кругом уже крепкий и едва ли растает. А вокруг, в Томске, Красноярске, Новосибирске и Кемерове, метеорологи обещают оттепель до пяти градусов.

У нас же к утру снега подвалило еще больше и ударил легкий морозец.

А теперь о первенце сезона. Петр и Михаил бродили весь день, соболя не видели. Только след встретили, метрах в двухстах от избушки. Но собаки не среагировали на него: был он, видать, старым.

Выписывали кривулину до тех пор, пока не «свалились» в глубокий разлом ручья — Каменного, который впадает в Заломную. На обратном пути к дому разошлись на параллельных курсах, чтобы охватить побольше участок. И тут Петр увидел, как в завальнике мелькнул черной молнией зверек, нырнул в завал, прошмыгнул под ним и юркнул в дупло старой пихты. Петр крикнул Михаила. Первыми на голос, однако, прибежали собаки. Они тут же закрутились под пихтой и завывали.

Дупло было высоко. Соболю сидел на краю дупла и зло шипел на мечущихся внизу собак. Михаил вскинул карабин: выстрел был точным, в самый носик зверька. Серый первым схватил соболюшку и затеребил его так, что едва отобрали. Но тешился аккуратно — в шкурке ни одного прокуса: зверевой пес, понятливый.

Все мы пришли к выводу: надо готовить капканы и рубить путик, потому что без путика не найдешь ни одной ловушки: снег валит, а тайга кругом однообразна, высоких гор нет и в пасмурную погоду, которая, как правило, стоит здесь в это время, трудно точно выдержать направление. Пусть это займет несколько дней, зато потраченное время оправдается.

А зверь есть: об этом красноречиво говорит соболюшка, которую принесли наши товарищи.

Мой первый выход в тайгу — с Петром и собакой Динкой. Ею Михаил очень дорожит. Собачонка неказиста на вид, но ценят приносит отличных. Серый — громадный пес — ее сын, с чисто зверовой хваткой. Как утверждает Михаил, сохатого держит вязко и работает азартно.

Итак, вперед. Пошли по тракторному следу. Очень хотелось пройти по грани вырубов и нетронутой тайги в надежде увидеть лосей или маралов. Но план тут же рухнул: рядом с избушкой пересекли соболиный след. Он был далеко не первой свежести. По моим расчетам, зверь прошел еще вечером. Однако удержаться от соблазна выследить его мы не смогли. Не сговариваясь, взяли с Петром след с двух сторон и остановились лишь часа полтора спустя, когда он, отмахав с пятю километров по бурелому и крепким местам, потянул с вершины водораздела под гору. Тут мы его решили бросить и глянуть, что там за речка в логу петляет?

Дома, разобравшись с Михаилом по карте, пришли к выводу: побывали мы на вершине Белой Осиповой. Она потом делает крутую петлю и поворачивает строго на юг, в сторону Томи.

Вообще, надо сказать, наше месторасположение весьма сложное: от вершины Глухого Кожуха, где поставлена избушка, рукой подать до Каменного ключа, бегущего в Заломную. На Белой Осиповой, которая потом сливается с Черной Осиповой, мы уже побывали. А если миновать чуть севернее вершину Заломной, то можно дойти и до Барзаса. Ну и сам Северный Кожух. Старожил здешних мест Александр Иванович Бидюк говорил мне, что в этой округе рождается около ста ручейков и ключиков. И катят они свои воды на все четыре стороны. Так что ориентироваться по ручьям очень сложно, того и гляди не туда заведут.

Перемахнув по валежине на противоположный берег Белой Осиповой, пошли вниз по течению. Динка шныряет, словно игла, — туда-сюда, но все следы старые, и мы не можем понять: то ли она не берет их по

этой причине, или у нее вообще нет к этому никаких данных. Есть собаки, которые ната-сканы на какую-то определенную дичь. Так, у Михаила все четыре собаки, видимо, чисто зверовые. Они идут на медведя и сохатого. Да и профиль охоты у него такой: в один из недавних сезонов отстрелял около пятидесяти лосей. По существу, один охотник почти полностью выполнил план госпромхоза. И нынче ему после охоты за соболем предстоит снова добывать лосей, мясо которых поступает в торговую сеть. Руководство госпромхоза специально приберегает для него лицензии, потому что знает: лучше Михаила эту работу не выполнит никто.

Однако вернусь на берега Белой Осиповой. Шли мы с Петром спокойно, изредка поглядывая на Динку, которая часто мчала по следу соболя в пята. То есть не по ходу, как шел зверь, а в обратную сторону, как бы навстречу ему. Ну ладно, решили мы с Петром, вот только увидим свежий следок, проверим, на что способна Динка.

И случай такой подвернулся. В густом ельнике отлеживался заяц-беляк. Он еще не успел сменить летней шубейки на зимнюю и потому виден на белом снегу отчетливо. Заметался сначала туда-сюда, а потом рванул в кусты. Динка была тут же. Она не могла не видеть зайца, а уж след — горячее не придумаешь. Но собака потыкалась носом и... побежала в противоположную сторону.

Петр предложил вытродить Серого, но Динка и здесь помешала: бегала, суетилась, бестолково лаяла, пришлось оставить эту затею.

Недалеко от заячьей лежки обнаружили еще один свежий след. На этот раз — колонка. Он расставил свои двоеточия поперек нашего пути, но Динка пролетела мимо, не поведя носом. А когда тут же с шумом поднялся глухарь из-под мохнатой ели, где он пережидал густой снегопад и успел натоптать замысловатую сеть глубоких дорожек, мы с разочарованием поняли: на Динку надежды мало. Глухарь не стал садиться на ближайшее дерево, как это он обычно делает, спугнутый

собакой. Сверкая пестрыми крыльями, он потянул далеко по распадку. Идти за ним не было никакого резона. Собака не отвлечет птицу лаем, не поможет скрасть ее на верный выстрел.

Мы решили взять курс на избушку. Но это легко сказать, а что покажет компас? Север оказался совсем не в той стороне, где мы предполагали. Пришлось идти, все время поглядывая на магнитную стрелку. При этом создавалось впечатление, что мы шагаем совсем не туда. Однако Петр придерживался только компаса. И неожиданно для себя мы подрезали старый Ивановский тракт. Он был проложен еще в прошлом веке старателями на Центральный рудник. Сейчас им пользуются только лесозаготовители да пасечники.

Выйдя на тракт, мы поняли, что снова способны четко ориентироваться, и настроение наше сразу поднялось. Решили все же хоть напоследок завернуть на выруб. Вышли на них, а там метет. И в тайге стоит ровный тревожный гул. Тогда мы спустились в распадок, по которому течет наш Глухой Кожух.

22 ОКТЯБРЯ

Как я и предчувствовал, наутро затынул буран. Я решил остаться дома отдохнуть, привести в порядок хозяйство. Благо и здесь дел невпроворот: приготовить ужин для себя и собак, выварить капканы, очистить от смазки. Но самое трудоемкое — расплести тросики для привязки капканов.

Петр с Виктором пошли на пару. Михаил, взяв Путика с Динкой, направился в сторону Северного Кожуха.

День пролетел незаметно. Первыми вернулись Петр с Виктором. День оказался неудачным: свежего соболиного следа даже и не видели. И Серый, которого они брали с собой, оказался плохим помощником. Он не носился впереди челноком, как это делает Динка, а предпочитал плестись сзади охотников. Видимо, самые добрые собаки у Михаила — Путик и Ласка. Так оно и есть: Михаил вернулся не с пустыми руками — добыл трех соболей! Да двух еще упустил, не смог взять на густых елях, куда они заскочили.

Недалеко от избушки увидели рябину, под которой все было истоптано соболем. Дрозды пооббивали всю ягоду на снег, и соболь устроил себе пир.

Вернулись домой. Едва попили чаю и протопили печку, как вернулись Михаил с Виктором. Они были в долине речки Заломной. Соболей не видели, хотя следов масса.

А на дворе все крутит, метет, и снег валит без перерыва. Сом почему-то тревожный, прерывистый, беспокойный. Видимо, будет какая-то перемена в погоде. Надо бы начинать прокладывать пути, но пока нет приманки, да и как пойдет на нее соболь, сейчас сказать никто не может. Бьем понемногу дроздов, рябчиков — все сгодится при капканном лове. Но тайга на птицу довольно бедная. Почти не видно рябчика, совсем мало косачей и глухарей. Нет и колонка, на которого у меня был основной расчет. В Кожухе, судя по всему, норки тоже нет. Гольяны, не говоря уже о хариусе, давно выкатились на глубокие ямы. А там, где нет рыбы, — норка не живет.

Главную скрипку тут, конечно, играет Путик. Ходит он крупными прыжками, быстро догоняет зверя. Динка с ним в паре работает тоже, должно быть, хорошо. Но самое главное, руководит ими хозяин, хорошо знающий характер каждой собаки, ее повадки и манеры. Они его слушаются, боятся. Не то что нас с Петром. Мы кричим, зовем Динку к себе, а она носится где-то, совершенно не обращая внимания на наши команды.

Соболя оказались все выходными, добротными, так что можно считать сезон открытым. Как начала с утра лететь кидь — мягкий пушистый снег — так до позднего вечера. Я понимаю, рассчитывать лично мне и Петру на такую удачу не стоит: мы с ним бессобачные. Правда, Михаил очень настойчиво предлагает Петру взять с собой завтра Серого. Мол, он непременно пойдет, просто еще не освоился, не сообразил, что от него требуют. А мне кажется, надежды на этого кобелька нет, он гоняет только сохатых.

Пасмурный день незаметно перешел в ночь. Небо затянуло тучами — ни звездочки. А нам надо готовить дрова. Эта забота теперь будет преследовать нас каждый день. И чем сильнее будет давить зима, тем больше нужно дров.

Пока еще легко: вокруг избушки осенней падерой свалило несколько сухостойных лесин. Сейчас кряжуем их. А потом придется таскать сушины издалека. Рядом с избушкой сухостоя нет, а полеглые валежины сырые и горят плохо.

Сегодня поняли, что Вахромеев уже к нам не придет. А обещал «потрясти» местных браконьеров. Дело это крайне необходимое.

23 ОКТЯБРЯ

Решил поставить первые шесть капканов, которые накануне отрегулировал и привязал поводки. Вопрос вот в чем: как ставить? Под след — снег еще мелкий и подкопаться пещеркой с лопаточкой под него сложно. В след ставить я не умею. Дело это очень тонкое, и только опытные специалисты владеют секретом установки капкана в след так, что зверь не подозревает опасности и не сворачивает со своей тропы.

Для меня выход один: попробовать поставить капканы с приманкой в шалашиках, как это делал я в прошлом году, добывая колонков. Выбор приманки пока невелик: один продуренный рябчик, один дрозд и рыба мойва. Я помню, когда я перед отъездом на охоту пришел в магазин с большим целлофановым мешком, поднялся среди покупателей легкий шумок: зачем это я беру такую прорву рыбы? Этот интерес подогрели и продавцы: сколько, мол, работаем, впервые видим такого оптового покупателя...

О том, можно ли рассчитывать на успех с мойвой, я пытался говорить со многими. Абсолютное большинство охотников отвечало прямо: пустая затея, соболь на рыбу, да еще океанскую, не пойдет. Признаться, настроение после этих категоричных ответов у меня порядком упало. Но уже при последней встрече, когда мы бегали по городу в поисках машины, я успел спросить у Вахромеева: не

Несмотря на то, что забрались мы, как говорится, к черту на кулички, все равно в округе нет-нет да и прогремит чужой выстрел. А ведь здесь нет ни одного профессионального охотника или любителя, промышляющего пушнину по договору. И первым среди них я бы назвал кемеровчанина Сергея Кудреватых, который нас обманул: он не заключал договора на добычу соболей с госпромхозом. Тогда мы не придали этому значения. А сейчас поняли, бьет Сергей соболей с размахом, и мы даже не знаем, где. Выяснить это и должен был Вахромеев. Но сегодня миновало воскресенье, а рейдовой бригады нет.

пустую затею задумал я с рыбой? Он успокоил: в голодную пору зверь пойдет на любую приманку.

Успокоил-то успокоил, да не совсем. Дело в том, что почти все соболятники, мои знакомые, ловят зверя только капканами, установленными под след на сбегках — местах его переходов с одного участка на другой. На приманку почти никто не ловит, особенно в начале сезона. Объяснение простое: в этот период зверю еды хватает вволю. И потому к любой приманке он относится весьма подозрительно.

Михаил рассказывал, как они несколько лет назад вместе с охотоведами и специалистом из Новосибирска Валерием Крючковым на горе Церковной вели учет соболя. Крючкову для научных целей необходимо было иметь несколько соболей. У него было специальное разрешение на отлов соболя. Вооружен был Валерий основательно. А главным козырем он считал трехлитровую банку приманки, которую он держал в тепле для духовитости несколько месяцев.

В Томской области, откуда он привез секрет приготовления этой пасты, соболя ловят только с ее помощью. И действует она там, говорят, безотказно.

На Церковной, где есть специальная база госпромхоза, Валерий установил три десятка шестиков со своей безотказной приманкой на

воткнутых под углом в снег шестах. Соболя пробегали рядом с шестиками, но ни один из них даже не проявил любопытства: а что там так густо пахнет? Вместо них Валерий каждый день вынимал из капканов ронжей: прожорливых и настырных птиц, которые, как и сороки, любят поднимать шум в тайге и предупреждать ее обитателей о приближении человека. Наши охотоведы немало повеселились над незадачливым гостем, прозвав его снасть ронжеловкой.

Отправляясь с капканами, я думал, не уготована ли мне участь новосибирского специалиста. Но делать нечего. Попытка — не пытка, и надо же с чего-то начинать.

День выдался тихий, с легким снегопадом. Я забыл компас дома и вскоре был наказан: выписал большой круг и пришел на свой же след. Успел я на этом отрезке поставить три капкана: с рябчиком, дроздом и мойвой. Все в дуплах, прикрытые сухой хвоей. Зверю оставлен небольшой лаз. И если он пойдет мимо, то ловушки не минует.

А следов — море. В одном месте нашел настолько свежие наброды, что, казалось, соболь был здесь не более минуты назад. Легонько дунешь в отпечаток следа — шевелятся, летят пушистые снежинки, верный признак того, что зверь пробежал совсем недавно.

Описав круг, шагаю по лого, который тянется от избушки вверх к Ивановскому тракту. Тут тоже кругом соболиные наброды. Еще три капкана легли в шалашики и дупла — с мойвой. Кроме нее у меня нет ничего.

Петр с утра был в расстроенных чувствах. Что делать: Михаил настаивает — бери Серого, не подведет. Нехотя Петр согласился, но все равно, веры у него в Серого не было. И он оказался прав. В избушку я пришел первым, а следом Петр. Серый уже сидел на привязи. Оказывается, он помчал за сохатым, но не остановил его. В нормальной обстановке собака должна вернуться к хозяину или же продолжать поиск. Серый же не сделал ни

того, ни другого, он беззаботно помчался к избушке.

Взмыленный Петр прилетел следом посадить кобеля на привязь и отправился на охоту один с надеждой вытروпить зверя или же добыть какую-нибудь птицу на ужин. Соболя, конечно, по следам распутать ему не удалось. В утешение принес двух рябчиков.

Уже затемно вернулись Михаил с Виктором. У них опять удача — три соболя. Вот это темпы! Михаил говорит:

— Могли бы еще одного взять, да не сумели выкурить из колодника.

Принесли двух самцов и самочку — черного цвета с красивой седой остью. О таких соболях говорят — игольчатый. И опять все сделали собаки. Михаил хвалит Динку, но я думаю: работает Путик. А о нем он молчит, чтобы не дразнить, как говорится, в наших душах беса.

Но нам делать нечего, хотя, если быть откровенным, обида грызет: ведь обманул Михаил нас. И у Петра настроение далеко не бодрое. Когда они собирались на охоту, Михаил обещал Петру собак. Точно такой же разговор был и у меня с ним, ведь охотимся в один котел. Он вроде бы и не совсем обманул, дает Серого. Но что от него толку, коли он непригоден к этой охоте. Остальных собак Михаил бережет для себя. Конечно, мог бы дать Ласку на денек-другой, чтобы и у нас была удача и поднялся дух.

Я же сделал для себя окончательно вывод. Надо как можно быстрее подготовить капканы, хотя бы штук сорок пустить в работу. И потому сразу же, как только пришел сегодня домой, засел за регулировку их и привязку к ним тросиков.

Работа эта настолько кропотливая и медленная, что лишь к полуночи закончил подгонку четырнадцати оставшихся капканов первого номера. Мои товарищи уже давно спали, когда я прилег наконец и выключил «Спидолу» — наш единственный мостик, связывающий с большим миром.

С утра подморозило, и вместо резиновых сапог решил обуть бродни — настоящую таежную обувь из прочной, крепко прожиренной ворванью и рыбьим жиром лосиной кожи. На вершинах елей, затянутых белыми одеждами, зарозовели первые лучи солнца. День обещал быть ярким, с чистым небом.

Михаил решил взять с собой Ласку и Путика. А Петру предложил Динку и Серого. Петру отступать некуда, взял собак и ушел с ними вверх по Кожуху в сторону Томи. Участок на северной стороне занял я со своими капканами, предупредив всех, чтобы с собаками туда не ходили — покалечатся. Тем более, что у Михаила собаки не приучены к капкану, непременно полезут за приманкой и поймаются.

В этой связи вспоминается мне собака Люстра из поселка Полуторник Тисульского района. С ее хозяином я впервые лет пятнадцать назад ходил на соболеву. Вот эта была умница! Если стоит капкан, она его обойдет стороной. А чтобы не мешать хозяину, Люстра садилась там, где он снимал котомку и втыкал в снег ружье. (К следу надо подходить налегке, с одним капканом и лопатой, чтобы не топтаться и как можно меньше нарушать снежный покров).

Я пошел по косогору в сторону вырубов, чтобы глянуть по тихой погоде: есть ли косачи. Увидел две горностаевых норки. Судя по следам, зверьки отсиживались в теплых гнездах. Поставил в конце дорожки обсыпанный снегом капкан. Посмотрим, что получится. Может, горностаи уже давно прошмыгнули под снегом и ушли. Но я в этом не уверен, потому что, просмотрев все вокруг, выходных следов не обнаружил.

Когда вышел на выруб, открылся большой простор. И сразу же я увидел далеко в низине, на болотистом кочкарнике, поросшем мелким кустарником, сохатого. Шел он неторопко, выкидывая спокойно свои стройные ноги.

Скрадывать его по тихой погоде бесполезно. Я направился в сторону хилого ручейка, тянущегося по логу. Кругом кочкарник, не пройдешь. Но что искал — нашел. Правда,

всего один колонковый след. Решил установить капкан с рыбой. Нашел удобную, кедрину, под которой колонок уже шнырял в поисках мышей. Установил ловушку, замаскировав ее перьями рябчика. На приманку бросил мойву.

На пути к ручью несколько раз пересекал соболиные следы. Были они разной свежести: и вчерашние, уже едва приметные, и сегодняшние, утренние, в которых пятачок успел смерзнуться в так называемый стульчик. А еще через сотню метров увидел свежайший след. Зверь прошел недавно. Но на пути к ручью я решил не ставить капканов, а сделать это при возвращении домой.

Размышления мои оборвались мгновенно. Через мой след бежал соболь! Шел он широким прыжком, уши лопастые, лапы чуть с кривулинкой, и весь он казался черным, потому что бежал против солнца. И в этом встречном свете соболь напоминал отечканенную из металла фигурку. Зверь, хотя и шел неторопко, очень быстро нырнул под колодину, мелькнул через пятак метров среди ельника — и был таков. Стрелять было бесполезно, не достал бы наверняка.

Уняв волнение, я решил пройти по следу и высмотреть, куда он помчался, не думая ли прилечь на отдых. Зверь двигался спокойно, успевая обследовать места, где водились мыши, ночевали рябчики. Значит, не чует преследования. Я шел по следу часа два, а он так и не думал остановиться на дневку. Рюкзак с капканами уже порядком нарезал плечи, под лопатками засела острая боль. Я разочарованно повернул в сторону дома.

Три капкана поставил с грехом пополам под след. Причем в некоторых местах эта попытка не увенчалась успехом: снег настолько мелкий, что в следу спрессован до земли.

В одном месте решил попробовать поставить в след. Для этого на месте установки капкана пришлось убрать снег. Уложив самовла в ямку, накрыл его бумажной салфеткой. Эта предосторожность необходима потому, что попавший под тарелочку снег может помешать сработать настораживающему механизму. Главное при таком способе установки — идеальная

маскировка и точное восстановление следа прямо над тарелочкой капкана. С маскировкой вроде бы все получилось. Самый пушистый снег я аккуратно раструсил над ловушкой. А вот с имитацией следа не получилось. Работа оказалась грубой. Ну, да ладно, будем учиться, набираться ума-разума.

Петр снова в расстройстве. Динка идет по следу в пята, убегает далеко и сидит под пустым кедром или елью, где соболем и не пахнет. Но ведь охотник не знает, есть там зверь или нет, раз гонится собака — надо поспешать за ней, помогать работать. Сделав два пустых марш-броска километра по три, Петр умаялся в рыхлом снегу так, что махнул на все рукой и повернул к избушке.

Серый же все время тащится позади. Толь-

ко один раз он оживился и рванул вперед, когда зачуял свежий след сохатого. Но промчался немного и тут же вернулся на свое место, совершенно не реагируя на следы соболей.

Определенно, что в ясную погоду добывать соболя сложнее. Тайга становится более чувствительной, отзывчивой на любой шорох. В ясный день, да еще с морозцем, как сегодня, зверь отлично слышит опасность, успевает уйти. Так считает и Михаил, потому что даже они с Виктором за весь день добыли лишь одного соболя. Это отличилась уже Ласка. Она ни разу не была на охоте, но талант, видимо, есть, да и чистота кровей собаки — немаловажное условие успеха. А загнала соболя на рябину Ласка уже у самой избушки.

25 ОКТЯБРЯ

День выдался с утра яркий, солнечный. У меня есть три рябчика и одна сойка. Решил пустить их в дело, соорудив на путике шестик с капканами. Одновременно надо проверить, как дела у болотца, где я насторожил капкан на колонка.

С капканами на горностая, я уже чувствовал, ничего не получается. Техники его отлова я не знаю, и не у кого проконсультироваться. Михаил на мой вопрос только хмыкнул, но вразумительного ответа не дал. Ладно, поживем, может, сами разберемся, что к чему.

Соболь снова набродил поперек путика, но своими следами нигде не пробегал, и потому капканы, установленные накануне под след, так пустые и стоят.

И возле капкана на колонка появились новые наброды. Сориентировавшись по ним, сунул еще один капкан в дупло, куда нырял в поисках мышей колонок. Второй установил в ямку, которую разгреб в снегу косач. Это грозное пятно на сверкающем белизной снежном покрове, естественно, привлекло зверя. Колонок прибежал сюда и обнюхал покопушку в надежде чем-либо поживиться. Чтобы привлечь его еще раз посмотреть это место, поставил капкан в лунку, замаскировав его большим комком мелких перьев рябчика.

Пока возился с этим делом, не глядел по

сторонам. А когда вернулся на тропку к рюкзаку и ружью, то замер. Прямо на меня из болотвины, поросшей мелким тальником, шли лосиха с лосенком.

Корова первой зачуяла человека. Она замерла метрах в тридцати от меня, а за ней, чуть поодаль, стоял теленок, у которого можно было даже разглядеть бугорочки будущих рогов. Они стояли словно изваяния. А я лихорадочно решал сложный и весьма щепетильный вопрос: бить или нет корову? Ведь мясо мне нужно позарез! Если стать на букву закона, то мысль о выстреле, конечно же, может показаться злонамеренной. С другой стороны: неужто для прикормки зверя, пропитания самого себя и собак промысловик должен покупать на базаре хорошего бычка или корову? Конечно же, нет! Но и госпромхоз для таких людей никогда лицензий на лося не дает. Вахромеев на вопрос, как быть с организацией прикормки и собственного пропитания, ответил так: действуйте на свое усмотрение.

И вот мне надо действовать, а рука не может поднять ружье на уровень груди. Лихорадочно думаю, что скажут товарищи, когда я поведаю им, какую добычу упустил. Чтобы не испытывать соблазна, не поднимая ружья, ударил вверх из дробового ствола своей «Белки». Лосиха вздыбилась и кинулась в ельник.

Следом за ней, распластавшись по воздуху, летел теленок...

Да, в неловком положении оказывается промысловик, решая проблему обеспечения мясом на весь долгий сезон. По рассказам многих охотников-промысловиков, они вынуждены каждый сезон вступать в конфликт и с законом, и со своей совестью. С молчаливого согласия руководства каждый таежник решает эту проблему по-своему. Все охотники, с кем мне доводилось встречаться, в конце концов признавались, что проблема эта решалась не в пользу сохатого. Получается что-то вроде законного браконьерства.

Почему так происходит, легко понять. Лицензии, которые получает госпромхоз на отстрел лося — это, по существу, финансовый документ, за каждый надо отчитаться перед областным управлением охотничье-промыслового хозяйства. Госпромхозу совершенно нет резона тратить лицензии на то, чтобы промысловик мог обеспечить себя мясом. Хотя, как видим, давно пора решить этот острый вопрос, чтобы охотник не ходил под страхом быть обвиненным в браконьерстве со всеми вытекающими последствиями.

26 ОКТЯБРЯ

С рассветом мы с Петром уже в тайге. Идем по компасу в южном направлении, в сторону Ивановки. Двигаемся параллельными курсами.

Свежих следов почти нет. Наверное, зверь чувствует приближающуюся перемену погоды и почти не ходит, отлеживаясь в теплых норах. Зато полно сохатых. Серый то и дело поднимает отчаянный лай и несется по кругу за уходящими на махах лосями. Обогнать их он не может, поэтому и не задерживает, а бегаёт для своего удовольствия. Должно быть, работать он может только в компании с другими, более резвыми собаками.

Динка на сохатых не реагирует. Зато без отдыха носится вокруг нас, и мы то и дело теряем ее из вида. Судя по вчерашнему опыту, идти надо за ней. И мы не отстаем, хотя зачастую видим: носится Динка в пяту по

Пришел домой уже затемно. Чувствую, товарищи переволновались из-за моей задержки. И тут меня ошарашил новостью Петр: с помощью Динки и Серого он добыл двух соболей — отличных, почти одинакового цвета самочек. Михаил тоже взял двух. Но не это главное. Недалеко от того места, где я видел лосиху с теленком, собаки Михаила задержали лося. И теперь мы с мясом, в котелке уже весело булькает грудина — лучшее лакомство. О том, что пережил в тот день я при встрече с лосями, рассказывать не стал. Боялся, что засмеют.

...Из четверых только я один пока хожу в неудачниках. Петр успокаивает: завтра отправимся вместе. Вдвоем легче выслеживать зверя, да и ходить веселей. Я согласен, потому что время ловли капканами еще не пришло. Сегодня радио принесло весть о том, что всюду потеплело. В Кемерове, Томске, Новосибирске и Красноярске до десяти градусов выше нуля. А мы вторую неделю ходим по белой тропе. Но боюсь не сегодня-завтра и у нас потеплеет, и мне придется всю мою капканную работу делать наново.

старому следу. Но свежих нет, вот ведь беда.

Шли без отдыха часа три. И вдруг в густом ельнике, который мы обходили с двух сторон, коротко ойкнул Серый. И тут же раздался заполошный крик Петра:

— Скорей, ко мне!

Лечу что есть мочи. И на полпути слышу грохот выстрела. А в следующее мгновение открывается такая картина. С верхушки кедра черным комком валится соболь. Он падает в снег, а следом на него с юношеской резвостью падает Петр, а за ним собаки. Мой товарищ опережает их и высоко поднимает вверх добычу. Собаки от радости и азарта подпрыгивают, пытаются вырвать из рук добычу. Допусти промахку — порвут в клочья. Отличный зверек, с ярким оранжевым горлом. Михаил утверждает, что это самый ценный. Проверим, когда вернемся домой.

Добыть этого соболя собаки не помогли. Петр случайно наткнулся на него. Соболь махнул на ель. С ее верхушки он и был снят удачным выстрелом.

Окрыленные успехом, идем дальше по хребту, который разделяет бассейны Заломной и Белой Осиповой. Горы стали выше и чувствуется постоянное их падение в сторону Томи. Но до Томи далеко, ходу дня два.

Выходим на какое-то ответвление хребта, с высоты горы открывается низменность, сплошь затянутая осинником. Пора разворачиваться назад, до дому. Если идти без ошибок, не менее пяти часов потребуется. Соболей не видно, и мы уже порядком приустиали.

Оживление наступило, когда мы вышли на Ивановский тракт. Вот это действительно тракт: глубокие кюветы, по бокам белоствольные березы. Прямо дивная красота среди хмурого чернолесья.

Строили тракт давным-давно, в пору золотой лихорадки, которая прокатилась здесь в конце прошлого века, охватив всю Мартайгу. Именно здесь были подняты в то время самые крупные самородки золота, найденные на территории Западной Сибири. А в любом ключике — россыпное золото. И как память о былых временах остались вдоль ручьев и речек неисчислимые шурфы старателей, да вот этот тракт, который проложен водораздельным хребтом от Ивановки на Федотово, а далее — на рудник Центральный.

Протопав с полчаса по березовой аллее тракта, сворачиваем на север к дому. Уже к вечеру, когда силы были на исходе, мы вдруг обнаружили — Динки рядом нет. Решили сесть подождать. Иногда она, побегав, возвращалась. Ждем. Тишина. Серый свернулся клубочком в наших ногах и подремывает. Петр говорит: надо искать.

Как ни тяжело, приходится возвращаться и снова спускаться в лог, из которого только что еле выбрались. Прошли с километр. И тут услышали, как далеко в логу заполношню бухнула Динка. Петр глянул на меня:

— Заряжай пудей: вдруг берлога.

На бегу толкаю в нижний ствол пудевой патрон. Спешим в ту сторону, где только что испуганно залаяла Динка.

Перемахнули через ложок, быстро поднялись в горку, густо поросшую молодым ельником. Еще недавно Динка носилась по нему, испятав весь косогор следами. Но здесь собаки не видно. Чуть позже обнаружили у рухнувшего кедра свежий соболиный след. Пока раздумывали, что к чему, Динка снова подала голос. Она металась на противоположной стороне лога. Серый, не разобравшись, где стоит в азарте его мать, кинулся совсем в другую сторону. Петр — следом за ним, а потом, чертыхаясь, круто развернулся, и мы побежали по Динкиному следу.

Она сидела перед громадным кедром и смотрела на вершину. Рядом несколько елей, по их густым макушкам соболь может легко уйти. Стучу обухом по стволу. И тут же радостный крик Петра:

— Есть!

Он вскидывает ружье и бьет вверх. Повторяется та же картина, что и утром. Петр, я и собаки в одной куче. Но соболь все же оказывается в руках у Петра. Серому с Динкой мы дали лишь лизнуть кровь с его мордашки, чтобы у них еще больше появилось азарта к поиску. Это был крупный самец черного цвета и сероватой подпушью.

Сразу прибавилось сил, шагать легко. Но длится это недолго. Через полчаса тяжесть с новой силой наваливается на спину. А главное, мы никак не можем подрезать свой утренний след и сейчас не знаем, идем ли мы по малому кругу или уже начинаем описывать спираль. Одна надежда, что впереди Кожух, а его не обойдешь.

Солнце было на закате, когда мы вдруг неожиданно для себя вышли на вырубку. Я только глянул на противоположную сторону горы и понял: до избышки еще час доброго хода.

Наши товарищи были уже дома. Но настроение у них неважное. Михаил с Виктором вернулись ни с чем, исколесив громадную территорию по восточной стороне нашего участка. Дрова кончились, и Михаил, укладываясь спать, объявил:

— Завтра дневка. Отдыхать будем, готовить дрова, заниматься хозяйственными делами.

Отсыпались до того, что заболели бока. Только поднялись, за стенами избушки собаки устроили невообразимый гвалт. Точная примета: кто-то идет. Михаил вышел встретить и через минуту вернулся вместе с Александром Чернышевым.

Он принес кучу новостей. Главная из них — второй день, как приехал на пасеку Вахромеев с охотоведом отделения Владимиром Саратовым. Он считал, что наша избушка находится на соседнем ключе, километрах в двух от нас. Вахромеев попросил Александра показать наше расположение.

Вышли они чуть свет, но, пройдя весь ключ, не нашли, естественно, зимовья. Тогда Вахромеев предложил махнуть на Белую Осиловку. Не взяв с собой карты, он все спутал, и они попали на Каменный ключ, впадающий в Заломную. Как выяснилось потом, были они совсем в другой стороне. Там услышали несколько выстрелов из карабина.

Где-то орудует Кудреватых. Знаем, что еще какие-то мужики собирались выбрасываться в этот район. Бьют зверя пасечники по Заломной. А в прошлом году здесь промышлял опытный браконьер Гордеев.

У нас с ним давние счеты. В свое время в газетах «Кузбасс» и «Правда» были опубликованы материалы об этом злостном нарушителе правил рыбной ловли. Будучи инспектором рыбоохраны, он действовал с размахом. У одних браконьеров отбирал сети, другим продавал. По всей Томи катилась молва о проделках Гордеева. Еще наглее стал он после того, когда его выгнали из рыбоохраны. Браконьеры-то об этом не знали, и потому безропотно подчинялись Гордееву, который выступал в роли инспектора, давали взятки, поили, чтобы избежать составления акта. Мне стало известно, что в прошлом году Гордеев незаконно промышлял соболя в районе Заломной. Вот об этом и рассказал я на страницах газеты, чтобы все знали, кто такой на самом деле Гордеев. Казалось, песенка его спета.

Но он вывернулся и пошел в атаку. Пытался со мной судиться, но при слушании дела в народном суде выплыло еще немало но-

вых фактов, нашлись свидетели еще более нелицеприятных дел Гордеева, так что его впору было лишать свободы. Но доказав, что браконьер остался браконьером, я не стал пользоваться его же приемом — не подал встречного заявления в суд, и, наверное, зря.

Браконьеры — не только хапуги. Это, как правило, и опытные, бывалые охотники. Они умеют ходить скрытно, строить избушки в таких местах, что отыскать их — проблема. Вспоминается, как мы лет десять назад с рейдовой бригадой инспекторов областного управления охотничье-промыслового хозяйства, рыбинспекции и милиции разыскивали на Томи в районе Коврижки некого Михаила Новикова. Полтора года скрывался он от правосудия, и никак не удавалось захватить его в поселке лесорубов.

Лишь после двухнедельных поисков в тайге нашли мы его логово. Избушка была устроена в крутом берегу Бунгарапа, в центре бобрового заказника. Дверь обита тальниковыми прутьями и замазана глиной, сливаясь с общим фоном берегового откоса. Только по случайно оставленной недоплетеной мордучке мы догадались, что здесь — зимовье. А вскоре был задержан и хозяин, который, истребляя в тайге подряд все живое, сбывал через знакомых в Новокузнецк бобров, соболей, норок.

Все это говорю потому, что приезд Вахромеева обрадовал: может, хоть немного в тайге поутихнут браконьеры.

Однако все его старания закончились неудачей. Вернулся на пасеку вечером. А на другой день он сказал:

— Пойду в ту сторону, где стреляли вчера.

С собой он взял Саратова. А Чернышев отправился еще раз снова да ладом искать нашу избушку. И через три часа хорошего хода вышел на мой след, где я ставлю шестики с приманкой для соболей. И вот он сидит у нас в зимовье, попивает крепкий чай, рассказывая подробно о перипетиях последних дней.

Обратно он пошел с Михаилом, который прихватил с собой несколько соболей, чтобы показать Вахромееву качество пушнины. А мы взялись за заготовку дров.

Долго не наступает рассвет. В тайге стоит тяжелый густой туман, и соседние ели едва проглядываются в его пелене. Михаил остался ночевать на пасеке. Перед уходом он предупредил, чтобы мы не брали его собак. Надо дать им отдых, а то они уже заметно побили лапы. У Серого, я это видел сам, когда ходили с Петром, одна лапа кровоточила почти всю дорогу. Ледяная корка после оттепели — что лезвие бритвы. Недаром в пору чарыма, наста, который бывает в марте и апреле в наших краях, для копытных наступает самая тяжелая пора. Они не могут нигуда уйти, засекая до костей о ледяную крошку ноги. Хищников — рысь, росомуху, волка — чарым держит. И уж они пируют, устраивая безудержную резню не только среди молодняка, но и взрослых лосей, маралов, оленей, косуль.

Петр с Виктором решили побыть дома, а потом заняться поиском рябчиков. Я же взял уже порядком проквашенное мясо, капканы и двинул по своему путику. В полукилометре, не больше, под колодиной установлен был мой первый капкан с приманкой из рябчика. Подхожу, и сердце защемило от недоброго предчувствия. Так и есть: кругом все истоптано соболем, капкан захлопнут, приманки нет. Но и соболя тоже нет! Каким-то образом хитрец обошел ловушку и сумел ее даже рассторожить, безнаказанно взяв лакомый кусок.

Ладно, успокаиваю себя, переживем. Протираю мокрый капкан, кладу в дупло новую птицу, делаю все так, как было. Я знаю: если зверь один раз нашел поживу, он должен непременно прийти еще проверить. А нам не жалко, пожалуйста. Только теперь ему уже никак не удастся за здорово живешь рассторожить капкан. Устанавливаю так, что зверю один путь: в железные челюсти ловушки.

В других местах капканы остались нетронутыми, хотя зверь ходил сегодня утром много. Мой путь соболь пересек пять раз в разных направлениях. Все капканы, установленные в след или под него, пришлось снять. На одном шестике сойки разбили рябчика в пух и прах. Прогноз, выданный Михаилом, начинается сбываться. Недаром он эту снасть обо-

звал ронжеловкой. Мне их еще, должно быть, придется половить и почертыхаться от досады не один раз.

Пришел на болото, где был установлен капкан с приманкой из мойвы — для колонка. И вижу под колодиной его светло-коричневую спину. Есть, дорогуша! Поймался. Но когда я потянулся за потаск, удивился: колонок, да не тот. Мелковатые лапы и хвост черный — ага, лесной хорь. Так вот чьи следы я все время принимал за колонковые. Будем знакомы! В моих охотничьих трофеях этот хорь — первый. Но, надеюсь, не последний. У меня есть с полсотни капканов «нулевки» — надо будет их пустить в дело.

На обратном пути сбил рябчика, установил с десяток шестиков с приманкой из птиц и протухшего мяса. Что даст такая работа, посмотрим дня через два.

Дома все в сборе. По всему видать, тоже только что вернулись.

Интересуюсь у Михаила успехами. Он скептически смотрит на Петра и Виктора:

— А ты вот у них спроси — медвежатники скаскались...

Слово за словом вырисовывается такая картина, что не рассказать о ней — грех.

Как только я ушел, отправились и Виктор с Петром. Они пошли вверх по Кожуху и километрах в пяти наткнулись на странный след — кривопятый, с четкими крупными когтями.

— Медведь! — сказал Виктор и похлопал себя по патронташу. — У тебя пули есть?

— Одна.

— И у меня одна. Что будем делать?

— Пойдем возьмем собак, карабин и догоним пестунишку. Это он прошел, — сказал авторитетно Петр.

Примчались в избушку, стали лихорадочно собираться. Бросили в рюкзак две булки хлеба, солидный кус масла и сахар в расчете на то, что погоня затянется до глубокой ночи. А тут и Михаил с пасеки вернулся.

— Следы? Здоровые?

Петр показал свою ладонь:

— Не меньше.

А у Петра пятерня с добрую совковую лопату.

— Все ясно, — сказал Михаил. — Я моментом. Догоним с собаками быстро.

Втроем они вновь побежали по лугу. Вот и знакомый поворот, за которым проходит след. Михаил только глянул и с досады плюнул:

— Какой же это медведь?!

— И верно... — протянул удивленно Виктор, только сейчас рассмотрев как следует странный след. — Росомаха...

Кривопятый след тянул по косягу со стороны Барзаса.

— Вот, сволочуга! — негодовал Михаил. —

Надо выследить ее обязательно, если не уйдет на проход.

Михаил прав. Нет у промысловика более злостного врага, чем росомаха. Хитрый, коварный зверь беспредельно осторожен и в то же время беспредельно нагл. Он ломает прикормочные амбарчики, забирается в зимовье, сдергивает приманку на путике. Но самое худое: неустанно преследует соболя. Где появилась росомаха, там исчезает соболь. И это еще не все. Особенно обидно, когда наглый хищник ворует соболей, которые попались в самоловы. Каково охотнику — изловить с таким трудом соболя и получить на память о нем лишь лапку, оставленную в капкане. Вот почему мы объявляем ей войну, где бы только росомаха ни появилась. Пощады не будет.

29 ОКТЯБРЯ

Погода словно издевается над нами: ростепель голодным языком съедает снежный покров. Утром Михаил долго щупает рукою снег и приходит к выводу: охотиться можно. Петр с Виктором берут Динку и Серого, уходят в сторону Белой Осиповой. Михаил решил заняться изготовлением ящика, чтобы спрятать понадежней от лихого незваного гостя добытых соболей. Я стал готовить капканы. Взял у Михаила десяток первого номера — свои все уже в работе.

Пока кипятил в хвойном отваре, чтобы отбить запах железа, регулировал насторожку, очищал и привязывал тросики, наступил полдень. Попив чайку, решили с Михаилом все же сходить в тайгу. Он взял Путика и Ласку, а я с капканами пошел по своей тропе с расчетом добраться до спрятанного лося и взять мяса.

Из капканов на шестиках снял две сойки. Заметил: духовитое мясо птицы склеивают подчистую, а рябчиков, кедровок и соек разбирают не так быстро. Не могу представить, как в такой ситуации выкручиваются томские соболятники, красноярские промысловики, которые широко применяют этот метод. Возможно, они каким-нибудь способом маскируют приманку от птиц. Иначе не хватит никакого терпения каждый раз насаживать новую, да и

где напасти столько мяса? У меня, например, птицы склевывали всю приманку. Поэтому решил ее заменить сойками и рябчиками.

К сохотому никто из зверей не приходил. Зато птиц полно. Вороны летают по кругу. Они недовольно верещат, стараясь сообщить всем обитателям тайги, что их грабят среди бела дня.

Обратно шел так, что и штормовка потемнела от пота. Петр и Виктор возились возле костра, готовили ужин. Разрубая крупные куски, Петр успел мне рассказать, как прошел у них день. Ни одного свежего следа соболя они не нашли, хотя описали солидный круг. Незадолго перед тем, как повернуть к избушке, встретили на Белой Осиповой след норки, а потом Динка загнала на ель белку. Мужики измотались, но добыть ее не смогли. Раздосадованные неудачей, повернули домой. Но здесь важно отметить такую деталь: появилось много беличьих следов, особенно в ельниках, где уродилась шишка. Следом за белкой должен прийти соболь, это уж точно.

После ужина состоялся большой совет. Дело в том, что вчера мы с Михаилом посмеялись над Петром и Виктором, спутавшими след росомехи с медвежьим. Но сегодня они обнаружили настоящий. Виктор для убедительности снял палочкой размер, а потом вымерил

линейкой, которая есть на компасе. И оказалось, что длина стопы 36, ширина — 22 сантиметра.

Михаил только глянул на палочку, сразу заявил:

— Вот это другое дело. Завтра пойдем догонять.

И вот решаем, кому идти, что взять с собой, потому что к дробовикам Петра и Виктора есть всего две пули. Решили: пойдут Михаил, Виктор и Петр. Они заберут мою «Бел-

ку» и весь припас пулевых патронов. А я попробую завтра замкнуть свой путик в круг и сходить в сторону Кожуха, где Михаил видел вчера следы трех норк. Судя по всему, живут там два самца и самочка. Надо будет попробовать насторожить самолловы на них с приманкой из мойвы и узнать: идет ли норка на океаническую рыбу. Беда только в том, что снег сходит, и зверь почти не появляется, предпочитая отлеживаться в теплых убежищах. Скорей бы кончилась оттепель и приходила настоящая зима.

30 ОКТЯБРЯ

Вот уж не думал, что этот день принесет столько новостей.

Как решено было накануне, Михаил вместе с мужиками, забрав всех собак и прихватив на случай ночевки теплые куртки, запас патронов и продуктов, двинулся в сторону медвежьих следов. А я пошagal к Кожуху, попутно «пробежавшись» по тем капканам, что уже успел расставить на шестиках с приманкой из рябчиков и соек, а также в колоднике с мясом сохатого и мойвой.

Тайга кажется вымершей. На всем пути ни одного следочка. Даже не верится, что еще совсем недавно соболь вытаптывал под рябинами настоящие точки. Вот что значит оттепель и мокрый снег, по которому зверь идет лишь по великой нужде.

Домой пришел в пять вечера. Чуть передохнул, принялся за готовку ужина. Нарубил мяса, запалил костер. И тут услышал, как где-то далеко взвыла собака. По голосу — Серый. Потом раздался выстрел, удары топора о сухое дерево.

Уже в темноте к костру вышел Петр. Динка, которую он вел на поводке, крепко хромила на передние лапы.

Приятель расстроен: куда-то запропастился Серый. А с Михаилом и Виктором он расстался на Ивановском тракте, уже возвращаясь домой.

— А как медведь?

Петр досадливо махнул рукой:

— Не говори, век не видать этого медве-

дя. Такая заваруха началась, что было не до зверя.

Но рассказать о том, что произошло в тайге, Петр не успел. К избушке подошли Михаил с Виктором. С ними, кроме Путика и Ласки, был и Серый.

В ожидании, пока поспеет ужин, и поведати мне товарищи, какие злоключения произошли с ними в этот день.

Началось с того, что Ласка и старая Динка что-то не поделили. Путик же с Серым враждуют постоянно. Известное дело — кобели. Михаил рассказывал, как Серый в одной из потасовок вырвал у Путика клык. У него привычка вцепляться прямо в морду.

Чтобы и сегодня не произошло драки, Петр взял на поводок Динку и Серого. Михаил — Путика, а Виктор стал застегивать карабин на ошейнике у Ласки. И тут Ласка вырвалась и сходу ударила старую Динку. Брызнула кровь. Их развели. Но Динка запомнила обиду.

Разобрав собак, пошли дальше. Кругом крутые лобастые горы уклоном падают в сторону Томи.

И здесь на медвежьем следу повстречали Сергея Кудреватых. Вот где, оказывается, он охотничает. Михаил потребовал у него договор и был немало удивлен, когда убедился, что все законно: Кудреватых заключил договор с отделением госпромхоза на двух соболей, и ему отведена территория в районе Буканкиной речки. Как сказал Сергей, он охотится с напарником и ни одного соболя еще не добыл.

Зато свалили сохатого и добыли одну белку. Но верить этому, естественно, нельзя. Мы-то уж знаем, сколько может добыть соболей охотник, если у него хорошие собаки.

Пока шел разговор, Динка решила отомстить за нанесенную ей утром обиду. В яростной схватке она сумела прокусить Ласке переднюю лапу. Серый же под этот момент кинулся на Путика. Они сцепились в клубок. Когда растащили драчунов, у Путика из носа кровь хлестала струей.

Но если бы только этим закончился день. Разобрав собак на поводки, мои товарищи повернули домой, махнув рукой на медведя. И едва вышли на волок, по которому когда-то перетаскивался лес, увидели трактор. От него навстречу им шел человек, и голос у него был уверенный, хозяйский:

— Кто такие, почему охотитесь на моей территории?

Петр и не подумал объясняться, а пошел сам в наступление:

— А ты-то сам кто, что тут делаешь?

— Гордеев, — сказал незнакомец и вынул документы: охотничий билет, договор на двенадцать соболей, заключенный с отделением госпромхоза. Его территория — вся Заломная

с ее притоками, а также правые притоки Черной Осиповой.

Как выяснилось из дальнейшего, в его распоряжении есть гусеничный вездеход. Охотится Гордеев почти всю зиму, а зарплата на производстве сохраняется. Есть пять лицензий на лосей, но стрелять пока не хочет. Займется этим чуть позже, когда лягут глубокие снега. Трактор гонит к пасеке, где сломался вездеход.

И тут Михаил проявил крутость своего характера. Он сказал:

— Ты можешь делать что хочешь, но в нашу сторону ни шагу. У меня бригада и план очень напряженный. Увижу в нашем районе — всех собак постреляю.

На том и разошлись.

Мои предположения подтвердились. Гордеев снова в тайге, и у него даже есть договор на добычу соболей. Однако к чести руководства госпромхоза, на этот раз браконьеру не дали размахнуться во всю ширь. Забегая вперед, скажу: как только я вышел из тайги, сразу же рассказал об этой встрече Вахромееву. И тот дал команду руководителям отделения, которые заключили договор с Гордеевым, немедленно найти его в тайге и изъять охотничьи документы.

31 ОКТЯБРЯ

Михаил лечит собак, подкармливает их сырым мясом. Идти некуда — оттепель продолжается. Снегу осталось чуток, капканы оголились полностью. Радио приносит неутешительные вести: оттепель по всему краю. Ожили какие-то комарики, букашки. Они летают, сует-

ятся в теплых потоках воздуха — лето, да и только.

После обеда взялись за дрова. Поставили еще одну поленницу. Придет пора настоящей охоты, а она непременно когда-нибудь наступит, дрова рубить будет недосуг. Вот и стараемся, запасаем впрок.

1 НОЯБРЯ

Наш путь с Петром на Белую Осиповую. Решили поставить там несколько капканов, а потом завернуть на Кожух, проверить мои ловушки на норку.

День начался кособоко и оставил неприятный осадок. По каким-то причинам Путик и Ласка не послушались Михаила и прибежали к нам. Мы пытались криками прогнать их

прочь, но безуспешно: они крутились вокруг Серого и не думали уходить.

Тогда Петр сказал:

— Попробуй вернись к избушке, может, пойдут за тобой.

Но из этого ничего не вышло. Мы стали кричать Михаила, чтобы тот отозвал собак. Через несколько минут появился рассержен-

ный Михаил. Решительно взяв поводок у Петра, он повел Серого в сторону, в лог. Вскоре там прогремел выстрел.

Мы с Петром, не говоря ни слова, пошли прочь, чтобы не дать разыгаться скандалу. На душе у меня было прескверно.

Мы не могли найти объективных причин, которые бы объяснили поступок Михаила. Единственное: хозяин вправе распорядиться судьбой собаки так, как он хочет. Но зачем

демонстрировать свою жестокость, давая понять, что виноваты мы. Ведь не наша вина, что его, собаки зачастую перестают его слушаться.

Меня в этой истории насторожила вспыльчивость Михаила. Он явно потерял над собой контроль и поступил опрометчиво. Ведь знал отлично, что мы с Петром без собаки, однако в пылу обиды не пожалел Серого, тем самым лишив нас последней надежды.

2 НОЯБРЯ

С утра моросит дождь. Уходят последние пятна снега. День получается прогульным. Но по всему чувствуется: вот-вот погода переломится и пойдет снег.

Так оно и случилось. Уже поздним вечером дождь шел вперемишку со снегом. А дальше — еще лучше. Похолодало. Значит, к утру будет переноса.

3 НОЯБРЯ

Так и есть: тайгу не узнать. Все бело. Низкое небо, затянутое пеленой тумана, сыплет и сыплет снегом.

У нас гости: охотовед Владимир Саратов и егерь Геннадий Лобов. С ними пришел и Виктор Пронин — профессиональный охотник. У него великолепная собака Байкал — крупный пес, похожий на волка.

Ужин был шумным, веселым. Ребята в честь встречи достали бутылочку. Было спиртное на всякий случай и у нас. Но Михаил словно не заметил моего вопрошающего взгляда. И я отступил. Маленькая граммолька, что досталась каждому, огнем прокатилась по телу, и разговор пошел еще более непринужденный.

4 НОЯБРЯ

Нежданно-негаданно обзавелся сегодня псом. Его привезли с собой наши гости. Кобелек с живыми понятливыми глазами, наполовину серый, наполовину белый, в изящных чулках на всех четырех лапах. Кличка его Пестрый. Парни подобрали его по дороге сюда, когда проезжали через поселок лесорубов.

Утром Петр пошел провожать гостей до Ивановского тракта. Они будут искать браконьеров, проверять, как дела у договорщиков. Вернутся на пасеку лишь к десятому ноябрю.

Вместе с ними отправился по своему путику и я. Отошли от избышки с километр. Им направо, мне по хребту дальше. Простились.

Я уже отошел довольно далеко, как вдруг услышал за спиной свистящие звуки. Обернулся: по путику, заломив хвост кренделем, летел Пестрый. Кричать парням, что пес воз-

ле меня — бесполезно, не услышат. Попытаться прогнать — не получилось. Пусть остается, мне с ним веселее!

Пройдя по путику до Кожуха, убедился, что норка с большой водой куда-то исчезла. На обоих берегах не единого следочка. От речки пошел тайгой. В душе надежда: а вдруг у Пестрого окажется талант охотника? Вот как носится, словно челнок. Только, мне кажется, это больше от щенячьего восторга и радости от первого пушистого снега и легкого морозца, чем от охотничьей страсти. Вижу: натропил сегодня утром хорь, а Пестрый прошел по этому месту на крупных махах и даже носа ни разу не ткнул в снег. Вот так-то.

Такая же картина повторилась, когда я позвал его к свежему следу белки. Зверек пробежал от силы четверть часа назад. Это я опре-

делил, взяв след на ладонь (он весь рассыпался в прах, не оставив так называемого стульчика). Искать белку самому в густом ельнике — занятие бесполезное. Тут даже добрая собака не всегда помогает. А что покажет Пестрый?

Кобелек ткнул свой черный нос в снег и пустился по следу. Я поспешил за ним. И тут же разочарованно присвистнул: срезав путь на повороте, Пестрый летел по чистому снегу, не обращая никакого внимания на то, что уже давно потерял след.

Ну ничего, Динка в первые дни точно так же работала. Не будем терять надежды: может быть, все еще образуется, и собачонка освоит таежную науку, займется тем, чем ей положено от роду заниматься — охотой. Ведь он — лайка: ушки столбиком, сообразительные глаза и крутым кренделем загнутый хвост. Весь — клубок энергии.

Бредем косогором, миновав вершину. Вижу след соболя, совершенно свежий. И тут же — его самого. Соболю в мгновение скрылся из виду, кинувшись в густоту громадной ели.

Где Пестрый? Я позвал собаку. Пестрый прибежал, деловито посмотрел на ель, куда заглядывал и я, пошел по кругу. Следа он не признавал, что ж, попробуем выпугнуть соболюшку. Вынимаю топор, стучу обухом по стволу. Пока выбираюсь из-под лохматых ветвей,

соболю удается снова спрятаться. Эх, если бы были вдвоем...

Несколько выстрелов, выпущенных наугад по елке, ничего не дают. Зверь сидит крепко, а Пестрый только мешается под ногами. По всему видно, он даже не понимает, по какой причине так суетится человек, гремит из железной палки.

Делать нечего, надо валить дерево. Это последняя мера, к которой в сложившейся обстановке прибегает промысловик. Скинул штормовку и меховую безрукавку. Жалко красавицу. Но что делать?.. Через несколько минут по спине бегут горячие ручейки пота. Ель рухнула, подняв снежный вихрь. И в вихре этом я на мгновение увидел, как черной молнией мелькнул соболю.

— Пестрый, ату!

Мой помощник бросился следом за зверьком. Но где там! Соболю летел чуть не двухметровыми прыжками. Пробежав немного, Пестрый сбился с пути и повернул ко мне свою довольную мордашку, на которой было написано: «Ну что, ловко я его прогнал?»

У меня запершило в горле и в глазах стало горячо. Ничего не говоря собаке, я вернулся к искромсанному топором еловому пню, где остались рюкзак и ружье, закинул их за спину и пошагал к зимовью. Охотиться сегодня мне уже не хотелось...

5 НОЯБРЯ

Вчера вечером неожиданно состоялся разговор с Михаилом. Как всегда в подобных случаях, причина была пустяковая. Но это только кажется, что пустяковая. На самом деле конфликт копился не один день, мелочи цеплялись как в часовом механизме, одна за другую. И вот наступил предел...

Но хочу заранее оговориться. Меня беспокоит вот что. Не мы, другие охотники завтра, послезавтра отправятся в тайгу, окажутся в таких же, как принято говорить, экстремальных условиях. Вот они-то и должны знать о грозной опасности, которая подкарауливает человека в таких условиях. Пусть они учтут наш горький опыт...

Пережив всю его глубину и горечь нашего конфликта, я поверил в реальность рассказов о том, что даже бывалые охотники, особенно в трудных северных районах иногда вдруг ни с того ни с сего озлобятся и хватаются за оружие. Бывая в Туруханске, Туре, Нарыме и многих других признанных охотничьих центрах, всюду слышал подобные истории. Иногда они заканчивались трагедией. Срабатывал грозный закон психологической несовместимости.

У нас с Михаилом дело не дошло до крайнего предела. Никто из нас не бросался в сени, где висят ружья. Час глубокой, прямо-таки звенящей тишины — и мы снова говорили

спокойным тоном и даже подтрунивали друг над другом. Но это не значит, что на будущее мы гарантированы от новой вспышки...

Нас четверо. Люди взрослые, со сложившимися привычками, вкусами, взглядами на жизнь. Виктор, родственник Михаила, по своему характеру человек, который в любой ситуации спокойно следует за лидером. В данном случае для него таковым является Михаил. Виктор безоговорочно исполняет все его приказы.

Петр Алексеевич — ветеран труда, в нашей компании самый старший. Всю жизнь работал в шахте, бывал во всяческих переделках. Отходчив, ругаться просто не умеет. Как это свойственно физически сильным людям, все переживает в себе. Так получилось, что всем, что наболело, Петр делится со мной. Наши взгляды совпадают. В тайге надо быть добродушным, видеть не только свои трудности, но и товарища. Речь идет не об охоте, а о повседневных делах быта.

Михаил Изотович — взрывного, импульсивного характера, не имеющий надежных тормозов. Но он — опытный таяжник, обладает профессиональным мастерством. Поэтому и назначили его бригадиром первой экспериментальной бригады. Но, видимо, чтобы быть руководителем даже такого маленького коллектива, как наш, одного профессионального мастерства мало. Куда важнее душевные качества, умение погасить любую волну обиды, недоразумение, самому не гнушаться никакой работой.

Мы провели с ним уже более месяца. И за все это время он ни разу не сварил пищи, не

помыл посуду. Казалось, пустяк, но ведь это первый признак неравенства. Кто бы ни готовил обед, он ни разу не произнес слова благодарности. Мы трое — повара не последней руки для таежных условий. Но Михаилу, как ни старайся, все будет то кисло, то пресно, то недоварено, то переварено...

Теперь еще одна сторона — чисто охотничья. Когда собирались в тайгу, он обещал мне: собаки будут. И Петр поехал потому, что и ему было то же самое обещано. Но вот я и Петр с помощью Динки добыли четырех соболей, и сразу же у Михаила нашлась причина забрать собаку. О драматичной судьбе Серого я уже говорил. Мы с Петром в итоге оказались не у дел.

Ведь капканами промышлять еще рано. Лягут глубокие снега, тогда только можно ожидать успеха. А пока соболю хватает рябины, мышей, и он практически не интересуется приманкой, которую охотно грызут мыши, бьют птицы, все кому не лень, только не соболь. Он начнет интересоваться приманкой лишь глубокой зимой, после крепких морозов.

Теперь о себе, хотя это и трудно. Знаю, что невыдержан. Но не люблю, когда кого-то унижают. Моя профессия журналиста сама по себе обязывает говорить человеку правду в глаза.

Теперь важно, чтобы этот тяжелый, но полезный для всех нас разговор, остался доброй зарубкой, а не глубокой занозой. Думаю, что так и будет, потому что уже сегодня Михаила не узнать: никем не помыкает, не разносит по каждому пустяку в пух и прах.

6 НОЯБРЯ

Третий день небо затянуто низкими тучами, и по ночам тайга шумит глухо и тревожно. Снег валит и валит. Его выпало почти по колено. Каждый день приходится расчищать капканы, перезаряжать их. Вот и сегодня занимался этой неблагоприятной работой. И за все время — ни одного следочка.

Петр решил сходить на Белую Осиповую, проверить капканы. Он взял с собой Пестрого

в надежде, а вдруг да и проснется в нем охотничья жилка. Бегают пес, конечно, красиво, но без толку. Облает то рябчика, то косача. Сегодня облаял филина. Попугав птицу, тут же несется навстречу охотнику.

Такая же картина и на беличьем следу. Поносился туда-сюда, и, заломив кренделем хвост, помчался по своим делам. Мы понимаем: какие-то задатки у Пестрого есть. Пес

молодой, если бы его на выучку к толковой собаке пристроить. Но пока об этом приходится только мечтать. Михаил о собаках своих

не заикается. И я, естественно, не прошу. Нарываться на грубый отказ никому, конечно же, не хочется.

9 НОЯБРЯ

Как быстро летит время! Через три дня за ребятами во главе с Владимиром Саратовым придет на пасеку машина из Успенки. Это и мой срок — пора выходить из тайги.

Сегодня, проводив Михаила и Виктора на охоту, пошли с Петром по моему путику. Он еще остается, и надо передать ему капканы, показать, что к чему.

Шагая с Петром по путику, я думаю: сколько у нас таких, как он, ветеранов, честно отработавших на шахтах, заводах и стройках свои годы и имеющих еще добрый заряд бодрости и энергии. Многие из них через всю жизнь несут любовь к природе. Вот из таких бы и формировать охотничье-промысловые бригады, готовить кадры для общественного пчеловодства. Можно всячески способствовать тому, чтобы ветераны труда держали и свои пасеки. Тайга наша когда-то была заселена весьма густо. Чтобы убедиться в этом, доста-

точно поговорить со старожилами. Они назовут в своей округе столько зимовий, пасек, избушек, что голова кругом пойдет. Сейчас все это брошено. Новая жизнь, дав людям блага цивилизации, оторвала их от природы, от родной колыбели. Особенно ощутимый удар пришелся по пчеловодству. Дело это пошло резко на убыль...

Мои размышления прервал страстный шепот Петра, жаром дохнувший мне прямо в ухо: — Гляди!

Я посмотрел, куда он показал рукой, и почувствовал, как комок подступил к горлу. Не обманула моих ожиданий тайга-матушка. В последний день свидания с ней одарила-таки своим самым богатым подарком. В капкане, установленном на шестике, мерно покачивался соболюшка.

Петр возбужденно хлопнул меня по плечу: — Поздравляю!

10 НОЯБРЯ

Весь день ушел на то, чтобы свой скарб перетащить поближе к пасеке. Умаялся так, что едва к вечеру притащился к избушке. Здесь царит оживление. Дело в том, что Виктор тоже решил выходить из тайги: у него, как и у меня, кончается отпуск.

Из сеней Михаил принес ящик с соболями. Вывалил их на нары, получилась гора мехов. Я перебираю их по одному и думаю: какая красавица будет носить их? Накинёт на плечи пальто с собольим воротником или наденет шикарную шапку, и ей в голову не придет, каких трудов стоило охотнику добыть это богатство. Но скорее всего — уйдут наши соболя в Ленинград на международный пушно-меховой аукцион. Соболя Енисейского края, к которому относятся и наши, пользуются в последние годы большим спросом у зарубежных покупателей.

Михаил прикидывает, как лучше поступить с добычей. Оставлять ее в избушке — опасно.

Надежней отправить с Виктором в город: меньше риска потерять все разом. А такие случаи уже бывали в тайге. Промысловик мается, ломает ноги, гоняясь за соболями, а нечистый на руку человек улучит момент, заскочит в зимовье, когда там никого, — и поминай как звали.

Михаил принялся укладывать соболей в мешок. Мы с Петром вышли на улицу.

Петр не в духе. Я прекрасно его понимаю. Михаил молчит про собак. А без них Петру по-прежнему будет отведена незавидная роль сторожа и повара. Я говорю:

— Сейчас выясню с Михаилом все. Тогда и решай: останешься или тоже с нами.

Говорю, а сам чувствую: ему оставаться не хочется. Лишь охотничья страсть и удерживает его. Михаилу же сейчас скандалить с Петром совсем не с руки. Мы с Виктором уходим. Если еще и Петр потянется за нами, то у Михаила вся дальнейшая охота будет неза-

видной. Одному придется делать все — готовить дрова, варить обед, да мало ли что требуется. А когда же ловить соболя? Хочет он или нет, а собак должен дать. Как только мы вернулись в избушку, я безо всяких обиняков спросил:

— Как быть Петру: дашь ему собаку или будете на пару ходить?

Михаил вскинулся, и на какое-то мгновение в его глазах вспыхнуло недовольство. Но он перебарывает себя и сдержанно бросает:

— А мне все равно, как он захочет. Можно и на пару ходить, и по одному — одинаково. Динку дам. За соболем одна собака работает так же, как и в паре.

Мы переглянулись с Петром. Мой товарищ подумал о том, о чем и я. Значит, все это время Михаил ходит со всеми собаками только из-за того, чтобы не дать повода нам попросить их у него. Но у меня сейчас обиды на него нет. За таежную науку платить надо сполна. Ведь еще когда я собирался в тайгу, меня предупреждали опытные соболятники, чтобы я ни в коем случае не рассчитывал на чью-то помощь.

Зато за Петра я рад от души. Хотя эти три недели, которые он намерен еще побыть в тайге, он поохотится с собаками, и дай бог, чтобы ему улыбнулась удача.

Сидим на пасеке в избушке Александра Чернышева, ждем машину. Разговор все время крутится вокруг Пронина, который почему-то задерживается на охоте. Чувствую: и остальные парни переживают за него. Вдруг собаки поднимают переполох, и мы всей толпой вываливаем из избушки. На тропе, ведущей к пасеке от волока, Виктор Пронин — живой и невредимый. Конечно же — первый вопрос об охоте. И, улыбаясь в курчавую бородку, которая идет ему, Пронин говорит:

— Добыл четырех штук. Теперь гонять колонков меня калачом не заманишь. Буду проситься, чтобы дали здесь участок для соболиной охоты.

И он тут же развязал рюкзак. Мы трясем шкурки, с интересом осматриваем их. Я вижу, здесь все рады удаче товарища. Совсем иная обстановка, чем та, которая царила в нашей компании...

Особенно выделяется Пронин. Он успел истоскаться по людям и теперь разговорился, не остановишь. Меня больше всего интересует, как он добыл соболей. Виктор что-то вспомнил, коротко хохотнул и боднул головой воздух.

— Ну-ка, дай, — сказал он, протягивая руку к Владимиру Саратову, который разглядывал соболей.

Охотовед протянул ему шкурки, и Виктор стал перебирать их, бормоча себе под нос:

— Этот... нет, вот этот...

И найдя того, которого искал, протянул мне.

— Вот этот дал мне прикурить.

Я встряхнул в руках роскошного соболька.

— Ну-ка расскажи.

Виктор достал папироску, размял ее.

— Идем мы с Байкалом вершиной Белой Осиповой. И вдруг рванул пес по логу, откуда чуть ткнул ветерок. Так он делает всегда, когда вёрхом чуёт зверя (не по следу работает, а по запаху). Не прошло и минуты, слышу: лает. Но как-то странно, глухо, словно куда провалился. Неужто в берлогу ухнул? Бегу что есть духу, на ходу в ружье патрон с жаканом толкаю. Вылетаю на поляну, и вот картина: огромная береза и на уровне моей груди щель дупла. А из него торчит зад Байкала. Как он туда заскочил, ума не приложу. Оттого и лает, как в пустой бочке: бам-бам-бам. Подергал его за штанины, едва вытащил из дупла. А он рвется из рук и ни в какую. Значит, там соболь! Достал топор, расширил отверстие, чтобы можно было встиснуться самому. Голова пролезла, а плечи нет. Смотрю вверх — темно. И светятся зеленоватыми огоньками две точки. Соболь уркает и угрожающе пипит. «Никуда ты, голубчик, не денешься», — думаю я, а сам еще и не знаю, как его оттуда добыть. Рубить березу — топориком у меня маленький, хватит до ночи мучиться. Решил ружьем. Чтоб не разбить зверя, разрядил патрон и оставил в нем шесть дробин. Стал снова втискиваться — с ружьем. Тут заметил, что дупло-то и вверх и вниз идет. А ну, как юркнет вниз, как его тогда? Вылез обратно, забил нижнее дупло рюкзакон и фуфайкой. А Байкал аж заходит. Втис-

нулсЯ кое-как в щель, а целиться нельзя — темнота, хоть глаз коли. СчитаЙ, по интуиции навел на светящиеся точки, да и надавил на спусковой крючок... Очнулся от того, что лежу на снегу, а лицо огнем горит. Открыл глаза. Байкал визжит, лижет меня своим шершавым языком. И тут только до меня дошло: чуть сам себя до смерти не оглушил. Ведь в дупле все равно, что в пустой бочке стрелнуть, оглохнуть можно. Но ничего, чувствую, что обошлось. Глянул на дупло, откуда только что вывалился, а из него пороховой дымок клубится и на самом краю лежит вот этот соболек...

Во время его' рассказа подошла машина. Шофер от обеда отказался. Он заявил:

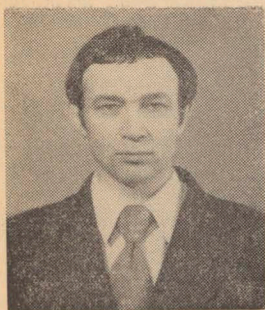
— Надо спешить, а то поземка перехватит дорогу.

С шумом и гамом мы стали забрасывать в кузов свои пожитки.

Было тепло, шел густой лопастый снег. Мы сидели в кузове, тесно прижавшись плечом к плечу. А мимо нас проплывала тайга. Два месяца назад, когда я делал здесь первые шаги, она казалась мне таинственной, чужой и враждебной. Теперь здесь были мои горы, мои распадки, мои студёные ручьи и ключики...

Знаю, пройдет совсем немного времени, и в груди снова вспыхнет тоска по тайге. И я начну считать дни, когда можно будет наконец сказать:

— Здравствуй, тайга, я вернулся!

Валерий Зубарев

ИЗ „БЕРКАКИТСКОЙ ТЕТРАДИ“

* * *

Селяниновичи, Святогоры...
Пареньки,
прорубаясь, проносят сквозь горы
станционные узелки.

В корнесловье колеблются соки:
— Мо-лодцы!
На пути их не сошки, а сопки.
И другие в руках кладенцы.

И другая простерлась отвага
до амурской воды...
Как шагнут, так от каждого шага
остаются стальные следы.

Сквозь болота, лесное дреколье,
сквозь года...
И ползут, как ручные драконы,
по следам поезда.

* * *

Строительному поезду «Кузбасс»

Бесколесная проза вагонов.
Не они на ладах перегонов —
как сгустившийся звукоряд.
Но на месте они не стоят.

Отдается в словах могуче
слово гулкое — коллектив.
Отсеваются все созвучья,
остается — локомотив.

Он от колышков Беркакита
рвется к станции Беркакит...
Лето в рамке теодолита,
как зеленый огонь горит.

На гудящих дорогах флоры
не зевает круговорот.
Время тоже не медлит. Скоро
осень красный огонь зажжет.

А людские пути не гладки:
то затишье на стройплощадке,
то врывается в сумрак снов
зов авральных прожекторов.

И встают на маршрутах года,
состыкованные из часов,
не времянки уже, а всходы
первых каменных корпусов.

Не нужны тебе, поезд, колеса,
под которыми звонкоголосо
молодая частит магистраль,
потому что правдивей, чем сталь,
воспоет до последнего стыка
все угластые взлеты твои
воплощенная в камне музыка
ненакатанной колеи.

БАЛЛАДА О ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ

Невдали от пусковой котельной
собирал людей, как очажок,
оживляя разносол консервный,
оловянно-тусклый бочажок.

Тарой из-под рыбы и тушенки
чокался шутливо строймонтаж,
втягивал к зубам тугие щеки
и мотал чубами: — Мерзлота ж.

А ударник цеха пробивного,
подкрепив снабженческий живот,
кушал из стаканчика складного
и губами чмокал: — Ну и лед!

Репортер почти стонал: — Ангина.
Портретист огромный, как медведь,
волосато рокотал: — Могила.
Лектор тихо восхищался: — Смерть!

От бумаги, камня и полотен,
от всего, где плоть его кипит,
в этот час тянулся, как паломник,
страждущий и пестрый Беркажит.

То, что в зубы било, как зубило,
то, что отдавало мерзлотой,
то, что для нее, для вечной, было
выжатой по капле теплотой,

кто из кружек, кто из чайных чашек,
кто из чайных смаковал носков,
кто из крышек попивал из чайных,
кто из заповедных термосков.

Продолжалась летняя горячка.
День работой, солнцем, жаждой жег.
Жег и мерзлоту сильнее гораздо
бочаговый этот очажок.

Мимоходом кто-то запаленно
на колени перед ним вставал
и в изгибе тяжкого поклона
всем нутром надолго пристывал.

До озноба наливалось тело
теплотою вечной мерзлоты.
И потом всю ночь оно горело
от знобящей этой теплоты.

Белослепящая невеста
и черноблещущий жених —
не сон серебряного леса...
Летят на снег тулупы их.
Вагончик. На двери — подкова.
И все, И выглядит фартово
в непритязательных глазах
импровизированный загс.
Пока служитель Гименея,
командированный сюда,
законом освещает «да»,
толпой шаманов пламенея,
олени в лентах жгут мороз...
В лице каюров их совхоз
бесстрастно горд своим подарком.
А в воздухе как полыхнет!
Румяный вихрь несется к нартам,
сполах в объятиях несет.
Но вихрь признаться принуждают,
что он пингвин, что «форс он давит».
Со смехом кутает пингвин
свою гагарку в мех овчин.
Теперь гони, каюр, упряжку,
пускай свистится в семь колен
полозьям, что милее стен,
раздолье это нараспашку.
Гони, пока легка семья...
и жизнь пленительней жилья.

Посылает дому дом
электрические блики.
Что ни дом, то под окном —
мох и млечность голубики.

Отзывается движок
в листовниках полусонных...
Врезанный, как черешок,
прививается поселок.

Приживается народ.
Не совсем укоренился,
дел еще невпроворот...
Но уже осемьянился.

Дел еще невпроворот...
...Спит кровать, сопит кроватка.
Тех строительная ждет,
этих детская площадка.

И растут во мгле ночной,
как загадки для природы,
на веревке бельевой
рубашоночки и робы.

Тайга вождедела напиться,
Порхнула из тучи тишком
и грянулась о землю зегзица...
и красным пошла петушком.

Взмывал, измывался, нахратил
и пламенем капал со шпор...
И, рыскнув, трелевочный трактор
на дым, как пришпоренный, пер.

По мхам, деревянному дому
и сквозь деревянную стать.
Секли топоры по живому,
трещала под траками гать.

И этого ада исчадьа
во образе дивных существ,
мечась, исчезали из чащи
чадящих несовершенств.

От мыши и птицы ублюдье,
с рогами ветвистыми конь...
И только не сгнули люди,
когда кукарекнул огонь.

И там, где в прозренье безумном
был предан огню черновик,
о разуме хаоса юном
гласил человеческий язык.

СТАНЦИОННАЯ БАЛЛАДА

Перепутье реальности и фантазии.
Здесь,
согласно пеленгу
Службы Самопроизвольного Движения,
дорога века пересеклась с дорогой вечности...

Добро пожаловать в наше мгновение,
пассажир, следующий из бесконечности,
приветствуем тебя на новой станции,
беркакитский первенец.

Это я говорю — олененок, уступивший тебе свою шубку.
Это я говорю — черный камень, распавшийся для тебя на солнечные атомы.
И я — часть дерева, спрессованная в лист ватмана,
из четвертушки которого

художник-любитель

в шутку
сработал свидетельство о твоём рождении:
на одной стороне — поздравление,
на другой — аист,
смахивающий на подъемный кран.

Это мы говорим — безвременно отправленные к иным мирам...
Приветствуем тебя, крошечный одинокий скиталец,
на разминке спонтанных поездов,
где воронками песочных часов
наше последнее сужающееся «ау»
расширилось в твоё первое «ау».

ПРОКОПЬЕВСК

Вера Кудрявцева

РАССКАЗЫ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Накануне того дня, когда Илларион Фомич должен был дать доктору ответ, согласен он или не согласен на лечение, после которого он, может, еще и проживет, но не исключено, что потеряет правый глаз, он увидел свой сон.

Сон этот стал сниться ему вскоре после смерти жены Христины. Вот буд-то приезжает он в какой-то город. На самом деле такого города Илларион Фомич не видывал. Всю Европу до самого Берлина прошагал, много городов повидал, а снился ему какой-то совсем неведомый. Потом-то, как «побывал» он в том городе не единожды, стал этот город ему не то что знакомый, а прямо родной. Знал он, по какой улице идет и какой дом вынырнет за поворотом.

А сделав в том городе важные дела (какие — Илларион Фомич никогда, проснувшись, не помнил), он торопился в универмаг. Стоял тот универмаг на отшибе, все улицы от него как бы сторонятся. И всегда, завидя на просторной площади это огромное четырехэтажное стеклянное здание, похожее на дом быта в их районе, Илларион Фомич испытывал прямо какую-то по-мальчишески неоглядную радость.

В первую очередь он взбегал по боковой лестнице на четвертый этаж. Там

продавались игрушки. От разноцветья у Иллариона Фомича захватывало дух. Он быстро нагружался машинками, шариками, резиновыми надувными зверятами — для ребятишек улицы. Дочке, которая теперь уж сама в бабушки на-лаживается, покупал всегда куклу с за-крывающимися глазами. А потом долго выбирал игрушки для Маруси. И сра-зу начинало поднимать сердце: заранее знал — не выберет. Надо ведь что-то этакое, чтобы недетски печальные глаза Маруси цвета снятого молока ожили, потеплели. Так ничего не выбрав, спу-скался он по той же боковой лестнице на первый этаж. «Ладно, — думал, — куплю им с Христей по платью».

Платья продавали на первом этаже. Господи! Каких там только не было! У Иллариона Фомича глаза разбегались. Он метался от витрины к витрине, тро-гал шелка заскоружлыми пальцами куз-неца. Молоденькие, всегда такие при-ветливые продавщицы изо всех сил по-могали ему. И вот платья куплены! Ко-нечно, он опаздывал на поезд: то билет не успевал купить, то состав трогался, когда он вот-вот уже готов был ухва-титься за поручень вагона. Но счастья от этого не убывало: сколько подарков все-таки привезет он и жене Христе, и

дочке, и ребятишкам всей улицы. И Марусю обрадует.

На этом обычно сон и обрывался. Илларион Фомич всегда жалел, что проснулся. А еще он жалел, что бывал в том универмаге один, без жены Христи. Ну хоть бы когда она ему приснилась.

Жену свою он, как говорится, чуть ли не на руках носил. Вот уж воистину — готов был ноги мыть да воду пить. Невидный из себя, белобрысый, толстогубый, с носом, который на семерых рос да одному достался, он еще парнем понимал: на пригоженьких не заглядывайся, ищи себе залетку попроще. И была уже на примете такая — остроглазенькая, востроносенькая, конопатенькая соседка Глаша. «Цыпушка рябенная», — думал толстогубый Ларька, наблюдая через прясло, как шустро бегают она по двору, управляясь со скотиной. Приучал себя любить Глашу.

И вдруг — диво дивное! Чуть не первая красавица в их селе, чернобровая, яркоглазая, уже в семнадцать лет статная да гордая, Христи Ващенко выбрала его. Из хохлушек была. Много украинцев наехало в начале века в их сибирское село. Христи-то уж тут родилась. Живя с чалдонами мирно, душа в душу, хохлы старались все же родниться только меж собой, кровь не смешивать. А Христи чалдона выбрала, Ларьку кузнеца.

По третьему году уже он работал в то время с отцом в кузне. Всему выучился, ловко управлялся с мехами и молотом. Колдовал как-то над подковой — прибежала Христи. Девчонки все бегали в кузню по гвоздики, какими лошадей подковывают. Плосконьками, без шляпок, обрубками этими хорошо, мол, половики прибивать. Ну берите — не жалко: после рабочего дня, как семечек, насыпано их на земляном полу кузни.

Вот и Христи прибежала по гвоздики. Да и забыла, зачем пришла. Заворожил ее толстогубый Ларька, превра-

тился он для девчонки вдруг в богатыря-волшебника. А скоро на удивление всей деревне Ларька и Христи сыграли свадьбу.

До войны успела родить Христи только дочку. А в войну, видно, надела на мужской работе — сама к наковальне вместо него стала. И не было у них больше детей.

Многие потом в деревне тем и объясняли его возню с чужими ребятишками, считали чудачеством, занятием, мужичьи недостойным.

Так, видно, думала и Христи, снисходительно относясь к мужниным выдумкам. Но иногда, увлекшись, сама помогала мужу. Например, когда пришла ему в голову затея с дедом-морозом. Вместе они придумывали и ладили костюм. Овчинный тулуп покрыли старым, выгоревшим до белесого цвета понитком. Из лыка сплели лапти и напялили их на пимы, из белой шерсти катанные. Вместо кушака сгодились пестротканая опояска. Черную шапку Христи обтянула марлей. А бороду-то да усы из кудели сладили. Теперь задача — чем мешок наполнить, какими гостинцами станет дед-мороз новоявленный ребятишек одаривать.

Погрузила Христи на санки мешок картошки и свезла в сельпо. За картошку получила пяток горстей конфеток, похожих на крупные пестренькие бобы. Даже дочке Санке не показали они конфетки те. Потом напарила Христи моркови, брюквы, свеклы, в печи подвялила, на морозе застудила — вот и готово лакомство.

Первого января, раным-рано, хоронясь от глаза людского, задами да огородами, ушел дед-мороз на лыжах в лес. А к тому времени, как празднику начаться, и выкатил из лесу. Ох, что тут было! Первыми увидели деда-мороза косоглазенькие братья-близнецы Курдиловы, с краю улицы жили, у самого леса. Как увидели, замерли, ротышки распахнули, косенькими глазен-

ками уставились: не поймешь — на тебя смотрят или мимо. А потом опомнились да в улицу, да с криком: «Ребя! Дедушка-мороз! На лыжах из лесу вынырнул! Вот ей-бо! Самый заправдашний дедушка-мороз! И мешок на загорбке во-о какой здоровенный!»

Набежали, окружили, глаза у всех — сверк-сверк! А уж как по конфете получили, тут вовсе праздник наступил. А Маруси среди ребятни не было видно.

Пока шли по улице гурьбой, и бабы, и старики из домов повысыпали, руками всплескивают.

— Да кто же это ряженный-то?

— Да Ларыша, боле некому!

— Ему в самый раз дедом-морозом выступать — нос разукрасил и айда!

Когда поравнялись с конторой, где в каморке жила с матерью Маруся, дед-мороз подошел к завалинке, постучал в окошко:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

— Немки там живут!

— Немчурал! — закричали дружно ребяташки. — Пошли отседова, дедушка-мороз!

Нахмурился дед-мороз, в дверь постучал настойчиво.

Маруся выскочила в одном платышке, увидела деда-мороза, замерла, хуленькая, маленькая, одни глаза в поллица.

«Да улыбнись ты, дочка, заблести глазенками», — так смотрел на нее Илларион Фомич, протягивая ей гостинцы.

— Спасибо, — прошептала Маруся и присела чопорно.

— Пойдем с нами, Маруся, — позвал дед-мороз. Маруся взглянула на хмурые лица ребяташек:

— Нет, дядя Ларя, — узнала его, — не могу, спасибо.

И кончилась для него сказка. Правда, еще до самого вечера не снимал он своего костюма, упарился весь: то плясал с ребяташками вокруг школьной елки,

то катал их, впрягшись в большие сани, по улице. Но радости не было. Наступал первый мирный новый год. Вот уж больше месяца он дома, а еще не почувствовал себя победителем. Как в первый день возвращения домой увидел эти глаза, так понял: не кончилась для него война.

...В тот день он отмахал от станции до дому тридцать километров. Шел, поскрипывая молодым снежком, не чувствуя усталости, наслаждаясь тишиной. В родное село пришагал к полудню. Остановился на пригорке, отыскал крышу своего дома, повлажнели глаза. В селе было так же тихо, как в лесу. И не видно было ни людей, ни подвод. Только из школы невдалеке стайкой бежали ученицы. И вдруг из стайки этой вырвалась вперед одна из них:

— Папка-а-а! — разорвал тишину ее крик.

Девчушки чуть не валили его с ног, повиснув на руках, на плечах. Санка, такая же, как и он, толстогубенькая, все повторяла, лучась глазами: «Папка, мой папка пришел...» И вдруг, целуя дочку, он увидел эти глаза — само горе. Девочка стояла поодаль, не решаясь подойти, и, как только глаза их встретились, отвернувшись, пошла торопливо, оступаясь, начерпывая в разные ботинки снегу.

— Чья же это? — спросил Илларион Фомич.

— Не наша, — был первый ответ.

— Как не наша?

— Немка она, — отрезала Санка.

— Девочка! — окликнул он, еще не зная, зачем.

— Ее Мари звать, — явно не одобряя отца, опять сказала Санка.

— Мария, Маруся! Поди ко мне! — позвал Илларион Фомич и развязал вещмешок. — На, Маруся, пиши на здоровье, — протянул девчужке голубенькую тетрадку с лощеными, в клеточку,

страницами. Девочка не верила своим глазам.

— Бери, бери, Маруся, — улыбался он ей ласково.

— Спасибо, дядя, — прошептала она одними губами и присела смешно.

— Дядя Ларя я, зови меня — дядя Ларя.

Она секунду смотрела на него, потом прижала тетрадку к груди, кинулась прочь со всех ног. И тут он увидел, как смотрят на его руки остальные девчонки: в руках его голубело невиданное чудо — настоящие лощеные тетрадки.

— Нате, нате, — раздавал он торопливо всем по одной. И заметил, как ревниво следит за его руками дочка: останется ли ей-то. Осталось и для нее. И еще осталось в душе недовольство дочкой: что это — недобрая растет, жадная?

Первым делом попытался он в то время подружить дочку с Марусей. Стряпали, например, пельмени на радостях, он сказал:

— Санка, скричи подружку.

— Какую?

— Марусю.

— Она мне не подружка.

— Почему? Вместе ведь учиться.

— Она немка.

— Ну и что? Она же наша немка, советская.

— А может, не наша! Вон у бабушки Поленихи стояли на квартире немцы, тоже говорили — наши! А сами хотели Гитлеру подсоблять! Их всех в тюрьму посадили!

— Но ведь Марусю с матерью не посадили же.

Санка строго поджала губы.

— Миля такая женщина хорошая, — вздыхала Христина. — Партейная. И муж был партейный. Погиб. Похоронка приходила. А житья им нет в деревне. И эти, — кивнула на дочь, — проходу девчонке не дают!

— Да это они врут все! — зло кри-

чала Санка. — Может, не было похоронки! Может, он тоже в тюрьме!

Тогда Илларион Фомич вот на что решился.

— Был у нас один немец, из Поволжья тоже, — ох, и геройский был парень! — сказал он и на дочь покосился. — Как фамилия у Маруси? А отца как звали? Господи! Так ведь это никак он? Как это мы с ним ни разу не разговорились? Ну, точно — он это! А я все смотрю, думаю: ну, где я видел глаза такие же, простокешные. Погиб он. Как герой. На виду всего нашего батальона погиб.

И на следующий же день, договорившись с учительницей, рассказал в классе про храброго солдата — Марусиного отца. Про то, с какими смелыми речами обращался он из специальной машины к немцам, призывая их не воевать против Советского Союза. Про то, какой он был дерзкий — подъезжал к самому расположению врага. И про то, как фашисты взорвали машину на середине пламенной речи коммуниста.

И все смотрели на Марусю, оглядываясь, теперь уже завидуя ей. Илларион же Фомич, взглянув на нее, опустил голову: имел ли он на это право? Может, девочке легче было бы пережить боль унижения, чем до конца поверить в гибель отца.

Маруся сидела, не шелохнувшись. Пальцы так сжали локотки, что, казалось, не разжать их никакими силами.

Весь тот день Илларион Фомич мучился: ладно ли поступил, не хуже ли сделал. А вечером, когда возвращался из кухни, встретили его в безлюдном переулке Маруся с матерью.

— Дядя Ларя! — окликнула девочка и замолчала, не сводя с него глаз.

— Спасибо фам, — сказала Миля. — Мы никокта не сапутем фашей топроты. Муж мой тействительно покип... Только он покип пот Сталинкратом... не ф Пелорусии...

А через несколько дней прибежала

из школы Санка, оживленная, и, обжигаясь супом, заявила:

— Папка, я к Марусе! На весь день! Она в школу не ходит, у ней ботинки совсем развалились. Надо с ней заниматься, а то отстанет. Все хотели ходить к ней по очереди, а я сказала: «Нет, она моя подружка, и я с ней сама буду заниматься!» И Нина Павловна сказала: «Молодец!» Вот!

— Молодец, — похвалил и он дочь. И задумался про ботинки развалившиеся. Примечал он уже, в каких обутках щеголяет безотцовщина. Кто в чиненых-перечиненых пимах не со своей ноги, кто в опорках.

— Христя, — спросил жену, — у нас есть шерсть битая?

— Водится маленько.

— А кислота в той бутылке, в зеленой, сохранилась?

— Да есть, однако, и кислота. Пимокатствовать, что ли, потянуло?

— Ребятня в деревне вся разутая.

— На всех-то не хватит у меня шерсти. Да и ты, Ларя, не солнышко — всех не обогреешь.

— У своих-то, у деревенских-то шерсть найдется, катать вот некому. А Санке с Марусей на пимы наскребется?

— Найду.

С той поры днями работал Илларион Фомич в кузне, ночами катал в бане пимы ребятне. Как ни пытались солдатские вдовы заплатить ему за работу, не брал денег.

— Дело соседское, — всем отвечал одинаково.

Девчонки, Санка с Марусей, весь день вертелись перед зеркалом. На табуретку взбирались, чтобы получше рассмотреть обновку.

— Как на клобука! — вслух радовалась Санка. Маруся же молча, все еще будто не веря в это чудо, рассматривала маленькие, как игрушечки, валенки и преданно смотрела на Иллариона Фомича.

Она теперь каждый день так на него

смотрела. Прибежит в кузню, затаится в уголке и смотрит, смотрит. Оглянется он на нее меж делами — аж сердце зайдет: ах ты, кроха, кроха, отошла, отогрелась маленько...

— Я так не моку! — наотрез отказалась взять валенки Миля. — Я толшна расплатиться — это фаш трут, это фаш материал...

Маруся покорно сняла валенки и ждала, чем кончится спор.

— Ну какая же вы неговорчивая, — досадовал Илларион Фомич. — Жизнь долгая — рассчитаетесь...

— Фот что, — сказала Миля. — Я хорошо знаю немецкий язык, литературный немецкий язык — Хейне, Гете... Я путу саниваться с фашей Оксаной, мошет, ей ф шисни прикотится...

Да недолго изучала его дочка литературный немецкий язык. К лету разрешили ее учительнице Миле вернуться на родину.

Но не прошли-таки ее уроки даром: дочка его, Санка, институт иностранных языков закончила, учит теперь ребятешек села и немецкому и английскому. До завуча школы уже дослужилась его дочь.

...В тот день, когда они уезжали, Миля с Марусей, качал Илларион Фомич первый в то лето мед. Увлекались они с женой пчеловодством, даже, в войну Христя сохранила две колодки.

Вот собрал Илларион Фомич ребятню на первый медок. Огурцов, прямо с грядки, повдоль нарезал, в чашку меду парного налил, блюдо с сотами выставил:

— Ешьте-ка огурцы с медком — чисто арбузы! — угощал. И все поглядывал в переулочек: неужели так и уедет Маруся, попрощаться не прибежит? Вот как прилепился душой к сироте.

Они показались в переулке, Миля с дочкой, и он никак не мог рассмотреть, что это так торжественно и бережно не-

сет малютка Маруся? Подошли ближе. Ступка в ее руках, чугунная ступка. Тяжелая, видать, для нее, а матери не отдает. В ступке пышным букетом цветет петунья. Не к Санке, не к Христе, а прямо к нему направилась Маруся с этим цветком в ступке:

— Это вам, дядя Ларя, — на него смотрели преданные глаза. — Я сама вырастила...

Поднял ее вместе со ступкой этой, посадил за стол к остальной ребятне, поставил перед ней чашку с медом. Обнялись, как сестры, Христина с Милей, заплакали.

...Ступка эта на столе у них стоит в горнице, вместо вазы, уж без малого три десятка лет. Не помнит Илларион Фомич, сколько раз пересаживали они сперва с Христей, потом с дочкой цветок петунью, сколько лесенок городил он из лучинок, чтоб не распадались гибкие, хрупкие стебельки...

Поначалу Маруся с Милей писали им часто. Потом пореже. Потом стали приходить открытки по большим праздникам. Переписывались и Маруся с Санкой, пока в институтах учились. А потом и открытки приходить перестали. Илларион Фомич не обижался. Есть в жизни молодого человека годы такие, когда ему ни до кого дела нет — так собой занят. То суженого или суженую ждет-выбирает. То дети захлестнут — с головой погружаются молодые родители в счастливую неволю забот да хлопот о них. И на службе опять в эти же годы надо себя проявить-показать, верное направление взять. Не обижался Илларион Фомич и постепенно тоже стал забывать девчущку-тростиночку Марусю.

И случилось же так, что вспомнила она о нем в самые тяжкие для него дни, вскоре после похорон Христи.

«Дорогие тетя Христя и дядя Ларя! — писала Маруся. — Долго я не пи-

сала Вам — простите. Но в жизни человека наступает такая пора, когда ему необходимо приостановиться, оглянуться и подумать, что взять с собой из прошлого, что помнить, на что опираться, чтобы идти дальше. И я поняла, что нет у меня после мамы ближе и роднее людей, чем вы, тетя Христя и дядя Ларя. Очень я хочу повидать вас, познакомиться с вами моих детей. Я непременно при первой же возможности навещу вас, если можно...»

Илларион Фомич прочитал письмо и будто живой воды глотнул: есть для чего, для кого дальше гоношиться. Дел сразу набралось неупрото. А уж если дела у человека появились да задачи, то и живет он, значит.

Перво-наперво дом отремонтировал. Все летечко на это ушло. Потом две семьи пчел у соседа Степана откупил: после смерти Христи решил было с этим занятием развязаться.

Но ни в это, ни в следующее лето, ни после не дождался дорогих гостей. То за границу путевку дали Марусе, за хорошую работу отметили, то на курсы повышения ее посылали аж в Москву. То отпуск с мужниным не совпал.

А теперь вот сковырнулся Илларион Фомич...

Накануне того дня, когда Илларион Фомич должен был дать ответ доктору, согласен он или не согласен на лечение, после которого он, может, еще поживет, но наверняка потеряет правый глаз, он увидел свой сон. Опять приехал будто он в тот город, которого наяву не видывал. Быстро сделал все, что надо было, и скорее — в универмаг. Молодо взбежал на четвертый этаж, накопил игрушек для ребятешек и на первый этаж заторопился — платья выбирать для Христи да Маруси. Только опустил, смотрит — Христя. Стоит у двери, улыбается ему. Кинулся он к ней, загляделся в глаза ее, поверить не

может: Христия, его Христия! «Приснилась ты мне все же!» — думает.

— Пойдем, Ларя, — говорит она. — А то на поезд опоздаем.

— Подожди, Христия. Я еще ничего Марусе не купил.

— И что это ты, Ларя, так об этой девчужке печалишься? О дочке так не заботился, как о ней.

— Дочка наша Христия, слава богу, такая характерная, такая ухватистая — не нужна ей шибко-то наша поддержка. А Маруся... Вот не поверишь, Христия, позаботиться о ней — вот будто для меня боевое задание выполнить.

— Понимаю, — говорит Христия. И пошли они вместе платья смотреть — все знал в этом своем универмаге Илларион Фомич.

Проснулся — серое утро хмурится за окном. По карнизу соседнего корпуса лениво топчутся жирные, крупные, как курицы, голуби.

«Ну вот, Иван Алексеевич, и ответ, видно, мне мой приснился, — подумал о докторе Илларион Фомич. — Зовет меня к себе моя Христия. Зачем тебя, Иван Алексеевич, лишним делом загружать и себя уродовать? Помереть, видно, надо своей смертью... А может, еще до весны-то дотяну? Вон уж сосульки проклюнулись... Траву еще, может, молодую увижу».

Подумал так Илларион Фомич, потом снова сон свой стал вспоминать-перебирать. Не торопясь, с четвертого этажа универмага «опускался», чтобы подольше радоваться предстоящей с Христией встрече...

— Папка! — вернул его в больницу палату сочный голос дочери.

— Папка! Ты уж не обижайся — целую неделю не была у тебя. Конеч четверти — отчеты, собрания... А тут

еще затеяла борьбу с отцами-пьяницами. Они пьют, а дети страдают!..

Илларион Фомич слушал деятельную свою дочь и сам на мгновение почувствовал себя и тем нерадивым отцом — ох, решительная, ох, характерная у него Оксана Илларионовна!

— Папка, — склонилась она к нему, — а что это ты какой-то: будто секрет у тебя есть от меня, а?

— Христю во сне видел, — сообщал он как о важном событии. — Зовет она меня к себе, дочка...

— Папка! Что за глупости! И тебе не стыдно: фронтовик!

— И тебя маленькую видел, — продолжал Илларион Фомич. — И Марусю...

— Ой, и я сегодня Марусю вспомнила! Одного пьянчужку — ты его не знаешь, приезжие они, — так вот этого родителя привела на совет отцов дочка. Маленькая, худенькая, глаза — вот такие глаза! Я посмотрела — Маруся и Маруся. Что это она нам вдруг враз вспомнилась? Может, придет нынче?

«...Опоздала ты, однако, Маруся, со свиданьем-встретеньем», — подумал Илларион Фомич, когда шумная его, вечно спешащая дочь ушла. И вдруг увидел Марусю той девчужкой-тростиночкой с безысходной горестью в глазах. Ведь казнить себя станет до конца дней своих, что не навестила его при жизни, ведь покою не сыщет, уж он-то ее знает. И зашло все в нем от сострадания к той девочке, к себе, так беспрекословно поддавшемуся болезни...

— Ну Илларион Фомич, — бодро вошел в палату доктор Иван Алексеевич. — Не пора ли нам с вами приступать к лечению?

— Есть приступать к лечению! — ответил старый солдат.

ЖИВИ, МАРИЯ!

С тех пор как Мария лежит в больнице, она вроде бы и не засыпала вовсе, а так — забывалась на время и в забытии этом чутко прислушивалась к себе: будто было в ней теперь все из яичной скорлупы — чуть неладно повернешься, и хрухнет нутро. Вот и жила, притаившись, сторожко.

И так же сторожко жили за окном сосны. Иногда казалось Марии, что и собрались-то они, сгрудились у ее окошка, чтобы делить с ней беду ее. Раньше, до болезни, Мария не то чтобы не любила сосны, а была к ним равнодушна. Не трогали они ее сердца, не баловали глаз: слишком уж высоко занеслись надо всеми, живя там своей гордой, недоступной жизнью. А теперь вот не было у Марии ближе сосен никого. Только очнется, глаза откроет — они уже помахивают ей лапами: мол, с добрым утром, Маня! И правда, добрело все внутри ее, наливалось надеждой. И каждый раз они были разные, ее сосны, и по цвету, и по настроению. Утрами, да если еще на небе ни хмаринки, озорно пеструщие с непричесанными космами светлого, изжелта-табачного оттенка. К обеду, когда солнце повыше поднимется, а небо от этого повыгорит, повылиняет, сосны, наоборот, будто дозреют, нальются красками и притихнут, замрут в ожидании чего-то, припустят отяжелевшие ветви — остепенятся. А уж вечером! Тут, правда, тоже от небушка зависит. Но в любые закаты сосны хороши. То горят позолотою, от стана до каждой иголочки. В такие вечера солнце долго не может отцепиться от их ветвей. Висит на них сперва елочкой-игрушкой, посверкивая живыми лучиками, слепя глаза. А потом оторвется от ветки и пятится, пятится в глубь леса потихоньку, нехотя, постепенно. И гаснет вдруг, наигравшись досыта.

То будто нарочно для Марии (это

уж в иные, бессолнечные вечера) принарядятся ее сосны — откуда что и возьмется! Длиннополые, темного бархату, с серебристым отливом одежды, важная поступь. А чуть-чуть расщедрится заоблачное солнце, подсинит небо, и, как в сказке, переоделись уже сосны в изумрудно-голубоватые накидки такого богатого цвета — глаз не отвести от чуда чудного.

«И не отводи! Смотри, смотри на нас, Мария! Видишь, как разноцветна жизнь-то. Живи, живи, Мария!»

Она же, наоборот, в такие мгновения пугалась: «Что же это за красота такая небывалая. Не видывала я такого раньше. Помру, знать-то, не встану. Говорят, перед концом человеку все привычное да знакомое невиданным показывается...»

Возьми и скажи про это Елизавете Степановне. Та, конечно, посмеялась над ней: «Маня, Маня, да когда тебе было соснами да закатами любоваться? Не замечала просто. А теперь время есть, вот и присмотрелась. Да и что тебе сосны, когда у тебя перед глазами вон какая красота — цветы твои. Не придумывай-ка чего не следует, все у тебя будет хорошо, Манечка!»

Манечка... Мария вот никак не может свою подруженьку детства назвать просто Лизой — давно она для всех самый уважаемый человек в округе, их главный врач Елизавета Степановна. И вот ведь что значит для человека его дело, место его среди людей. Марию вот все звали и зовут до самой старости кто помоложе — тетя Маня, кто постарше — Маня, а ровесники-годочки — так те запросто — Манька. Не достигла, значит, она, чтобы величали ее Марией Никитичной. А может, и лучше так-то. Назовут Маня или Манька, и поблазнится, будто опять девчонка и этих пяти десятков лет как не бывало. Все не может смириться Мария, глядя на

Елизавету Степановну, что одногодки они, что обeim по шестьдесят пять. Это Елизавета Степановна, раздобревшая, с вечной тревогой в глазах, старуха, а она, Маня, нет — она посуше, моложа́вее.

— Ну, Маня, давай-ка послушаем твое сердечко, — надевала неуклюже халат Елизавета Степановна. — Да и домовничай знай, а я в обход, — и склонилась над ней, затаилась, шевеля разросшимися к старости бровями.

Мария лежала в кабинете главного врача. Как случился с ней приступ, мест в больнице не оказалось, и Елизавета Степановна положила ее в свой кабинет: «Не стесняйся, Маня, ты мне не помешаешь, здесь тебе покойно будет, а уж я тебя выхожу, Манечка, подыму. Домовничай-ка...»

Это слово «домовничай» Елизавета Степановна любила говорить. И неспроста: давно вот это, рубленное еще до революции, здание бывшей земской больницы стало ей настоящим домом. И днюет и ночует здесь. И ведь какая проворная — без малого три километра от этого бора, где срубили-то больницу, до их села, а она все пешком, туда-сюда, туда-сюда! Только уж когда срочное что, тогда уж на машине «скорой помощи» ее доставляют в ночь полночь.

— Ну, Маня, слава богу! — разогнулась, выслушав ее, Елизавета Степановна. — Теперь можешь садиться по-маленьку.

— Спасибо, Елизавета Степановна, — проглотив мгновенно подкативший к горлу комок, сказала Мария. — А вернуться на бок мне можно?

— Можно, Маня, теперь можно...

Ох, что это было за блаженство! Ох, спасибо Лизе великое! «И вам, подруженьки мои, спасибо!» — взглянула она в окно на трепыхающие сегодня не то от ветерка, не то от радости за нее сосны. И впервые за эти долгие дни и

ночи уснула Мария настоящим здоровым сном.

Так спалось ей, что даже не услышала, как вернулась в кабинет Елизавета Степановна, да еще и не одна. Прислушалась Мария, прислушалась к разговору, вспомнила: журналистка из области на днях по телефону навязливалась. Про работу Елизаветы Степановны, мол, давно прописать надумала — из этих мест журналистка-то, наслышана про главного врача сельской больницы предостаточно.

Притаилась Мария, чтоб разговору их не мешать, прислушалась. Прислушалась и сама заволновалась вдруг: перебирала Елизавета Степановна годы жизни, а Мария свое житье-бытье переворачивала. И чем дальше текла беседа Елизаветы Степановны с молоденькой девушкой, тем горше становилось на душе Марии: а ей вроде и вспомнить нечего, в два слова вся судьбина умещается — жила да жила.

Когда пришло время в школу идти, Лизе отец грифельную доску купил. Пятеро у них было всех-то ребятишек, и всех Степан Иванович выучил. Сам не уком жил, а детей постановил в люди вывести. Марию же в школу не отпустили: прясть, мол, надо, скатерки в приданое вязать, полотенца белить. А пришло время этот товар — приданое — лицом казать, Лиза далеконо́к от Марии ушагала, комсомолка уже была, активистка. И не о замужестве были ее мечты — опять об учебе. И укатила ведь вскорости в большой город: послали учиться от райкома комсомола. Так и стала Лиза первым своим, неприезжим специалистом. И замужество от нее не ушло. Какого человека в село с собой привезла! Как совхоз организовывали, стал он первым его директором. Хороший был человек. Михаил Леонидович. Погиб в войну.

А Марию за Афоньку просватали. А заквасочка-то отцовская, кулацкая, видно, была в нем. Помнит Мария, как

загорались его глаза жадным огоньком, когда он, смеясь, принимался наперед мечтать-загадывать: «Вот, Маня, свинья опоросится, штук десяток принесет поросят. Мы их всех растить станем. Те десять еще принесут по десять... А что? Пойло-то казенное — выкормим! А потом как продадим всех!» И высчитывал с азартом, сколько же доходу получают они от продажи народившихся поросят... На молоканке Афоня работал, специально устроился туда, чтоб было чем отпаивать-откармливать поросят. Да недолго мечтал-загадывал. Выгнали его с молоканки. Он в торговлю сунулся. Да до тюрьмы и доторговался. Увезли Афонию, а с ней, с Марией, худо сделалось: роды преждевременные начались. Она, Лиза же, и спасла.

Вот про те же годы, однако, и рассказывает сейчас Елизавета Степановна, посмеиваясь. Теперь-то посмеивается, а тогда-то слезами горячими умывалась — так трудно было. На всю округу была одна. И роды принимала, и детей лечила, и грижи вырезала. Бывало, разольются веснами реки — ни пройти, ни проехать. Она на коня — и поскакала! «Цок-цок, цок-цок», — копыта под утро уже мимо окон. Отдернет Мария занавеску — Лиза в седле. За спиной сумка с красным крестом, а простоволосая голова из стороны в сторону — дремлет, едет молодой специалист.

Спасла она тогда подружку свою Манию, а ребеночка — нет. И не было больше у Марии ни мужа, ни детей.

В войну в этой их больнице госпиталь был. Лиза гимнастерку надела с погонами. И вовсе в те поры про дом забыла: как бедка в колесе вертелась. Немудреное хозяйство — огородишко, коровенка — все на девчонках было. Погодками росли ее дочери Света да Неля. Одна теперь уж тоже — врач, другая — учительница.

Звала Елизавета Степановна и Марию к себе в госпиталь работать. Сна-

чала, мол, в санитарочках походишь, потом и на медсестру выучишься, при деле будешь. Не пошла Мария: вида крови, сказала, не переносит. А не так вовсе было.

Как взяли Афонию, зародилась у Марии думка: явится муж, а у меня для него сурьприз — пачка красненьких тридцаток. Тем и докажу ему верность свою да любовь... Тосковала по нему Мария надсадно — ласковый он к ней был, добрый. И с той-то поры застили для Марии тридцатки эти весь белый свет. Нарочно работать устроилась в контору маслозавода уборщицей. (К тому времени маслозавод в их селе построили). Вечером промоет, прополощет контору, аж блестит все, и до другого вечера свободная. И все-то времячко это свободное в огороде ковырялась. Уж так к земле пристрастилась. Какой овощ созрел — на базар или к поезду. В десяти километрах от них железная дорога. Корзину на плечо — и айда к скорому. Тридцать рубликов наскребет и на одну красненькую бумажку обменяет. И перебирает, перебирает, бывало, эти красненькие бумажки вечерами — вся радость тут. А Афоня так и не объявился.

Горло Марии сжало, и она кашлянула — не сдержалась.

— Мешаем мы тебе, Манечка? — встрепенулась тут же, склонилась над ней Елизавета Степановна.

— Нет, Лиза, — впервые за много лет назвала так ее Мария. — Лучше ведь мне, не обращайтесь на меня внимания, беседуйте.

— Это подружка детства моего — Маня, — объяснила журналистке Елизавета Степановна. — Мария Никитична. Помнишь ли, Манечка, как мы на покос бегали? Покосы наши рядом были. Раным-рано нас поднимут, грабли в руки, и айда! А мы, бывало, все с песнями. На покос с песнями, с покоса с песнями. Далеко слышать нас было. Я

запевала, а Маня выносила. Помнишь ли, Маня?

— Как не помнить? — шевельнулись в слабой улыбке бледные губы Марии.

— Так я всю жизнь и пропела! — тряхнула молодого головой Елизавета Степановна. — В госпитале, бывало, гитару в руки — и по палатам петь. Потом хор у нас организовался, я — в хор! Уж лет в шестьдесят только и ушла, голосу не стало совсем. Но я и без голоса еще долго ходила, губами шевелила — жалко было с коллективом расставаться, — засмеялась Елизавета Степановна.

...Вспомнилось Марии:

*То-о не ве-е-тер ве-етку клонит,
Не-е дубра-а-авушка шумит.
То-о мое-о сердце-чко стонет,
Ка-ак осе-енний ли-ист, дрожит.*

Увидела Мария въяве тот день из детства. Собирают они с Лизой костянку на покосе. Зной слепит глаза, припекает непокрытые головы. И не старая грузная Елизавета Степановна, главный врач больницы, поет старинную «Лучинушку», а та, легкая, смешливая девчонка Лизка:

*До-огорай, гори, моя лучинушка,
До-огорю с тобо-ой и я...*

Давно ли это и было-то?

— А вы тоже пели в хоре? — спросила Марию журналистка.

— Нет, у Мани другое увлечение, — ответила за нее Елизавета Степановна. — Она у нас цветовод. У-у! Видели бы вы ее цветы! Радость, а не цветы.

— Заросли, поди, мои цветики, посахли, — откликнулась Мария.

— Не заросли, Маня, не беспокойся: я школьников к тебе в огород наладила. Вот, мол, вам тимуровское задание: поливать да пропалывать цветы бабушки Мани.

Во-от какая она, Елизавета Степановна. Мария ни разу в жизни не догадалась ни цветочка ей сорвать. А она вот как.

И весь-то день не давала Марии покая эта мысль: она Лизе ни одного цветочка, а Лиза вот как... И не только Елизавете Степановне — никому никогда не подарила Мария ни одного букетика. Только за рублики, только на базар. Еще с осени, рассаживая луковички гладиолусов, лилий, георгинов, подсчитывает Мария денежки, как когда-то Афоня считал доход от неродившихся порослят. Годах в шестидесятых, когда стали люди жить посправнее, загнала Мария овощи в самый дальний угол огорода, а остальную площадь под цветы отвела. Да с тех пор и занимается этим прибыльным делом. А что цветы — радость, так впервые, однако, об этом сегодня от Елизаветы Степановны услышала.

К ночи закопошился за окном дождь. И закопошились, закопошились в душе Марии нехорошие мысли. Ведь прошла жизнь-то, прошла, догорела, как та лучинушка. Зачем же жила-то она? Все Афоню ждала, все верила: вот вернется, думала, и начнут они жить. А жизнь-то прошла. И у Лизы, у Елизаветы Степановны прошла жизнь. Но она-то... она-то вон сколько людей спасла. Вот и ее, Марию, в другой раз с того свету ворочает. А она, Мария, ни цветочка ей не сорвала...

Дождь все копошился, пошумливал за окном. И копошились, копошились в душе Марии нехорошие мысли.

К утру ей стало хуже.

— Ничего, ничего, Манечка, — успокаивала ее Елизавета Степановна, когда устанавливали возле Марии капельницу. — Это к погоде, Маня: всю ночь дождь лил, давление сменилось... Ничего, справимся, Маня.

Мария с трудом подняла глаза и ужаснулась: черные стволы сосен виднелись за окном, кажется, прикоснись сейчас к ним и перепачкаешься сажей, будто не дождь, а пожар прошел, обуглил сосны — так набухла, напилалась сыростью кора. И черно, выжжено бы-

ло на душе Марии. Избегая смотреть на стволы, не отрывалась она от зелени пригорка. «Жива буду — разведу здесь цветы», — подумалось вдруг.

И от этой простой мысли затеплилось что-то внутри, вытеснило понемножку боль, забилось живучей радостью. «Ранними веснами пускай цветут здесь тюльпаны. По краям можно пустить анютины глазки, — мечтала Мария, — потом попозже — флоксы распустятся, астры, георгины. Потом гладиолусы. А чтоб до самого снега цветам гореть, надо вон там ноготков бросить, красоли. Красоль... так в их селе настурцию называют. За жаркую яркость, видно, за неутомимую силу цветения. Красоль и есть, — улыбнулась Мария. — Красоль... Красота...»

Постепенно светлели, подсыхая, бока сосен. А повыше, так будто наново кто покрасил стволы в желтовато-оранжевый веселый цвет.

— Ну вот, — радовалась Елизавета Степановна, — и позади все страшное, Манечка. Спи спокойно, все хорошо.

Выписалась Мария из больницы к осени. К тому времени, когда о цветах будущего лета пришла пора загадать-подумать.

С неделю повременила Мария, выполняющая наказ Елизаветы Степановны побе-

речь сердце, не нагружать его работой.

А в тот день встала раным-рано, по осеннему времени еще затемно. Взяла лопату, пошла потихоньку да полегоньку к больнице. Мол, пока больные спят-почивают, да пока Елизавета Степановна не пришла, вскопает она хоть грядку одну, хоть под лилии. Их луковички хорошо в зиму высадить — пораньше поднимутся, скорее распустятся. Пока дошла, рассвело. Обступили Марию уставшие наряжаться да прибираться знакомые сосны.

Поплеwała она на ладошки, наступила на плечико лопаты. И забылась за привычной с детства работой. Вскопала-взрыхлила полоску шириной в лопату, воткнула луковички лилий. На этом бы и кончить сегодня, нет, передохнула, и опять за лопату...

Когда она ткнулась лицом в землю — не помнит. Очнулась, перевернулась с трудом на спину и поняла: больше уже не подняться, не встать ей. Высоко где-то, в светлеющем небе качали головами сосны. А совсем близко, над самым лицом, трепетал желтенький березовый листок. «И верно что: как осенний лист дрожит», — успела подумать о своем умирающем сердце Мария. Листок сорвался, покружил над ней и опустился на ее холодеющее лицо. Из кармана просыпались в траву семена красоли...

Евгений Летюк

ШАХТЕРСКИЕ КАПИТАНЫ

На шахте капитаны — бригадиры.
И вместо лодий в их руках
госплан.
Свои комбайны — будто бригантины
они уводят
в черный океан,
врезаясь гулко
в каменные волны,
избороздить чтоб
вечный перелог.
И лава (неусловно и условно)
порой —
как палуба уходит из-под ног.
По курсу — пласт.
В неимоверной рубке
крошат его,
гарпунят по пути.
И не от брызг
там,
в капитанских рубках,
на них
сухого места не найти.
Когда штормит и лихорадит лавы,
когда трещат стальные стояки,
тогда им светят негасимо
лампы —
шахтерские, родные маяки.
А дома жены
ждут их неустанно,
и допоздна
свои тревоги жгут, —
из плена черного
любимых капитанов,
как моряков из плавания, ждут.

Перевод с украинского В. Юречко

г. ДОНЕЦК

Александр Ибрагимов

ГРУЗИНСКИЙ ТОСТ

Иосифу Нонешвили

Я поднимаю из Сибири

эту глиняную чашу с киндзмараули,

Чтобы произнести тост

В честь древней, но мудрой страны,

Где на вечнозеленой лозе обычаев

созревают сладчайшие гроздья жизни,

Где родители заботятся о своих детях пока живы,

Даже если ребенку минуло сто с небольшим...

И юные, но мудрые дети, понимая выгоды такой жизни,

Стараются продлить жизнь своих родителей:

Приятно быть столетним человеком и знать, что у тебя есть

мама и папа, которые сделают для тебя все!

Правда, иногда родители и дети путают и забывают:

Кто из них кто? —

Но в таком возрасте это простиительно:

Тем более, что после этого все начинают заботиться друг о друге

с удвоенной энергией!...

Каждый ощущает себя и ребенком, и взрослым.

А что может быть лучше этого?

Мудрость и Веселость, как два друга:

Одному больше ста, другому меньше семи,

Но друзья они неразлучные...

Итак, я продолжаю:

Стоял ослепительно жаркий день,

Один из таких дней, про которые не то с сожалением,

не то с облегчением

Местные жители говорят:

«Таких дней теперь меньше стало, генацвали...»

Так вот, в один из таких дней

Пятилетний Автандил

забрался по закрученной, как морская раковина,

лестнице

На веранду, где его отец готовился к экзаменам,

И сказал:

«Жарко так — купи мне мороженое... папа».

«Иес», — кивнул молодой отец,

Вспотевшими ладонями растер на бедрах бывалые джинсы,
Небрежно посадил на орлиный нос очки «а ля интеллектуал»

И отправился к своему отцу —

Ибо просьба сына — законная просьба, и он обязан ее выполнить.

Его бумажник из кожи австралийского кенгуру — сегодня был пуст,

Как стадион

Через час после окончания футбольного матча на кубок УЕФА.

Уже входя в кабинет к отцу, он подумал:

«А почему бы заодно не спросить у отца пару сотен

на джинсы с плетеными карманами?»

«Здравствуй, папа», — сказал сын,

Прикрывая за собой дверь красного дерева с вырезанной на ней

мордой благородного оленя...

«Здравствуй, сынок», — сказал отец,

И они обнялись.

«Папа, мне нужно две сотни на джинсы», —

Обратился молодой отец к своему отцу.

«Ну что ж», — утвердительно сказал отец молодого отца,

Накинул на плечи голубой итальянский пиджак,

И, вытягивая вверх бронзовообритый подбородок,

затянул нежно-фиолетовый галстук,

Подаренный ему одной — о-ля-ля! — синьоритой —

Из недавно приезжавшей делегации виноделов Испании...

И сверкая ключами от ультрамариновой «Волги»,

Исчез со словами:

«Буду через полчаса...»

Ибо просьба сына — законная просьба, и он обязан ее выполнить,

А все отделения его бумажника после вчерашнего банкета

Были пусты,

Как улицы Тбилиси во время футбольного матча на Кубок Кубков.

С элегантною уверенностью нападающего Кипиани

Отец молодого отца направлял свою «Волгу»

В классонящие водовороты перекрестков,

Проскакивал небрежным дриблингом пешеходные переходы,

С выразительностью бокового судьи жестикулировал руками,

попав в затор,

Пока не свернул на булыжное русло

старинной улочки...

У дома отца, захлопывая дверцу машины,

Он опять увидел на капоте свежескрашенное пятно,

И сердце его сжалось.

«Здравствуй, папа», — сказал он отцу, блаженствующему

в тени виноградной беседки.

Отец, как всегда, был одет в старинную грузинскую одежду.

«И как только ему не жарко в ней?» — подумал отец молодого отца,

влажными руками поправляя кримпленовый галстук.

Одежду эту, в которой его отец спокойно разгуливал по
городу,

Пытался заполучить музей —

На что отец отца молодого отца отвечал:

«Одежда для того, чтобы ее носили,

а не в музее вывешивали, генацвали...»

И продолжал прогулки по Тбилиси в своей, как уже оказалось,
музейной одежде.

«Здравствуй, сынок», — сказал отец отцу молодого отца,

И они обнялись.

«Папа», — сказал возбужденный неожиданной мыслью

отец молодого отца, —

«Мне нужно тысяч двадцать, примерно так...» — и еще сильнее вспотел.

«Зачем тебе, Гиви, двадцать тысяч?» —

Спокойно спросил отец отца молодого отца.

«Машины купить хочу...»

«А ты что, ко мне пешком пришел, Гиви?» —

Спокойно спросил отец отца молодого отца,

И тот промакнул лоб платком.

«Да нет, папа, понимаешь...»

«Понимаю», —

Спокойно сказал отец отцу молодого отца.

«Сегодня день такой... — жаркий — с ума сойти можно,

Вот и ты, мой маленький Гиви, перегрелся...

А ведь на небе светит только одно солнце.

И тебе тоже достаточно одной машины, чтобы вспотеть, Гиви...

Пойди лучше купи себе мороженое, мой бедный мальчик, —

Вот тебе рубль,

А я буду занят сейчас...» —

Спокойно сказал отец отцу молодого отца

И положил одну руку на прохладное серебро кинжала,

А другую приподнял и глянул в иллюминатор японских часов —

Откуда ему подмигнула прелестная гейша...

Молодой отец поджидал своего отца с нетерпением —

И вполне объяснимым:

Он уже входил в новых джинсах с плетеными карманами

в новый бар на Руставели...

«Послушай», — начал отец молодого отца,

«Посмотри на небо — там всегда только одно солнце

И то тебе так жарко!

Зачем тебе вторые джинсы, если на тебе сейчас есть одни? —

Сказал отец молодого отца. —

Вот тебе рубль — купи мороженое —

Охладиться надо...»

И промакнул обшлагом итальянского пиджака лоб.

Молодой отец взлетел по закрученной, как морская раковина,

лестнице

На веранду,

Где маленький Автандил поджидал его, как ждет маленький
снежный барс своей законной добычи...

«Что нужно — то нужно... а как же иначе:

Вот рубль на мороженое, —

Сказал правильным голосом молодой отец

И добавил: —

Жарко сегодня...»

«Ах, папочка!» — воссиял маленький Автандил,

прыгнул к лестнице и исчез в глубине двора,

Где его уже поджидал прадед в старинной грузинской одежде...

Друзья!

Я осушаю эту глиняную чашу с киндзмараули

За грузина,

Который радуется:

Что ему светит Одно Солнце! —

Одно Солнце, которое светило отцам его отцов,

Одно Солнце, которое будет светить детям его детей!

И я знаю,

Что настоящий грузин,

Поднимая из Грузии тост в честь Сибири,

Где растут вечнозеленые ели,

И без тостов пьют сорокаградусную, как мороз, водку,

Скажет тост,

Который засверкает,

как якутский алмаз,

— в гортанной оправе грузинской речи...

Он скажет, поднимая граненый, в изморози, стакан:

«Друзья,

Я хочу выпить вместе с вами

За наше Одно-единственное Солнце,

но которое согревает Все Человечество!

Аллаверды...»

Анатолий Бобриков

РАССКАЗЫ

Записки для сестры

Колька Аржанов встретил Петьку Ракитина на улице — специально поджидал. Петька возвращался из школы домой, радуясь первому большому теплу и мечтая о том, как завтра, в воскресенье, пойдет вместе с пацанами в лес гонять ошалевших от весны бурундуков и проверять птичьи гнезда.

— Много пятерок несешь? — спросил Колька, скашивая взгляд на портфель, сильно потертый оттого, что на нем часто зимой съезжали с горки.

— Скажешь тоже: пятерки, — лукаво прищурился Петька. — Такую тяжесть таскать — портфель не выдержит. Тройки — самое то.

— Пожалуй, верно, — улыбнулся Колька. — В такую погоду больше, чем на тройку за уроками не высидишь. Вот, передай сестре, — и он протянул Петьке аккуратно сложенный пачек бумаги.

Петька машинально взял бумажку, смял в кулаке и сунул в карман куртки. Только после этого до его сознания дошло, что бумажка есть не что иное, как записка его сестре Ленке. Однако он притворился и спросил:

— Какой сестре?

— Твоей.

— Ленке, что ли?

— Ну и охладом ты, Петька, — с явным пренебрежением произнес Колька. — Можно подумать, что у тебя сестер полон дом, — и грубовато добавил: — Ленке, конечно.

Отвернувшись от Кольки, Петька скривил в самодовольной ухмылке широкие губы. «Нашел через кого», — язвительно подумал. Через некоторое время оглянулся. Кольки уже видно не было — ушел к мастерским совхоза. Петька не спеша развернул записку и по слогам прочитал: «Лена! Приехал утром. Водопровод в Васильевке наладил. Встретимся у автобусной остановки в 10 вечера».

Васильевка — одна из ферм совхоза «Луч». Кольку туда посылали на неделю на сварочные работы, и сегодня он вернулся домой.

«На автобусной», — повторил в уме Петька слова из записки и живо представил себе это место: бетонную белую коробку с тремя стенами и с крышей, похожей на козырек лихо заломленной кепки. Остановка находилась на самом краю деревни, где начиналась автострада, соединяющая два поселка. Вдоль автострады проходила широкая полоса лесопосадок. Там всегда и прогуливались парни и девчата.

«Ишь, чего захотел», — все еще думая о записке, присвистнул Петька. Присвист получился жалкий, шипящий — мешала крупная щербина на одном из передних зубов. Раньше свист получался здорово. Петька постоянно насвистывал придуманные самим мотивчики, но в начале зимы ни с того ни с сего отщербился кусочек зуба, тональность звука пропала, но свистеть Петька не перестал — привычка.

Шел Петька домой, насвистывал что-то новое, и, думая о записке для сестры, весело ухмылялся всей своей широкой, ярко расцвеченной веснушками, рожницей. Про записки и встречи взрослых парней и девочек он был хорошо наслышан от своего закадычного дружка-однокашника Витьки Гаврилова, тоже хорошего свистуна. На таких записках Витька и влип. Таскал, таскал их своей сестре Вальке от приезжего строителя, а потом Валька — раз — и вышла замуж за этого самого строителя. И навсегда уехала из деревни в город. Витькашибко тяжело переживал разлуку с сестрой. Но Петька не такой дурак, как его дружок, он любит свою сестру и расставаться с ней не желает. Она добрая и ласковая, как и мама, и ему хорошо жить с ними.

Правда, Колька не строитель, а сварщик и свой, деревенский парень, может, никуда уезжать и не думает, но кто знает... А вдруг надумает... Сейчас многие надумывают. И Ленку увезет. А начнется все вот с этой бумажки.

Петька аккуратно, на мелкие клочки, порвал записку и с шинящим присвистом подкинул их кверху, ветер подхватил, крутанул ими, словно снежинками... и они исчезли, будто растаяли.

На следующий день, когда Петька возвращался из леса с банкой березового сока в руке и с живым бурундуком в кармане, для которого решил построить дома клетку, его перехватил на улице Колька Аржанов.

Из дома вышел. Увидел в окно и вышел.

— Передал вчера? — круто спросил.

— Что передал? — удивился Петька.

— Записку.

— А, записку, — Петька придал своему лицу выражение глубокого размышления, открыл рот, зачем-то пальцем потрогал щербатый зуб.

— Ну?! — в нетерпении тряхнул Колька Петьку за плечо.

— Да, передал, — вспомнил Петька.

— А она что?

— А что она?... Ничего. — Петька повел плечом.

— Я спрашиваю, взяла? — Колька начал выходить из себя.

— Ну.

— Чего «ну»?!

— Ну, взяла! — тоже нервно сказал Петька, какой, мол, ты непонятливый.

— Ясно, — с холодным спокойствием вслух подумал Колька и сразу помрачнел лицом. Он еще немного постоял, и, ничего больше не сказав, пошел к калитке своего дома, опустив голову и ссутулившись. Петька безжалостно ухмыльнулся ему вслед и, ощущая в душе радость от шевеления бурундука в кармане куртки, закрытом на молнию, весело засвистел и заторопился домой.

Дома Ленка как бы между прочим спросила брата:

— Ты по Матросовой шел?

— По Матросовой, — ответил Петька и отметил про себя, что Аржанов живет именно на улице Матросова. Сестра, как показалось Петьке, хотела спросить о чем-то еще, но он так открыто и безвинно посмотрел ей в лицо, что живинка любопытства в ее голубых больших глазах вмиг пропала, и сестра, непроизвольно дернув плечами, отошла от него.

В понедельник Колька Аржанов снова встретил Петьку и опять передал записку Ленке. Был он мрачен, суров, в невеселой задумчивости смотрел поверх Петькиной головы куда-то вдаль. Только раз глянул на Петьку вскользь.

— Вот еще, — Колька втиснул в Петькину руку бумажку. — Ты передай... Ленке, — попросил он.

«Пере-да-а-м... Жди», — ехидно подумал Петька и поспешил домой с ощущением хорошего аппетита: проголодался здорово — ходили всем классом в лес собирать травы для гербария. А с Колькиной запиской он поступил как и с первой — порвал. Даже читать не стал.

Третья записка Кольки-сварщика также не дошла до Ленки. А когда Колька встречал и спрашивал Петьку, передал или нет, Петька, не моргнув глазом, отвечал, что передал, все три передал.

После трех записок Колька оставил Петьку в покое и при редких случайных встречах с записконосцем стал делать вид, что не знает его.

«Все, — подвел итог своей деятельности

Петька, — отстал... А то повадились уводить чужих сестер, — осуждающе думал он, имея в виду взрослых парней. — Уводят и никого из родных не спрашивают. Разве этот Колька спросил бы разрешения у него, у Ленкиного брата? Да что у него! Он и у мамки не спросил бы. И сразу бы — свадьба. Все веселиться, а мать тайком плакать, и Петьке тоже хоть плачь. Мать Витьки Гаврилова вон как слезы лила, когда Валька замуж выходила. Сам видел. В общем, дотаскался Витька записок».

Но он, Петька, не такой дурак, как Витька. С записками поступил по уму, все устроил на пятерку с плюсом...

В доме у Петьки жизнь вроде бы шла как и прежде: толковая и ясная. Но это только казалось: сначала мать, а потом и сам Петька заметили, что Ленка вдруг сильно изменилась, у нее, как говорила мать, испортился характер. Она перестала гладить брату к школе брюки и рубашку, покрикивала на него, огрызалась на справедливые замечания матери, нервничала.

Вечерами из дома не выходила, бралась то за книжки, то за вышивку. Книжки быстро откладывала, а когда вышивала, часто укалывала иглой пальцы, злилась, комкала матерью и нитки и отшвыривала в сторону. Снимала домашний халатик, надевала нарядное платье, колдовала над прической и гримасничала перед зеркалом. Но вдруг небрежно размывала прическу, снимала платье и облачалась опять в домашний, с поблекшими цветами, халатик.

«Девчонки они и есть девчонки, — глубокомысленно рассуждал в такие минуты Петька, — то играют во взрослых, то ведут себя, как маленькие».

Ленка почти совсем перестала помогать матери, и оттого Петьке прибавилось работы. Тащил он раз в дом полное ведро, зацепил дном за порог и налил воды в только что купленные модные Ленкины туфли. Ленка фыркнула, как кошка, подскочила к брату и хлопнула ладошкой по маковке.

— Рыжий, ослеп, что ли?

— Сама ты рыжая! — разозлился первый раз в жизни на сестру Петька. — Конопатая!

— А ты — без конопушек разве? — язвительно спросила Ленка. — Посмотри на себя в зеркало, личико, как воронье яйцо — пестренькое все... и уши лопухами.

— А у тебя волосы как мочало.

— А ты свистун щербатый!

— А ты... ат... ат... а ты... — Петька от возбуждения стал даже заикаться. Щербатым его дразнили деревенские ребятишки, и он терпеть не мог этого слова... — А ты! ...А ты!... — пытался он придумать что-нибудь очень обидное для сестры, и — не мог. — И вдруг выпалил:

— А я Колькины записки порвал. Вот! Все порвал! — и ехидно добавил: — Приходи на остановку.

— Что!? Что ты сказал!? — Ленка вытаращила глаза, как-то вся будто вытянулась от изумления и стала приближаться к брату. «Сейчас нахлещет», — подумал Петька и почувствовал на щеках озноб.

Сестра подошла к брату, ноги ее подкосились, и вместо пощечин, которые Петька уже приготовился принять, Ленка обхватила руками его рыжую голову и стала целовать в лицо, приговаривая:

— Ушастик, миленький... Глупенький...

Петька вырвался и убежал во двор. Удивление, стыд, неловкость терзали его душу. Если б сестра взгрела за записки — было бы и правильно, и понятно. А она — целовать... За что?..

Этот вопрос не давал первое время Петьке покоя. Он хотел найти на него ответ и не мог. А раз не мог — махнул рукой и с головой ушел в свои ребячьи дела...

А осенью, когда убрали урожай, состоялась Ленкина и Колькина свадьба. К тому времени Колька успел сойтись с Петькой, сдружила их общая страсть — рыбалка.

Свадьба была веселая, но Ленкина мать все же всплакнула.

— Ты чего, мамка? — стал успокаивать ее Петька. Он знал, что Колька из деревни уезжать не собирается. Он и Ленку не увел — сам перешел к ним в дом, как того втайне и желал Петька.

— По обычаю я, сынок, — мать вытерла голубеньким платком слезы, ласково прижала к себе сына.

«Ну, по обычаю — это еще ладно», — подумал Петька и побежал на улицу. Вприпрыжку побежал: уж куда какой толковой и ясной обещала быть жизнь завтра...

Жил-был Никита

Жил у нас в деревне человек по имени Никита. Ни фамилии его, ни отчества люди не знали. А может, и не хотели знать. Так все его и звали просто: Никита. Сколько он лет имел за плечами — тоже никто не знал. Вряд ли знал и сам Никита. Деревенские говорили, что у старика не все дома, что в голове его не хватает одного шарика. Говорили с такой убежденностью, будто лично пересчитывали его «шарики». Конечно же, никто «шарики» не считал. Да и дело было вовсе не в «шариках» — просто люди не понимали его. А я — понимал...

Стариком он был еще крепким, притерпевшимся ко всяким невзгодам и непогодам. Летом, бывало, натягивал на себя драный полушубок, и ничего — не потел. А в лютый мороз мог в дырявом пиджаке шествовать из одного конца деревни в другой и даже не ежиться. Хоть зимой, хоть летом он ходил не спеша и никогда не поддавался на уговоры сестры на телегу или в кабину полуторки. Силой обладал недюжинной, никогда не болел...

Присматривала за Никитой еще более древняя, чем он сам (как говорили в деревне — столетняя), старуха Ульяна Морозова, высокая, сухая, как корявый задубевший на ветру и солнце таловый дручок, с которым она постоянно ходила, чтобы отмахиваться от брехливых собак. Жили Никита с Ульяной в Ульянином доме, глубоко осевшем двумя углами в землю. На кровле дома рос серо-зеленый пятнами мох, издали походивший на дряхлый, вылезший ковер. В хозяйстве Никиты и Ульяны была колода пчел да с десяток кур.

Никита мало знал слов, невнятно их произносил, но что говорили ему, чего хотели от него другие, понимал с полуслова, с полужеста. Обычно его нанимали на работу, не требующую большого ума: на пилку и колку дров, на очистку дворов от навоза.

Когда он что-нибудь делал, то делал тщательно и разумно. Но оказавшись не у дел, мог выкинуть какой-нибудь самый неожиданный фокус. К примеру, увидит в небе стаю журавлей, остановится, замашет руками, словно крыльями и, подражая птицам, закурлычет им вслед. Будет махать и курлыкать до тех пор, пока стая не растворится в синеве неба.

В такие минуты люди жалостливо смотрели на него, а некоторые подшучивали, смеясь, мол, не в Африку ли собрался? Они его не понимали. Я понимал. Будь у меня крылья, я бы тоже, не задумываясь, полетел куда-нибудь.

За работой в людях, за всеми своими фокусами не забывал Никита и про их со старухой хозяйство. Брал в руки лопату, кликал: «Типа, типа...» И куры со всех ног сбегались к нему. Дружную куриную стайку Никита вел на пустырь или бросовый клочок земли и начинал копать землю. Куры в драку склевывали червей. Довольно проворных, старавшихся улизнуть в глубь земли, старик легко перехватывал пальцами и скармливал птицам с рук.

— Глупо впустую землю рыть, — осуждающе говорили Никите люди и печально качали головами или же, наоборот, — смеялись. Они не понимали его. Я понимал. Если бы куры так же не боялись и слушались меня, я бы тоже водил их на червей.

Еще одно занятие было у Никиты — пересчитывать пчел в улье. Принимался он за это дело сразу, как только переставал короткий летний дождик и пчелы, прятавшиеся от ненастья в колоде, начинали отлетать на цветы. Присядет на короточки перед ульем, откроет леток на проход одной пчелы и начинает считать, беззвучно шевеля губами и коротко, на каждый счет, отмахивая заскоруженым пальцем. Поглазеть на его занятие соби-

ралось немало зевак, которые пристраивались на жердях изгороди. Люди смеялись над Никитой, давали разные остроумные советы. Некоторые пытались взывать к его разуму, но он ни на что не реагировал и ни на секунду не отрывался от своего занятия.

— Неразумный человек — божий человек, — вздыхали сердобольные, — не знает, что творит...

Они не понимали его. Я понимал. Мне то-

же интересно было знать, сколько пчел живет в деревянном домике.

В деревне Никита ни от кого не зависел. Лишь одна Ульяна Морозова оказывала на него влияние. По ее наущению и при постоянном ее сопровождении носил Никита свои скудные, заработанные на людях копейки в сберкасса... для собственных похорон. Тогда люди не смеялись над ним: понимали его.

Я — не понимал.

Мне было в ту пору шесть лет...

«Я помню чудное мгновенье...»

В сельсовете шел суд. Товарищеский. Судили стоматолога, или, как все ее в селе называли, зубничку Альбину Анатольевну Покидову, молодую девушку, прибывшую полгода назад в их село на должность зубного врача. Ей, как редкому на селе и очень нужному специалисту, была сразу предоставлена отдельная, со всеми удобствами, квартира в новом двухэтажном доме. Это было осенью. А сейчас стояло лето.

Что там и как было, никто на селе толком не знал, но агроном совхоза Виталий Сергеевич Павлов оставил своих жену и ребенка и перешел жить к Альбине Анатольевне.

По этому поводу в товарищеский суд при исполнении Совета поступило от Валентины Григорьевны Павловой заявление. Написано оно было в резком тоне и заканчивалось просьбой принять меры воздействия на гражданку Покидову, вплоть до выселения из села.

И вот шел суд...

Впрочем, не совсем суд. Дело-то, так сказать, семейное, щепетильное, требующее большой деликатности. И решили так. Поговорить сначала с одной Покидовой. Откровенно, но в то же время и официально, с соблюдением кое-каких процессуальных формальностей. Последнее — чтобы Покидова ответственность чувствовала. Поймет свою вину, осознает, значит, и делу конец. Ну, а если... То тогда уж все как положено, с вызовом всех сторон и прочее.

Так вот шел, будем так говорить, суд. При закрытых, разумеется, дверях.

Председательствовал заведующий нефтебазой Юрий Андреевич Зюкин, пожилой тучный мужчина со слабым старческим голосом. Заседателями были механик Храпов и телефонистка местного узла связи Сухонина.

Нужно было задавать вопросы, но Юрий Андреевич медлил, молчали и заседатели, пауза становилась продолжительной, тишина гнетущей.

Покидова сидела на одном из стульев, стоящих вдоль стены, сжавшаяся, как в ожидании удара, настроенная. Чтобы разрядить атмосферу и собраться с мыслями, Зюкин стал с хрипотцой покашливать, скорее не от необходимости, а по привычке — думалось лучше. Как вести процесс — дело ему давно известное. Но дело-то семейное, щепетильное. Очень тонкое дело. К тому же: советовать Покидовой перевестись на работу в другое место — значит, оставить их село и близлежащие деревни без зубного врача. А оставаться ей здесь — тоже... В общем, ситуация, леший бы побрал. Но надо как-то выходить из положения.

Юрий Андреевич кашлянул резко, словно точку поставил, давая тем самым понять, что тянуть дальше некуда, надо приступать к делу.

— Нехорошо получается, Альбина Анатольевна, — начал Зюкин. — Человек вы культурный, интеллигентный, по всем правилам должны, так сказать, подавать личной жизнью пример. А вы разбиваете семью, хорошую семью, сманиваете чужого мужа, оставляете без отца ребенка, мальчика, в воспитании которого роль отца очень даже необходима, — ска-

зал, подумал, что правильно сказал, и стал ждать ответа.

— Мое дело женское, — не сразу проговорила Покидова. Она покусывала жемчужными зубами верхнюю губу, складывала губы в трубочку, потом опять покусывала, морщила носик и межбровье — разговор для нее начинался трудно.

— Ясно, что не мужское, — заметил на ее фразу Зюкин, чувствуя, что сейчас опять нависнет пауза.

— Кто создает семью? — спросила Покидова. Голос ее стал более энергичным, видимо, она нашла нужную мысль. — Мужчина создает семью, — ответила она на свой вопрос. — Преимущество предложения руки, сватовство полностью ведь принадлежит мужчине. А нам, женщинам, остается только делать на волосах завитушки-завлекушки, красить реснички, наводить под глазами синеву, делать томное лицо и ждать. Да переживать: обратят на тебя внимание или не обратят. Допустим, обратят, а это тебе не по душе. А если по душе? Что тогда делать, отказываться?

Члены суда на это ничего не ответили, ответила сама Альбина Анатольевна:

— Глупо отказываться! Потому что, может быть, встретилось твое счастье...

— И построить его на обломках чужого, — веско заметила Сухонина.

— Обломки — они и есть обломки, — сказала Альбина Анатольевна. — Они, эти обломки, может, до моего приезда были.

— До твоего их не было, — категорически заявила Сухонина.

— Так вы уж все и знаете.

— Знаю! — стояла на своем заседательница. — Их не было, пока не появились вы... со своими завитушками-завлекушками.

— Без оскорблений, — заметил Зюкин.

— Никаких оскорблений и нет, — парировала Сухонина, начиная горячиться. Она была очень строгих нравственных правил. И теперь, и в молодости. Когда-то у нее намечался роман с женатым человеком, приезжавшим монтировать на их узле связи новый коммутатор. Человек тот ей нравился, даже

снился по ночам. Но она поборола в себе страшившее ее чувство. Трудно было это сделать, но она справилась с собой. И требовала того же самого от других. Речи на такие темы держала горячо, воодушевленно. Но надолго ее почему-то не хватало: быстро выговаривалась.

Телефонистка возмущалась беспринципностью Покидовой в вопросах любви к мужчинам типа Павлова, бросающих свои семьи, второй заседатель, механик Храпов, молодой симпатичный мужчина, в это время разглядывал Альбину Анатольевну, сравнивал ее со своей женой, которая не была красавицей, и думал: «Вот жизнь, черт бы ее побрал... Сотворит же природа чудо на удивление и радость одним и на горе другим. Ведь от нее — глаз не оторвать... Что лицом вышла, что фигурой, далеко не ровня всем нашим деревенским бабам... И чем Виталька-то привлек ее... Не очень же чтоб симпатичный... Шут знает...»

Альбина Анатольевна слушала речь Сухониной со страдальческим выражением, словно у нее самой болели зубы.

— Вот вы здесь все семейные, — сказала она, когда телефонистка высказалась и, удовлетворенная своей речью, опустилась на место. — Может, вы и правы. Когда у меня будут законный муж и дети, тоже, возможно, буду рассуждать, как и вы... Только нет. Вам главное — скрепить семейные отношения. Железными обручами. А такое слово, как любовь, я здесь ни разу не слыхала. Нет ее, что ли? Любви? Или вы так давно молодыми были, что и забыли уже?

— Вот! Вот как она рассуждает! — всплеснула руками Сухонина, вскочив с места. — Здесь что, сельсовет или клуб, где читают лекции о любви?! — гневно обратилась она к председательствующему.

— Пусть говорит, — не глядя ни на ту, ни на другую, ровно сказал Зюкин.

Покидова говорить не стала, а спросила Зюкина, глянув перед этим с недоверием и в упор на Сухонину:

— Она имеет право судить меня?

— Имеет, — ответил председательствующий.

щий. — Общество, народ ее выбирал. Передовая работница, примерная жена, мать.

— Если примерная, так я ее спрошу. Вот дети для вас что? — И сама же ответила: — Радость, счастье. В них весь смысл жизни женщины! Мне уже за двадцать, и я тоже хочу иметь детей. От любимого, а не от какого-то случайного человека.

— Это на кого намеки? — насторожилась Сухонина.

— Ни на кого.

— Если ни на кого, выходи замуж. Законным путем, — посоветовала телефонистка.

— А если не берут?

— Это тебя-то не берут! — неподдельно удивилась Сухонина. — Скольких ты парней за нос поводила. И сейчас вон по тебе сохнут...

— Я не хочу в мужья тех, что сохнут.

— Значит, женатых хочешь... опытных. Да?

— Ну, ну, — постучал Зюкин ручкой по графину с водой, — в рамках, товарищи, в рамках.

Звон стекла несколько охладил пил женщин, Сухонина даже отвернулась в сторону.

Разговор надо было вести к концу, а главное — не делать базара. Это полностью лежало на председательствующем Зюкине, от Храпова помощи не дожидаться, так как он совсем недавно был введен в состав заседателей, принимал участие в суде второй раз и потому осторожничал. Может, даже сверх меры.

— Вот я опять повторяю, — сказал Зюкин, — нехорошо получается, Альбина Анатольевна...

— Ну что нехорошо-то, что?! — чуть не со стоном вырывалось у девушки. — В петлю мне, что ли, теперь лезть, а за мной и ему, Виталию? Неужели вы настолько черствый народ, что не верите ни во что святое и готовы растоптать чужие чувства? Вы, да и я в том числе, стесняемся говорить о любви, чтобы — не дай бог! — не узнали на селе да не начались суды-пересуды деревенских обывателей. Великие люди считали любовь божественным даром и не стеснялись говорить о ней всему миру. И как говорить!! Так не-

влюбленный никогда не скажет. Вот Пушкин... — Здесь Альбина Анатольевна замолчала, болезненность на лице ее, вызванная непонятым разговором, сменилась умиротворенностью, затем сразу глубоким воодушевлением, и она очень естественно, искренне, от всей души начала читать:

...Я помню чудное мгновенье.

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты...

Прочитала и в задумчивости сникла головой. Все молчали, несколько обескураженные.

— Вот видите, — сказала Покидова через некоторое время робко и в то же время осуждающе. — У Пушкина — это гений чистой красоты. А у нас, значит, — потаскуха, — и вызываясь посмотрела на телефонистку.

— Ну, ну, — запротестовал Зюкин и задвигался задом на стуле. — Пушкину это, может быть, было позволено — все-таки гений. Не чета нам...

— В любви, — горько усмехнулась Альбина Анатольевна, — все гении, сказал кто-то.

Зюкину вроде и возражать нечего было, он почувствовал себя вроде не в своей тарелке, вертел головой, почесывал шею, как-то обескураженно поглядывал на заседателей, но те избегали его взгляда, и это лучше всяких слов говорило, что они ему не помогут.

— Так это у вас серьезно... с Виталием? — нашелся спросить Зюкин.

— Серьезно, — всей грудью выдохнула Альбина Анатольевна. — В заявлении про распутство — зря. Со зла она написала, — и подумав: — А может, от обиды. До Виталия я ни с одним мужчиной... — зарделась и коротко закончила: — Все я сказала.

Покидовой предложили выйти в соседнюю комнату, в бухгалтерию Совета. Судьи остались одни.

Все трое молчали. Чем дольше длилось молчание, тем тягостнее оно становилось.

Зюкин скосил грустные глаза в окно. Небо хмурилось.

— Опять дождь собирается. Сколько можно-то?

— Третью неделю хлещет,— обрадованно подхватил Храпов и обратился к Сухониной: — Сено-то сметали?

— Двадцать копен. Остальное в валках.

— А мое, наверное, уже сгнило.

— Чего сгнило-то. Ты ж недавно косил...

Зюкин, думая о чем-то и не слушая своих коллег, все смотрел в окно. И вдруг проговорил с глубоким вздохом:

— «Я помню чудное мгновенье»...— но тут же спохватился и недоуменно посмотрел на Храпова и Сухонину.

— Тьфу ты! — в негодовании хлопнула себя по бедрам Сухонина.— И он туда же,

хрыч старый,— встала и мигом вышла из комнаты, с силой грохнув дверь.

— Забылся,— вскинул кверху брови Зюкин.— Черт знает что,— и глаза его весело, с лукавинкой, глянули на Храпова.

Храпов оживился тоже и хотел что-то ответить, но тут дверь отворилась и вошла Сухонина. Похоже было, за дверью она поостыла. Сказала примирительно:

— Так как решать-то будем?

— Вот именно: как? — грустно спросил Зюкин самого себя, коллег и еще кого-то, кто здесь не присутствовал.

И снова воцарилось молчание. Все трое думали, думали...

ИЖМОРСКИЙ РАЙОН

Первая публикация

Владимир Советов

* * *

Маленькую птичку руками поймать
очень трудно,
и уж, понятно само собой,
что если ее и засадишь в клетку,
то все равно бессмысленно
приказывать: — Пой.

Однако маленькую птичку можно
приручить.
Конечно, ничего не решит одно
воскресенье

или суббота.

Потребуется много упорства,
удивительно много упорства,
усилий и пота.

Но если вы это сумеете,
то сразу заметите
массу перемен, приятных

и внезапных, —

так, люди, узнав вас на улице,
с уважением будут снимать
кепки и шляпы.

ГОРОДСКОЙ СЮЖЕТ

Воскресным утром во дворе
он моет машину
тряпочкой, теплой водой, не жалея сил,
а в это время
его жена с припухшим лицом
плачет у зеркала,
хотя волноваться доктор ей запретил.

Воскресным утром во дворе
он моет машину.
Все хлопает, работает, горит,
вовек с таким уходом не сломаться,
а в это время его сын
второй год как сидит. Спекуляция.

Воскресным утром во дворе
он моет машину,
он гладит машину,
нежно ласкает, угрюмый и хмурый,
и листья осенние его осыпают,
как желтые рублевые купюры.

И холодно и мутно
воскресным утром во дворе.

* * *

Странно бывает по вечерам
слушать музыку,
такую, что и не напеть языку:
нету мотива,
почти что ни звука,
а чувствуешь
кожей холодной,
губами —
и замираешь,
словно поймав равновесье на льду —
играет!
Играет!
Наверное, где-нибудь в старом саду.
И люди танцуют.

И. Дрейцер

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ТЕМЕ

«Облик наших городов» — этой довольно широкой темой были очерчены предметные границы «круглого стола», проведенного по инициативе Кемеровских организаций Союза писателей и Союза архитекторов в редакции нашего альманаха.

Публикуемые заметки не претендуют на стенографическую полноту отчета об этом полезном разговоре, продолжавшемся более трех часов. Скорее, это раздумья по мотивам «круглого стола», мысли по поводу...

Альманах вторично за последние четыре года обращается к теме градостроительства, к архитектурно-художественному облику наших городов. Первый материал так и назывался — «Города, где мы живем» (см. «Огни Кузбасса», 1975, № 3).

Не часто ли? Ведь у области с почти трехмиллионным населением и громадным хозяйством и без того много забот — и социальных, и экономических. И едва ли эстетические заботы опережают многие другие по важности. Была бы крыша над головой, а все остальное — от лукавого. Тем более, что крыши-то как раз на всех еще пока и не хватает...

Строим много. Очень много! Что ни город, то огромное строительное ристалище. И все же обеспечиваем пока не всех. И очереди в профсоюзных комитетах неизбывны. Да и получаем не в тех размерах и не в том качестве, в каких хотелось бы. И не всегда есть возможность учесть сложности внутрисемейные. Тут уж, как говорится, не до жиру...

В социальной программе развития области жилищное строительство — святая святых. И если сегодня темпы удовлетворения потребно-

стей в жилье еще не очень высоки, то не потому, что государство скупится. Деньги отпускаются щедро. Осваивать пока не успеваем. Объективных причин тому много. Важнейших из них, пожалуй, две: довольно слабые строительные мощности и необходимость чинить старые прорехи в кафтанах наших городов.

Последнее особенно ощутимо. Ведь выводя, к примеру, людей из районов повышенной санитарной вредности, мы тем самым не уменьшаем очередь на получение жилья вновь. Сегодня так дорого расплачиваемся за планировочные просчеты прошлого, когда наша градостроительная грамотешка была, мягко выражаясь, низковата. (Не повторить бы этих ошибок уже в наши дни!). Не упустим в этих рассуждениях и того печального обстоятельства, что жилой фонд со временем ветшает. И его приходится восполнять новым.

И тем не менее... Вслушайтесь в разговоры на автобусных остановках. Или в очередях (не будем ханжами — еще приходится прибегать к такому не совсем приятному времяпрепровождению). Полистайте письма, что бурным потоком идут в редакции. Вдумайтесь в заго-

ловки газетных корреспонденций. Такие, скажем, как «Первого этажа не предлагать», «Мой дом — пятый слева», «Голубые города или голубые мечты?», «Улицы — пешеходам». Не правда ли, здесь явно наличествуют новые интонации. Озабоченность такого свойства, которая отсутствовала еще несколько десятилетий назад.

Действительно, на исходе семидесятых в потреблении продукции наших зодчих произошли серьезные переоценки ценностей. Явление, благоприятное уже само по себе. В нем — свидетельство нашего роста. А зодчество — это ведь та область творчества, тот раздел искусства, результатами которого пользуются все — и мореплаватель, и плотник.

Мы можем по-разному относиться к музыке, театру, живописи. Иной делит свои привязанности между хореографией и изыщной словесностью. Не осуждается, наконец, и полная глухота к любым проявлениям духовности (чего не бывает!). Но каждому из нас, даже тем, у кого все остальные духовные заботы находятся где-то на периферии эстетического сознания, очевидно, одинаково близка архитектура — «мать всех искусств». Созидающая наш кров, как, впрочем, и всю ту рукотворную природу, что окружает нас в городе.

Здесь нет перебора — все, что наполняет собой современный город, было изначально нарисовано рукой зодчего, рождено его мастерством и вдохновением. Это от его умения зависит, уютно ли нам в этом городе. Радует ли нас город своими красками. Стройностью и изяществом своих ансамблей. Обеспечивает ли он горожанам необходимый уровень психофизиологического комфорта. Достаточна ли у города жизненная емкость его легких — зеленого наряда. Насколько полно реализуются в нем важнейшие функции человека — жизнь, работа, отдых.

Стоит ли удивляться в этой связи непреходящему интересу горожанина к работе зодчих? Тому, как близко к сердцу принимает он те или иные градостроительные решения. О которых, кстати, ему приходится узнавать на той стадии, когда они уже осуществлены. И когда изменить что-либо уже практически невозможно. («Плохую картину, — писал Дид-

ро, — можно спрятать, скверную скульптуру разбить, но как поступить с фасадом дворца?»).

Фасадная сторона архитектуры, однако, еще не определяет во всем объеме качества градостроительства. Удобство квартиры, уютность двора, в котором хочется посидеть, шумовой комфорт улицы, общая выразительность объемно-планировочных решений, близость к месту работы, школе, детскому саду, магазину, удачно организованные автобусные остановки... Сколько их, этих компонентов качества, которые только в своей совокупности делают город привлекательным?

И где, кстати, те каналы, по которым необходимая информация о качестве предложенного зодчим решения возвращается к нему от горожанина? На градостроительных советах будущие жильцы проектируемых кварталов, как правило, не присутствуют. Выставки проектов застройки с последующим обсуждением предложенных решений тоже не утомляют горожан своей частотой — от юбилея к юбилею. А города, известно, в отличие от людей, отмечают свои дни рождения не ежегодно...

В ПОИСКАХ КРИТЕРИЕВ: ВПЕРЕД... К ВИТРУВИУ

Итак, разговор в этих заметках снова о той трудно осязаемой материи, что зовется обликом города. Тема, признаем, в архитектуре отнюдь не новая. Еще в единственном из дошедших до наших дней античном трактате о зодчестве, принадлежащем перу архитектора и инженера Витрувия, отмечалось, что в архитектуре все «должно делать, принимая во внимание прочность, пользу и красоту». Очень точные критерии качества, не правда ли? И хотя автор «Десяти книг об архитектуре» был современником Юлия Цезаря, основные категории архитектурной эстетики, провозглашенные в этом трактате, сохранили свою актуальность до наших дней.

В самом деле, можно ли что-либо возразить против названной триады Витрувия? И разве выглядит анахронизмом сегодня требование единства и соразмерности частей в композиции произведения архитектуры, его соответствия законам зрительного восприятия, образ-

ной выразительности, разумного использования средств?

Могут возразить: во времена Витрувия архитектор управлял всеми компонентами качества. Он был свободнее в выборе материала да и жестче осуществлял свой диктат. Попробуйте в наши дни обеспечить соблюдение требований проекта... Приходится, увы, соглашаться. Произвол строителей, на совести которых — осуществление замысла зодчего со всеми его достоинствами и недостатками, подчас бывает просто неопишум. Впрочем, и то правда: многие отступления вызываются причинами объективного свойства. Здесь, как говорится, есть проблема.

Но не для этих ли целей в стране учрежден Институт архитектурно-строительного надзора? И, может быть, дело лишь только в том, чтобы ужесточить этот надзор? Как знать. Может быть. Во всяком случае, панацеей от всех бед это средство едва ли окажется. Сермяжная правда состоит в том, что основные параметры качества закладываются в проекте. Именно проект первичен. Все остальное вторично, хотя и чрезвычайно важно в очень непростом деле реализации авторского замысла. Ведь образ будущего дома, квартала, города складывается первоначально в эскизах зодчего, на планах градостроителя. Следовательно, и поиск причин просчетов разумно бы начинать именно с проекта. Приняв, разумеется, соответствующие поправки на какую-то изначальную эстетическую ущербность, что ли, современного поточного домопроизводства.

Но согласившись с этим, что прикажете делать, скажем, с плавательным бассейном на створе Университетской площади Кемерова, безобразность которого буквально вопиет?! А ведь оказался он здесь, как, впрочем, и жилые дома, что примыкают к главному корпусу университета, не волею случая. А перекочевал с планшета, который, нужно полагать, внимательно изучался и наверняка живо обсуждался на градостроительном совете. Впрочем, когда встречаешься с такими решениями, невольно утверждаешься в мысли, что здесь все же господствовал его Градостроительное Высочество Случай...

Города, как известно, строят набело. Без черновиков. Это обстоятельство существенно повышает «себестоимость» всяких планировочных, да и архитектурных просчетов. Ведь передвигают, как правило, только исторические и архитектурные памятники. По отношению к рядовой застройке едва ли стоит идти на такие издержки. Да и не кощунственно ли думать таким образом относительно зданий последнего десятилетия!

Мне очень импонируют в этой связи мысли, высказанные на заседании «круглого стола» архитектором Б. П. Лерманом. Главное в повышении общей выразительности застройки, — утверждает молодой зодчий, — это комплекс градостроительных задач, детальная проработка всех планировочных вопросов, умение поставить здание на место. Без этого едва ли можно рассчитывать на успех. Как бы ни были великолепны произведения монументального искусства, облагораживающие дом — первооснову застройки.

Только отсутствием тщательной проработки, — продолжает Борис Пантелеевич, и с этим нельзя не согласиться, — объясняется хаотичность застройки многих районов Кемерова, особенно его южной части. Очевидно, давно назрело время создать в Кемеровгорпроекте архитектурно-планировочную мастерскую, где все эти вопросы можно было бы решать профессионально, на высоком научном уровне. Без такой организационной меры разумное градостроительное развитие областного центра просто невозможно.

Здесь ведь очень важно держать в уме вот какое обстоятельство. Опережая сегодня по уровню урбанизации буквально все районы Сибири, Кузбасс сохранит такую благоприятную градостроительную перспективу и на обозримое будущее. И, следовательно, едва ли каким-то образом упростятся, будут ослаблены те трудности архитектурно-планировочного, градостроительного характера, которые так остро сказываются уже сегодня и станут еще ощутимее завтра.

Вот почему по-прежнему сохраняет свою актуальность и даже приобретает дополнительную остроту проблема кадров градостроительного профиля.

Два основных проектных института, занимающихся городами области, — Кемеровгорпроект и Кузбассгражданпроект — работают с явной перегрузкой. Если иметь в виду перспективы дальнейшей урбанизации области, трудности эти будут нарастать в темпе снежного кома. Уже сегодня представляется узким местом градостроительное направление в наличном проектном потенциале. Что касается исследовательского, то оно и вовсе отсутствует.

Это может показаться неправдоподобным, но область в этом плане не только не продвинулась вперед, но сделала даже шаг назад. Если не количественный, то качественный во всяком случае. Еще два десятилетия назад у нас был филиал Академии строительства и архитектуры и мастерская Гипрогора в Новокузнецке. Но вот, прирастив за это время свое городское население и, следовательно, повысив объемы капиталовложений в градостроительство, мы так и не смогли восполнить утраченное.

Согласен, были тому объективные предпосылки. Академия строительства и архитектуры в свое время была упразднена совсем, а ликвидация мастерской Гипрогора в Новокузнецке была обусловлена какими-то соображениями высшего порядка (вот уж действительно, неисповедимы пути Госгражданстроя!).

Но нельзя же в самом деле считать компенсацией создание в Новосибирске зонального научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального проектирования (СибЗНИЭП).

Институт этот — достаточно авторитетное учреждение. Однако, согласитесь, много ли можно успеть, имея в зоне своего влияния всю Западную и Восточную Сибирь до Дальнего Востока. А в пределах этой зоны — такие районы пионерского освоения, как, скажем, БАМ или Тюменский нефтеносный Север. Каждому из которых впору иметь свой институт.

Необходимое уточнение: вопросами градостроительства в СибЗНИЭПе занимается всего один отдел численностью четырнадцать (!) человек. И это для территории, равной полутора Западным Европам!

Так вот, если вернуться к нашим областным заботам, планируемое освоение — ускоренное — северо-востока, да и реализация тех социально-экономических предначертаний, что сопряжены с дальнейшим развитием уже освоенных территорий, несомненно, потребуют колоссальных объемов градостроительных работ.

Здесь уже давно, что называется, стучится в дверь необходимость разрешения ряда размещенческих проблем, в частности, создание в бассейне базы тяжелого машиностроения и предприятий металлообработки. А это последнее, несомненно, приведет, или, во всяком случае, должно бы привести к пересмотру сложившихся схем расселения.

Сегодня, как и несколько лет назад, когда альманах впервые обратился к проблеме градостроительства, настоятельно дает о себе знать необходимость проведения архитектурно-социологических исследований, которые могут и должны внести коррективы в сложившиеся стереотипы архитектурного и градостроительного мышления и послужат надежной обратной связью для специалиста, занятого проектированием жилой среды.

И среди тех проблем, которые в любых ранжировках будут тяготеть к важнейшим, рискнул бы назвать поиск оптимального размера города. Это отнюдь не надуманная проблема. И не случайно здесь сломлено так много копий. Поиск оптимума — задача сложная, требующая перебора многих факторов. Среди которых экологический, несомненно, предпочтителен. Упомяну об этой простой, чтобы не сказать расхожей, истине потому лишь только, что об этом заставляют говорить существующие тенденции роста наших городов.

По расчетам Гипрогора уже к концу нынешнего столетия горожане будут составлять 90% населения области — цифра, которая на 15—20% превышает общесоюзный показатель. Ожидается, что к 2000 году городское население достигнет 3,3 млн. человек.

Дальнейшее ускоренное развитие производственных сил области и связанный с этим рост городов оживляет всю совокупность проблем

природоохранного, экологического плана. Одна из них — эффективное управление ростом крупнейших городов области — Кемерово и Новокузнецка, практически уже перегруженных. Связанные с судьбой этих городов опасения вызваны тем обстоятельством, что каждый из них продолжает наращивать свой промышленный потенциал. Хотя необходимость сдержанного их развития признана рядом правительственных документов, да и схемой районной планировки.

Но как, скажите, назовешь сдержанным развитие Кемерово, для которого предусматривается строительство завода тяжелого машиностроения? Завода-гиганта, продукция которого, признаем, жизненно необходима для многоотраслевого промышленного комплекса области. Но чревато же... приростом населения города в сто тысяч человек!

Главные аргументы в пользу кемеровской «прописки» завода, очевидно, сводятся к двум основным соображениям. Первое: завод — очень существенный градообразующий фактор (вспомните, плюс 100 тысяч к «паспорту» города!). И второе: некоторая экономия на коммуникациях. Полагаю, что второе — не столь существенно, если учесть, что завод размещается не в промышленном узле, а на неосвоенной площадке.

Фактор охраны среды в этом состязании «за» и «против» оказывается битым сторонниками экологического оптимизма: завод проектируется с учетом последних требований, с подветренной стороны, без вредных по выбросам производств в его структуре.

Но даже если согласиться с бытующим мнением об абсолютной экологической безопасности завода, едва ли размещение такого предприятия в городе, который не отличается идеальным зонированием, будет столь безболезненным. Да и так ли уж безвреден в природоохранном плане завод полного машиностроительного цикла, с литейным, кузнечно-штамповочным и термическим производствами, собственной гальваникой и соответствующими объемами воды, которую, похоже, не будут дистиллировать перед сбрасыванием?

Выдвигаются и другие аргументы в пользу размещения завода в Кемерове. Он-де должен

сбалансировать мужской и женский труд. Но такой диспропорции, насколько мне удалось выяснить в отделе по труду облисполкома, в городе сегодня практически не существует. Рабочих рук не хватает для уже существующих мощностей.

Следующая пятилетка по трудовым ресурсам будет еще напряженнее: скажется второе демографическое эхо войны. Да и в более отдаленной перспективе наш район едва ли выйдет из числа трудodefицитных. И обеспечить такой гигант кадрами все равно придется за счет районов трудоизбыточных.

Так не разумнее ли, отдав предпочтение соображению экологическому, «привязать» завод к другому району, скажем, к северо-востоку области, к Мариинску, например, который таким образом мог бы получить благоприятный толчок для своего дальнейшего развития.

Интенсивной урбанизации этого района благоприятствует ряд обстоятельств: удобные площадки, близость к Транссибирской магистрали, перспективы развития Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса и др.

Может быть, при уточнении схемы районной планировки для этой части области целесообразно было бы рассмотреть возможность размещения в малых городах, не получающих пока должного развития, небольших специализированных предприятий, которые были бы филиалами основного завода тяжелого машиностроения.

Передовой зарубежный опыт, да и опыт таких отечественных гигантов автомобилестроения, как объединения АвтоЗИЛ и АвтоГАЗ, убеждает в большой экономической и социальной (это последнее весьма существенно) целесообразности таких размещенческих решений. Но об этом хватит — очень уж велика опасность «растечься мыслями по древу». В заметках заявлен разговор об облике городов.

С УСТАНОВКОЙ НА КРАСОТУ

Эстетика техницизма все пагубнее влияет на архитектуру, из которой выхолащивается душа жива. Художественно-образное мышление

зодчего все больше начинает подменяться моделями технологического конструирования.

Озабоченность специалистов усилением этих тенденций растет во всем мире. Конгресс Международного союза архитекторов, проходивший в 1975 году в Мадриде, хорошо показал этот процесс. Упомяну об этом для того лишь, чтобы подчеркнуть масштаб зла. Лица необщее выражение, которым отличаются старые города, постепенно утрачивается. В русской поговорке «Что ни город, то норов», несомненно, присутствует и архитектурный компонент.

Эстетическая скудость в этих условиях в какой-то мере восполняется смежными пластическими искусствами. Монументалист, скульптор, дизайнер сегодня, как, впрочем, и во все времена, но сегодня — в значительно большей мере, своим мастерством повышают художественную выразительность застройки, компенсируют ее однообразие. Необходимость художественного формирования окружающей человека среды в наши дни становится велением времени. Сотрудничество, слияние творческих усилий градостроителя, архитектора, художников различных цеховых принадлежностей не просто желательно и возможно, а закономерно и необходимо.

«Из этого следует, — полагает известный советский монументалист, секретарь правления СХ СССР Юрий Королев, — что не только архитектура не должна чуждаться сотрудничества с другими пластическими искусствами из опасения утратить «чистоту» своего языка, но и живопись, и скульптура не имеют морального права «замыкаться» в своей специфически-станковой, камерной проблематике, уклоняться от задач, которые налагает на них работа в архитектуре и градостроительстве».

Наиболее интересные архитектурные премьеры последних лет блестяще подтверждают конструктивность этой посылки. Вспомним застройку центра Ташкента, Или, к примеру, здание Республиканской научной библиотеки в Ашхабаде. Сознательно привожу примеры, не связанные с Москвой, Прибалтикой или Закавказьем — районами, традиционно «благополучными» по части синтеза.

Но вернемся к градостроительной практике Кузбасса. С горечью приходится отмечать, и

«круглый стол» лишний раз утверждает в этой мысли, что желанная гармонизация усилий зодчих и художников еще не достигнута, не стала нормой их творческого бытия. Не хочу прибегать к стереотипному образу Лебеда, Рака и Щуки. Здесь все гораздо сложнее. Причины? Их много. И все они — разной природы. Вот какими видят их сами участники разговора.

В. Д. Полтавцев, главный архитектор города Кемерово:

— У нас город химиков. Хорошо развита здесь и химическая наука. А вот материалов для отделки зданий на основе химии, к сожалению, нет. Партийные и советские органы давно уже ставят перед химиками задачу получения таких материалов, но она до сих пор не решена.

Р. А. Галков, монументалист:

— Очень сдерживает отсутствие облицовочных материалов. Для того чтобы сделать мозаичное панно, смальту приходится возить из Ростова. Не менее сложный вопрос — производственные помещения, база. И для скульптора, и для монументалиста необходимы большие помещения, специально оснащенные. А мастерские Художественного фонда РСФСР такими площадями не располагают. Довольствуемся непригодными клетушками, подвальными помещениями.

Но продолжим исследование. Может быть, разрешив проблему материальной базы, город сможет обеспечить хорошее деловое сотрудничество зодчих и художников? Как бы не так! Остается ведь еще очень сложный психологический, да и организационный, если хотите, барьер, что выстроился между ними. Здесь, к сожалению, ничто не изменилось со времени первого выступления альманаха. Полоса отчуждения, обильно усталая многими нетворческими соображениями, чтобы не сказать противоречиями, до сих пор существует.

В. А. Селиванов, дизайнер:

— У архитекторов, создающих генеральные планы развития городов, есть задания и соответствующие средства. Художники лишены и того, и другого. В генеральных планах не вы-

деляются разделы эстетической организации жилой среды. Между тем, речь идет о довольно сложном комплексе работ, который едва ли будет разумным пускать на самотек. Кроме того, мы работаем в разных организациях. У нас действуют разные системы оплаты труда, разные расценки. И с этим тоже нельзя не считаться.

Наберитесь терпения, читатель, и пройдитесь со мной по лабиринту этих построений.

Может быть, художники сгущают краски? Да, действительно, разные ведомства, с разными условиями оплаты труда. Но в том же Ашхабаде Художественный фонд ведь тоже не подчинен Управлению Главного архитектора. По всей Руси великой эти организации существуют автономно...

Непостижимо! Как же удастся организовать сотрудничество двух творческих союзов, скажем, в Суздали и почему существует такое отчуждение в Кемерове?!

Нет средств?

Г. А. Глов, главный архитектор области:

— Есть Постановление правительства СССР, которым разрешено в городах, краевых и областных центрах, в столицах союзных республик осуществлять работы по комплексным планам монументальной пропаганды. Это постановление вышло в год шестидесятилетия известного ленинского декрета. В документе, который облизполком около года тому назад направил Кемеровскому горсовету, определены необходимые средства.

В. Д. Полтавцев:

— Для нас это новость...

С Вашего разрешения, читатель, я не буду комментировать этот диалог.

«ИЩАЙ ОБРЯЩЕТ»

Поиск источников финансирования работ, связанных с эстетической организацией жилой среды, действительно, — задача очень сложная. Убедился в этом, ведя соответствующие «разыскания» в стенах Стройбанка.

Некоторые работы можно финансировать за счет средств, выделяемых местными Советами на благоустройство. Скажем, павильоны на ав-

тобусных остановках. Здесь только важно, чтобы их монументальное обустройство закладывалось в сметы, присутствовало в проектной документации. Таких отдушин в целом не так много. Объекты более трудоемкие и дорогостоящие, за исключением интерьеров общественных зданий, как правило, не финансируются. Здесь уж Стройбанк бдит.

Тем не менее, ответственные работники Стройбанка неожиданно оптимистичны: при всех существующих запретах получить разрешение Госстроя можно. Нужно только хорошо обосновать просьбу. А базой для такого обоснования может служить... план эстетической организации городской среды. Согласованный и утвержденный в установленном порядке.

Как видите, все возвращается на круги своя. Нужен план. Плана нет. Кому разрабатывать его? Кемеровгорпроект, разумеется. Кому быть идеологом этого плана? Ну кому же еще, если не горсовету, его службе Главного архитектора. Итак, круг постепенно замыкается.

Но может быть, Кемеровгорпроект отказывается эту работу делать. Да нет же! Поговорите с его директором Г. М. Емельяновым, и вы убедитесь в обратном. Только таким образом, настаивает Геннадий Михайлович, можно решить проблему комплексного эстетического обустройства города. План должен стать тем организующим началом, тем первым шагом, без которого нельзя пойти дальше.

Хорош ли, плох ли, но у архитекторов есть генеральный план развития города. И он реализуется, хотя и не всегда успешно. В план эстетической организации жилой среды, комплексный, всеобъемлющий, художники своей лепты не внесли.

Очень не хотел бы, чтобы у читателя сложилось такое впечатление, будто во всем виноваты художники. Не пытаюсь обелить их. При всей немногочисленности того фланга организации СХ, что могла бы плодотворно работать на город, здесь еще отсутствует необходимая ориентация. А вот задать эту ориентацию пока что некому. Хотя, уж если говорить строго, почему бы это не сделать горсовету?..

Но вот несколько иной поворот темы, так сказать, ее вариация.

А. П. Хмелевской, скульптор:

— У нас, к сожалению, нет выхода на стены. Монументалистам практически негде работать. Может быть, по этой причине отмечается некоторый перекокс в сторону скульптуры. Едва ли такая однобокость может быть оправдана. Художникам хотелось бы, чтобы от архитекторов поступало больше предложений. До сих пор все предложения шли от нас. Если говорить о скульптуре, то она немыслима без архитектурной привязки.

А. П. Хмелевской, безусловно, прав. Остается добавить, что и монументальное искусство столь же привязано к архитектуре. Там же, где пытаются игнорировать это положение, такое небрежение мстит за себя неорганичностью, чужеродностью такого «довеска» к архитектуре.

Но где же выход? И почему, к примеру, удается координировать усилия десятков ведомств при разработке сложных народнохозяйственных проектов, а на уровне двух организаций, работающих в одном городе и по существу занимающихся одним общим делом — созданием жилой среды — такая задача остается неразрешимой вот уже столько лет?

Что же не позволяет усадить зодчего и художника за один стол? Что мешает им, не теряя организационной автономности, со всеми вытекающими отсюда последствиями, делать общее дело? Делать не параллельно, не последовательно, а именно сообща, синхронно. И почему наряду с главным архитектором проекта жилого или общественного здания, или целого микрорайона не может существовать главный его художник? Который разделял бы с архитектором всю полноту ответственности за качество создаваемого совместно объекта?

Не сомневаюсь, такая работа, в четыре руки и в четыре глаза, не замедлит обернуться лучшими решениями. Да и совместный творческий процесс оказался бы обоюдополезным. Ведь и зодчий, и художник обладают очень хорошо объединяющими их качествами — умением мыслить образами, способностью зрительного представления и пластической интерпретации предлагаемых решений. А не в недрах

ли такого сотворчества обеспечивается необходимая органичность, при которой, скажем, настенная живопись или рельеф никогда не будут восприниматься инородным телом на фасаде дома.

Хотел бы в этой связи сослаться здесь на примеры «от обратного». Не из боязни ли утратить гармонию, допустить чужеродность выдающиеся зодчие, пользуясь современным языком, комплексно проектировали здание со всеми его компонентами: мебелью, электроосветительной арматурой, внешним декором и многим другим.

Вспомним, например, творческую практику Ле Корбюзье, Алвара Аалто или ныне здравствующего Оскара Нимейера. И не этими ли побуждениями питается требование последовательно и неукоснительно осуществлять диктат архитектора в области стандартизации и качества материалов — ту единственную меру, которая, как это ни звучит парадоксально, гарантирует истинную свободу творчества, а с ней — и высокие кондиции зодчества. И, разумеется, напрочь исключает строительный, и, что не менее опасно, последующий эксплуатационный произвол, наносящий очень значительный эстетический урон архитектурно-художественному образу города.

Чтобы убедиться в этом, не нужно предпринимать дальних поездок. Пройдитесь по улице Дзержинского в областном центре, и вашему взору предстанут «шедевры» такой эстетической самостоятельности. На манер пристроенного входа с «ажурным» крылечком в здании горэлектросети. Или, скажем, цоколей из офактурованного штамповкой листа. (Вот уж действительно, дешевый материал!).

Вам нужны более масштабные примеры? Извольте: ставшие притчей во языцех балконные экраны из того же штампованного листа. Одинаковые на все случаи жизни, то бишь на здании любой архитектуры. И кажущиеся одинаково случайными. С чужого плеча.

Но здесь я, пожалуй, закончу разговор о возможностях и пределах синтеза, точнее, об организационных неурядицах, связанных с ним, чтобы предложить читателю несколько иной срез проблемы.

СИНИЦА РВЕТСЯ ИЗ РУК

Новые веяния в архитектуре жилища хотя и медленно, но все же проникают и в наши пределы. Одна из таких новейших разработок — так называемая блок-секция, уже завоевавшая признание. Ее идея, в частности, воплощена в девяносто седьмой серии, получившей, наконец, «прописку» и в Кемерове.

Преимущество новинки в том, что она позволяет выставлять дома практически любой протяженности, любой конфигурации, с перепадом по рельефу, задвижкой в плане и т. д.

Некоторые из этих преимуществ в нашем городе, правда, еще не реализуются из-за неподготовленности базы. Тем не менее перспективы здесь довольно благоприятны: разнообразие в застройке обеспечивается доборными деталями, которые выпускаются только на один микрорайон. А затем снимаются с производства и заменяются новыми.

Будем оптимистами и поверим, что архитектурное будущее у нас вполне благополучно. В конечном счете, девяносто седьмая утвердится в наших городах во всем диапазоне своих возможностей.

Заметно изменится и структура этажности городов. Во всяком случае уже сегодня по Кемерову, к примеру, практически достигнуты показатели генплана. Девяти-, двенадцати- и шестнадцатэтажные дома благоприятно изменили силуэт города. Строительная акселерация на этом не заканчивается. СибЗНИЭП уже проектирует для города 24-этажные мастодонты. Будет ли все это знаменовать собой наступление градостроительного эдема?

Полагаю, что ликовать еще преждевременно. Архитектурная составляющая, очень важная сама по себе, не определяет успеха. Даже если допустить совершенно невероятную мысль о том, что город получит режим наибольшего благоприятствования по базе индустриального домостроения, а все общественные здания будут строиться только по индивидуальным проектам.

Такие гарантии, полагаю, следует искать в недрах градостроительной композиции, подпираемой высоким качеством исполнения. А можно ли представить себе типовую градострои-

тельную архитектурно-художественную композицию? Она-то ведь всегда индивидуальна. И каждый раз обуславливается множеством факторов. А когда типовой дом «привязывается» без учета композиционной составляющей, получается ералаш. (Я прошу прощения у специалистов за этот не совсем научный термин).

Мне уже доводилось писать о том, чем обочивается игнорирование этих требований в планировочной организации нашего города. Вопросы компоновки, зонирования и сегодня, полагаю, продолжают оставаться ахиллесовой пятой наших проектировщиков.

В дополнение к тому, что уже называлось, приведу лишь один пример — «привязку» газетного комплекса к областной больнице № 1 — клинической базе медицинского института. Который (кстати, тоже новостройка), почему-то разместили в значительном удалении от базы. А ведь полиграфический комбинат, если только проектом там не предусматривается какая-то космическая технология, будет выделять в атмосферу отнюдь не ароматизированные вещества, а элементарные испарения свинцовых сплавов!

Путь к эстетической цельности города лежит как раз через создание хорошо гармонизированных ансамблей, в каждом из которых была бы представлена какая-то одна пластическая тема. Пластическое разнообразие частей с довольно четким членением в пределах одной темы на главные и второстепенные элементы — художественный принцип, не считаться с которым просто опасно. Это очень хорошо понимали градостроители прошлого. Свидетельство тому — довольно стройные ансамбли наших старых городов. Требования этого принципа закладывались и в существовавшие тогда строительные нормы и правила. Да-да, знаменитые сегодня СНиПы. Только назывались они тогда по-иному.

Посмотрите, как тонко, в стилистике начала XIX века, понимали и соответственно предрекали в Правилах их авторы мысль об эстетической нагрузке застройки: «...фасад, а особенно на улицу, должен соответствовать правилам благолепной архитектуры, о чем пишется началству и архитектуре...»

Как знать, может быть, поэтому многое из создавшегося переходило спустя столетие в разряд памятников архитектуры...

Мне очень понятны заботы Геннадия Михайловича Емельянова: в условиях острой нехватки высококвалифицированных специалистов в институте был бы, наверняка, очень полезен хороший семинар, на котором следовало обсудить главным образом вопросы планировки. Очевидно, Союз архитекторов, вкуче с Союзом художников могли бы организовать такое архипольное для наших городов мероприятие с привлечением специалистов из ведущих институтов системы Госгражданстроя. Такая коллективная экспертиза, хороший профессиональный взгляд со стороны очень нужны и нашим проектировщикам, и нашим городам.

ДОМ, ГОРОД, ЖИЗНЬ...

Зодчество в век НТР. В очень непростое время, когда динамизм развития экономики, серьезные социальные сдвиги довольно часто меняют сложившиеся критерии оценок, вносят поправки в устоявшиеся стереотипы...

Скажем, успехи автомобилизации посягнули на пространственную организацию жилой среды. Гараж уже становится таким же обязательным ее компонентом, как малоформальная архитектура, городская мебель и многое другое. По мере убыстрения автомобильного конвейера — а темпы выпуска машин едва ли будут снижаться, тенденции здесь очень благоприятны — гаражная проблема будет обрести дополнительные сложности. Уже сейчас проектировщиков ориентируют на довольно жесткие нормы. Ближайшее двадцатилетие явно обретает черты автомобильной эры: на тысячу жителей — до двухсот автомобилей! Для условий нашего города, в частности, соблюдение такого норматива потребует 250 гектаров городских территорий. Сравните: средний микрорайон занимает 25—30 гектаров. Не расточительство ли это — так неэкономно тратить ценнейшие территории?!

Сегодня, кстати, в неменьшее зло вылилось хаотичное строительство погребов — очень необходимой детали быта. Особенно подверженными оказались временно резервируемые тер-

ритории — там они вырастают, как грибы после дождя. У меня есть все основания полагать, что уровень механизации земляных работ на этих «объектах» повсеместно достаточно высок. Заказчик нынче пошел грамотный — подтягивает новейшую технику.

Но вернемся к гаражам — здесь груз градостроительных, да и экономических сложностей весомее. Хочу подчеркнуть: проблема эта должна рассматриваться только в широком градостроительном контексте, с учетом всех факторов, и прежде всего — удобства владельцев автомобилей. Выход, очевидно, следует искать только на пути строительства многоэтажных гаражей. Никакие полумеры не могут решить проблемы.

Понятно, такой путь нелегок. Необходима хорошая документация. Нужна подрядная организация. Первое — в руках проектировщиков. Со вторым, в условиях недостатка строительных мощностей, значительно сложнее. Тем не менее отказываться от разумной идеи — себе дороже.

Сегодня есть документация, разработанная Кузбассгражданпроектом: гараж боксового типа на 120 машин, в двухэтажном исполнении. Не могу сказать, что по экономическим показателям он безупречен: стоимость одного места — две тысячи рублей. Это дешевле уровня цен, складывающихся стихийно, но тоже не очень дешево. К примеру, стоимость одной стоянки в четырехэтажном гараже (Москва, гаражностроительный кооператив в Чертаново) — около 950 рублей. Информация к размышлению довольно убедительная...

Новокузнецкий проект можно пересмотреть или в крайнем случае положить на полку и воспользоваться более выгодным. Сегодня, думается, принципиально важно сделать первый шаг — изыскать возможность осуществления хотя бы одного проекта. Уже воплощенная идея будет легче пробивать себе дорогу.

...Города, как известно, строят небело. Без черновиков. Очень серьезный резон, чтобы, в духе «Архитектурных примечаний» 1844 года, принимать старание о благолепии их облика уже на стадии проектирования.

Полагаю, это хорошо согласуется с сегодняшними требованиями к гуманизации жилой среды.

Мэри Кушникова

КУЗНЕЦК—ЯСНАЯ ПОЛЯНА

В каждом городе есть старожилы, у которых сохранились личные архивы. Слава тем, кто бережет историю родного края и аромат былых впечатлений и встреч! Совсем недавно вышел на пенсию старейший работник Новокузнецкого краеведческого музея Константин Александрович Воронин. Я читала благодарственные записки посетителей музея, для которых трехчасовые экскурсии проводил 85-летний Воронин: «Готовы слушать еще столько же!» — пишут посетители. Еще бы! Воронин из тех редких людей, что рождаются хранителями, исследователями, рассказчиками, — одним словом, музейщиками. Ибо дар музейщика так

же редок, как дар истинного поэта или художника. Можно приобрести так называемый «профессионализм» в любом деле, в том числе и в музейном, нельзя приобрести дар хранить память. Это дар — одним жестом, взглядом, выразительным словом перекидывать прочные мостики из вчера в сегодня и завтра, в чем и состоит, собственно, одна из главных миссий музейщика.

В адресе, который К. А. Воронин получил от томской общественности в день 85-летия, справедливо сказано, что личные встречи и беседы с ним всегда интересны и содержательны, справедливо также выражена уверенность, что он плодотворно завершит все задуманное по изучению и описанию истории своего края. Потому что — кто сказал, что Воронин ушел на пенсию? Он может не ходить на работу к девяти утра, но не может не работать. Не рассказывать. Не воскрешать былого.

Я сижу перед воронинскими альбомами, фотографиями, книгами, письмами. Смотрю, листаю, слушаю... «КУЗНЕЦКАЯ ВАТАГА». В Кузнецке стоит по сей день здание городского училища. Ему полтора века. В стенах его набирались ума и озорничали многие поколения, и каждое выдвигало достойные имена, которые вошли в историю и тем самым прославили старое училище и свой родной край.

В конце прошлого века смотрителем «вольнодумного» училища, которое в Томском управлении было далеко не на верноподданническом счету, состоял Ф. В. Булгаков. Два его сына — Вениамин и Валентин — вместе

К. А. Воронин

с другими мальчишками прилежно ходили в школу, бегали играть к старой крепости, гуляли по Топольникам, бродили по роцам боярышника, что рос на холмах. На страницах рукописи Вениамина Булгакова «Далекое детство», что хранится в Новокузнецком краеведческом музее, оживает старый Кузнецк. Лет 80 назад таким видели его мальчики Булгаковы:

«С вершины холма мы разглядываем сотни деревянных домиков и амбаров, огороды с тополевыми и черемуховыми садами. Городок похож на большую игрушку с двумя церквями, стоящими посреди голых площадей в скупой зелени, и маленькой церквушкой среди берез и черемух на кладбище...»

Для кузнецких мальчишек река, бор, горы — все полно таинственной прелести, там обитают сказки! «...На огромных соснах и елях выют гнезда соколы. В темном бору живут наши сибирские медведи, водятся и олени, волки рыскают по низинам...»

Городские березы до того раскидисты, что служат мальчишкам своеобразными клубами. «Одну из них, самую ветвистую, с многочисленными корявыми сучьями, мы любили больше других. Мы устраивали на ее густой кроне кресла-качалки, переплетая развилины веток веревкой и старыми тряпичками. Получались зеленые кресла-гнезда». Здесь же был открыт — очевидно, первый в Кузбассе! — «клуб книголюбов». Из рук в руки переходили книги о Робинзоне Крузо, Гаргантюа, Дон-Кихоте и сказки о Бове-королевиче, Еруслане Лазаревиче, Анике-воине. «Книжки бывали с раскрашенными картинками, и даже резвейшие сорванцы нашей компании относились ко всем книжкам с бережливостью и уважением».

Это была пора, когда при виде первого парохода на Томи старушки крестились и поминали беса. «Город Кузнецк жил 300 лет без пара и электричества. Школьники разглядывали пароходы лишь на картинках. Первый пароход произвел сенсацию. Сначала его боялись, но когда прочитали на борту знакомое слово «Томь», когда был перекинут трап и «сотни горожан весело приветствовали спешивших на кузнецкую землю обыкновенных русских людей, которые кричали: «Здравствуй, кузнецчане! Принимайте гостей из Томска!» — событие превратилось в праздник.

Праздники в Кузнецке отмечали со вкусом. «В нашем городе, как и во всей России, масленицу справляли все. В каждом доме хозяйка обязательно пекла блины, а вечером пускали фейерверки. На темном небе огненные львы сменялись журавлями, медвежат сменяли орлы, тигры, венки цветов, пляшущие люди, садовые беседки.

И где только бралось у наших кузнецчан в трехтысячном уездном городишке столько лошадей, саней, ковров, губенчиков, а главное,

безудержного карнавального веселья! Какие это были веселые люди!».

Но только ли веселые? Бывали в городе и происшествия. Происшествия — это когда воруют или когда дерутся.

«На базарной площади на земле сидит здоровенный мужик, без шапки, в рваной рубахе и одном сапоге. Егорка крестится и божится, что денег не брал, горожане кричат, что он обыграл их в карты и обокрал. Стражник сдергивает с Егорки сапог, от рывка мужик валится на спину, из сапога летят серебряные и золотые монеты. Стражник надывается: «Это што? Это откуда?» И хлещет лежащего Егорку голенищем по лицу, по груди, по бо-сым ногам. Горожане бросаются на землю, подбирают деньги и тоже норовят побольнее ударить Егорку...»

Это была пора, когда Достоевский еще не стал легендой. Многие хорошо помнили его в черной кожаной шляпе, в сапогах-броднях, смотрели из окон, как он шел на охоту, а за ним бежала вислоухая черная собака. Многие самозабвенно присутствовали на его романтическом венчании, когда невеста была так хороша, что ей простили неустroенную ее жизнь, а жених так необычен, что горожане все гадали, привечать или чураться заезжего господина, который еще вчера был ссыльным солдатом. Мальчики Булгаковы еще не думали, что почти через сто лет исследователи будут искать некую статью, которую напишет один из них, потому что именно эта статья многое просветлит в коротком и бурном кузнецком периоде жизни Достоевского. Пока же они просто играли в догонялки около старого домика, где еще обитала семья Дмитриевых — один из них был свидетелем на упомянутом выше тревожном венчании. Не знали мальчики Булгаковы и того, что вовсе неподалеку ровесник их, Костя Воронин, уже намечен историей в хранители маленького отрезка их жизни, запечатленного в письмах. И уж вовсе не думали, что на долгие годы привяжет их к себе Ясная Поляна, где в эту самую пору почти мифический старец уже задал себе и своему классу вопрос: «У тебя будут тысячи десятин земли, сотни лошадей, ты будешь знаменитее всех поэтов и писателей мира. А зачем? Для чего? Что это тебе даст?» (Т. А. Сухотина-Толстая, «Воспоминания»). Мог ли думать Валя Булгаков, что именно ему суждено будет описать «драму, которая становится тогда подлинной драмой, когда у нее нет виноватых, но обстоятельства заводят в тупик». И уж вовсе не подозревала гимназистка Агния Воронина, сестра Кости, что станет адресаткой волнующих писем, которые воскресят для нас дополнительные странички яснополянской биографии Валентина Булгакова, последнего секретаря великого писателя Льва Николаевича Толстого.

Валентин Булгаков в молодости

ГИМНАЗИСТЫ. Выросли мальчишки—покинули родной Кузнецк. Вениа и Валя Булгаковы вместе с еще тремя кузнецкими отправляются в Томск. Всем очень весело. Едут они на широкой ямщицкой телеге под звон колокольчиков:

«Пара сибирских лошадей рысью летит по ровной дороге. Телега оставляет за собой клубы пыли. Колеса вертятся так быстро, что спицы сливаются в серый диск. Четвероклассник Витя весело, громко, задорно бросает в воздух: «Ах, полным-полна коробушка, есть и ситец и парча!..» И мы хором во всю силу продолжаем: «Пожалей, душа-завибушка, молодецкого плеча!»

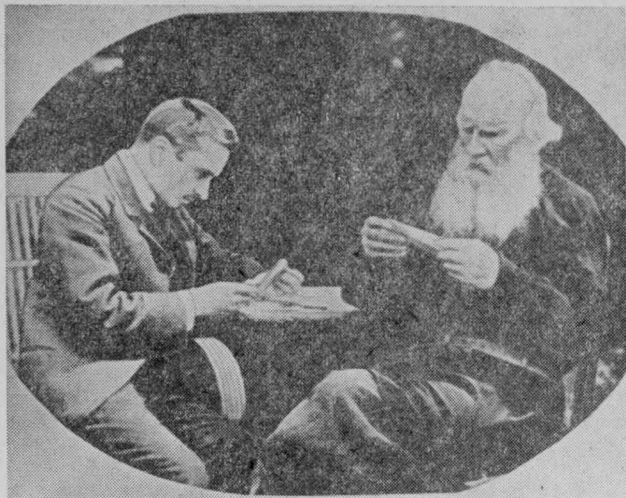
В Томской гимназии живут они в специальном интернате для детей чиновников и учителей. Маленькая колония кузнецчан держится вместе. Вот они на фотографии втроем — братья Булгаковы и Воронин. Очень дружная и бедовая компания. Они увлекаются одними и теми же книгами, бывают в концертах и сами их устраивают. Валя Булгаков, заводила и «главный запевала», даже организовал «хор девушек», в котором... пели одни мальчишки. Они дежурят у театрального подъезда, когда приезжают знаменитости, — охотятся за автографами. Именно тогда Валентин Булгаков и

стал страстным коллекционером (позже он станет обладателем автографов Романа Роллана и Эйнштейна, Рериха и Шаяпина, с которыми состоял в дружеской и деловой переписке).

Вы думаете, однако, что эта «золотая молодежь» только и делает, что развлекается?

Юный Валентин Булгаков — постоянный корреспондент омской газеты «Степной край», сотрудничает и в томских газетах. В 1904 году в приложении к газете «Сибирская жизнь» выходит статья «Ф. М. Достоевский в Кузнецке», в которой восемнадцатилетний автор впервые опубликовал неизвестные материалы о венчании Достоевского с М. Д. Исаевой в Кузнецке в 1857 году. Газета «Сибирский вестник» публикует статью Булгакова с критическим разбором картины художника Вучичевича «Домик Достоевского в Кузнецке». А в томском журнале «Сибирские отголоски» под редакцией гимназиста Булгакова публикуются впервые письма П. И. Чайковского, адресованные А. Я. Александровой-Левенсон. Двадцатилетний Булгаков уже известен за пределами Сибири. В 1906 году в «Записках Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества» выходят русские и ойротские сказки, записанные в 1904 году в Кузнецком и Бийском округах гимназистом Булгаковым, страстно увлеченным сибирским фольклором. В числе близких людей в томскую пору он называет известного ученого, этнографа, путешественника и исследователя Сибири, Монголии и Китая Г. Н. Потанина. В 1906 году с золотой медалью закончена Томская классическая гимназия. Годом раньше закончил ее один из дружной компании — Вячеслав Болдырев. Еще остался в стенах гимназии Костя Воронин — он моложе остальных и в ту пору — затятый в щегольский мундирчик с тутим воротом, который заставляет высоко держать голову, — никак не подозревает, что через полвека будет принимать в Новокузнецком музее дорогих гостей из Ясной Поляны — Валентина и Вениамина Булгаковых и вместе с ними и с Вячеславом Олимповичем Болдыревым, нынешним старожилом Кузнецка, снимется «на добрую память» о встрече. Вот они, четыре бывших гимназиста, около музейного макета Кузнецкой крепости, на фоне юбилейной надписи. С этой встречи и потянулся еще один росточек, прочно связавший на много лет Кузнецк и Ясную Поляну.

В ОРБИТЕ ТОЛСТОГО. Из биографии Валентина Булгакова известно, что впервые он познакомился с А. Н. Толстым в 1907 году, когда уже был студентом историко-филологического факультета Московского университета и председателем Сибирского землячества московских студентов. Известно, что молодой фи-

Л. Н. Толстой со своим секретарем В. Булгаковым

ололог в течение двух лет часто посещал Толстого и был близок к его дому, а в 1909 году принес ему рукопись — смелый анализ и систематизация мировоззрения Толстого-мыслителя. Это было время, когда, вспоминая об отце, Татьяна Львовна Сухотина-Толстая писала: «...В те годы мы не понимали его. Его взгляды пугали нас, но не убеждали!». И вот, разглядывая в воронинском альбоме фотографии юного Булгакова, пытаюсь понять: в чем было невидимое притяжение, мимо которого не мог пройти Толстой? И понимаю: нельзя было Толстому не заметить пытливого юноши с бархатными глазами, высоким лбом, ясной улыбкой и такой решимостью к добру! О молодых людях, окружающих семейство Толстого, дочь писала: «Молодежи я не встречала живой — это все ходячие мертвецы, те, которых я знаю». Разглядывая фотографии 1909 года и пытаюсь угадать: когда именно судьба Валентина Булгакова неотвратимо вошла в орбиту Толстого-писателя и каким увидел он впервые Толстого-человека. Что прочел в его пронзительно-светлых глазах — смятение («Я как будто жил-жил, шел-шел и пришел к пропасти в ясно увидел, что впереди ничего нет, кроме гибели»). — Л. Н. Толстой, «Исповедь») или проветвление? Вот Толстой рассказывает сказку внучатам Соне и Ильюку. А вот — склонился над рукописью с единомышленником и другом В. Г. Чертковым. Пытаюсь взглянуть в эти фотографии глазами студента Булгакова двадцати четырех лет от роду, который, став личным секретарем Толстого 17 января 1910 года, «был совершенно счастлив получить возможность постоянной близости с человеком, к

которому не мог относиться иначе, как с величайшим преклонением и любовью». Живет секретарь в Телятинках, на хуторе Черткова, с которым тоже сближается. Он ведет обширную переписку и даже отвечает от имени Толстого на письма, что потоком идут в Ясную Поляну. Полон жизни и гомона дом Толстых. За чаепитием собираются поэты, художники, композиторы. Но за видимым благополучием роятся тяжкие коллизии. Жена писателя, Софья Андреевна, пишет сестре, что Толстой спокоен, но «...иногда прорываются у него речи против городской и вообще барской жизни», а в письмах к мужу сетует: «...Что бы я дала, чтобы знать, о чем ты думаешь...» А Лев Николаевич Толстой — «не мог примириться с тем, что рядом с людьми, гибнущими от нужды, мы живем приятно и беззаботно».

Молодой секретарь всегда рядом с Толстым. Вот они летом в саду разбирают переписку. Уже заведен писателем «Дневник для самого себя». И, может, вписана уже в него запись от 20 августа 1910 года: «...Вид этого царства господского так мучает меня, что подумываю о том, чтобы убежать, скрыться». Мог ли ведать Толстой при всей своей прозорливости, что именно этот молодой человек станет хранителем Ясной Поляны и ее душой... А вот Булгаков чуть поодаль от «взрослых» гостей Толстого, но — «своей» в их кружке. Он уже понимает, как непрочен мир в этом доме, уже не удивляется, что великий писатель «...встает в 7 часов, качает на весь дом воду, везет огромную кадку на салазках, плнит длинные дрова и колет, и складывает в сажени». (Из письма С. А. Толстой к сестре Т. А. Кузминской.) Секретарь уже знает, что тщетны надежды домочадцев на «выздоровление» Толстого («...Он пишет какие-то религиозные рассуждения. Я, однако, желаю, чтобы уж он поскорее это кончил и чтобы прошло это как болезнь»). (Из письма С. А. Толстой к сестре Т. А. Кузминской.) Булгаков — как бы связной между Толстым и Чертковым, которого в Ясной Поляне не принимают после того, как по его совету писатель составил завещание о передаче своего наследия в общенародное пользование. А между тем «...в Телятинках, за три километра от Ясной, концентрировалась вся огромная работа по трудам Льва Николаевича. Вместо того, чтобы видиться и решать дело в словах, приходилось обо всем писать». Письма передает Черткову Булгаков. Трудненько приходилось молодому секретарю в этой буферной роли. А поначалу — и вовсе. Когда

С. А. Толстая «...проходила через комнату, отведенную для переписки на машинке, ее дочь Александра и секретарь отца прекращали копировку и умолкали, а иногда во избежание объяснений даже убирали переписанную рукопись», — сообщает дочь писателя. Но каждый вечер, придя в Телятинки, Булгаков запишет чуть не каждое слово, сказанное Толстым за день, запишет все свои впечатления. Опять же — не ведая, что этот дневник, «У Толстого в последний год его жизни», выйдет в свет очень скоро и много раз будет издаваться и переводиться чуть не на все европейские языки, так же, как «Жизнепонимание А. Н. Толстого в письмах его секретаря» (1911). Именно Булгакову суждена была духовная близость с Толстым в пору, предшествующую записи от 28 октября 1910 года. «...Вдруг принимаю окончательное решение уехать. Пишу ей (С. А. Толстой — М. К.) письмо, начинаю укладывать самое нужное, только чтобы уехать. В 6-м часу все кое-как уложено. Я иду на конюшню велеть закладывать... Может быть, ошибаюсь, оправдывая себя, но кажется, что я спасал себя, не Льва Николаевича, а спасал то, что иногда и хоть чуть-чуть есть во мне».

Татьяна Львовна еще не получила письма, отправленного ей отцом, и о его местонахождении знает лишь младшая дочь Александра, которая уехала к нему. «Через несколько дней после отъезда Александры, Булгаков, живущий у Черткова в Телятинках, пришел ко мне и сообщил по секрету, что отец заболел и что Чертков поехал к нему», — сообщает Татьяна Львовна. Она засыпала Булгакова вопросами. Где заболел отец? В России? За границей? Почему Чертков скрывает это от семьи? «Не знаю», — ответил Булгаков. И это таким тоном, словно хотел сказать: я и сам не понимаю. — Он (Чертков — М. К.) заставил меня поклясться, что я никому не открою тайны, которую он мне доверил».

Не мог Булгаков открыть тайну. Давно уж этот очень молодой человек, знавший, что «Дневник для самого себя» Толстой прячет под рубашкой или в сапоге, сделал вывод, вполне созвучный выводу дочери Толстого, которая пытается рассудить родителей: «Нитот, ни другая ни в чем не уступали. Оба защищали нечто более дорогое для каждого, нежели жизнь. Она — благосостояние своих детей, их счастье — как она его понимала, он — свою душу».

И тем не менее именно Булгаков бежал вслед за обезумевшей Софьей Андреевной по липовой аллее, ведущей к пруду, утром 28 октября. Он не успел догнать ее. Минута — и перед ним мелькнуло ее лицо, она захлебывалась в воде и беспомощно разводила руками. Булгаков бросился в пруд, вода доходила ему до шеи — а он был человеком рослым. Подоспев-

шая Александра Львовна и лакей помогали ему спасти Софью Андреевну. Этот случай приведен В. Шкловским в его книге «Лев Толстой».

В. Ф. Булгаков был секретарем Толстого всего один год. Но всю последующую жизнь, в течение более полувека, он оставался бытописателем и летописцем творчества Толстого. Возможно, ему повезло даже больше тех, кто долгие годы прожил бок о бок с Толстым. Потому что Булгаков узнал его уже на том рубеже, когда Толстой отсеял все лишнее, что сам бы не пожелал взять с собою в бессмертие, оставив единственное ценное — сущность постигнутого за долгую жизнь.

ВЕРНОСТЬ. С 1912 года в течение четырех лет Булгаков описывал огромную библиотеку Толстого, находил в ней и регистрировал неизвестные до тех пор записки писателя о прочитанном, пометки на полях книг и — самое сокровенное — замечания гениального автора о собственных творениях! Так, даже после кончины писателя, Булгаков все еще продолжал постигать его.

Биография Валентина Булгакова хорошо известна. Последние двадцать лет жизни он провел в Ясной Поляне как хранитель музея. Он писал книги, читал лекции, строил и расширял экспозиции многих музеев, связанных с именем А. Н. Толстого, вел обширнейшую переписку. Последние Булгакова хранятся в Московском литературном архиве — в нем несколько тысяч писем, полученных им. Среди них — письма из Кузнецка и Томска и рукописные тетради, посвященные воспоминаниям о Кузнецке.

О Кузнецке он не забывал никогда. Он рассказывал о нем Толстому. Он писал о своей глубокой привязанности к Сибири художнику Николаю Рериху в Индию, и тот отвечал: «Глубоко порадовало нас, что Вы — сибиряк и притом большой патриот своего отечества. Вы ездил по горам, а Алтай является не только жемчужиной Сибири, но и жемчужиной Азии. Великое будущее предназначено этому замечательному средоточию». Он писал своим старым друзьям в Томск и Кузнецк — братья Булгаковы остались навсегда верны и былым привязанностям, и родному краю. Может, именно в такой верности и кроются самые глубинные корни истинного патриотизма!

КУЗНЕЦКИЕ МЕДУНИЦЫ. Почерки у братьев Булгаковых очень разные. Твердый и четкий у Валентина, размашистый и удлинённый у Вениамина. Братья Булгаковы оба пишут Константину Воронину. Но Валентин Булгаков — чаще Агнии Александровне Ворониной-Храповой. Она — преподаватель литературы, живет то в Томске, то в Кузнецке у брата. Бывшая гимназистка и бывший гимна-

зист давно поселили и потучнели, но бывшая дружба не меркнет, как не угасает привязанность к родному городу и к отчеству дому.

Из писем Валентина Булакова:

«Ясная Поляна, 24.10.1959.

Дорогой Константин Александрович!

Сегодня я послал на краеведческий музей журнал Института востоковедения Академии наук СССР с моей статьей «Книги об Индии в библиотеке Л. Н. Толстого». А месяца два до того отправил в музей 1-й том составленного под моим руководством «Описания Яснополя. библиотеки Л. Н. Толстого». Как вы живете? Как живет музей? Я и брат часто вспоминаем новых сибирских знакомых и нашу последнюю поездку на родину. Не могу забыть даже мальчишек, рядом с которыми сидели у реки».

«Ясная Поляна, 12 сентября 1960 г.

Дорогая Агния Александровна!

От всей души благодарю вас за милое, дружеское письмо и за очень дорогой мне подарок: альбом видов города Томска. Да, Томск я любил и люблю почти так же, как Кузнецк (только привязанность к Кузнецку — как к «единственному месту на земном шаре», и поэтому носит в себе даже нечто мистическое)... Позволю себе рекомендовать вашему вниманию статью мою (это — независимо от толстовского юбилея): «Художник Н. К. Рерих в письмах из Индии», № 10, октябрьская книжка журнала «Молодая гвардия». А в ноябрьской пойдет статья «Лев Толстой — стихотворец».

От Агнии Александровны получен альбом с видами Томска. «...Теперь могу мысленно прогуляться по Томску, перелистывая страницы альбома, что для меня очень радостно и дорого. Еще раз спасибо за вашу доброту и чуткость, с которой вы поняли, чем можно мне доставить такое удовольствие... Я очень рад, что вам нравится в Сталинске и что у вас такой хороший, замечательный брат. Он и ко мне держится так же мило и чутко, как и к вам, и через него я поддерживаю очень дорогую мне связь с родным городом. С той же точки зрения единения с дорогим городом радует меня, что Константин Александрович устроил в краеведческом музее уголок, посвященный одному старику-кузнецчанину...» (имеется в виду К. А. Евреинов, краевед и художник, немало сделавший для организации и оформления Новокузнецкого краеведческого музея — М. К.).

Идут годы, множатся письма. Жизненный темп Ясной Поляны и настроения самого автора писем доносятся в родные края.

«...Сейчас жизнь моя довольно беспокойная: теребят кинематографисты, радиовещатели, журналисты — все в связи с приближающейся

датой 50-летия со дня кончины Л. Н. Толстого...»

Друзья шлют друг другу коротенькие весточки, поздравления с весной, обмениваются маленькими подарками.

«Ясная Поляна, 30.04.63.

Дорогая Агния Александровна, сердечно поздравляю вас с праздником весны! У вас сейчас медунцы и подснежники. Как бы хотелось подышать ими...»

«...Очень рад, что нечаянно угодил вам книгой. Вы так любознательны, что вас интересует все. Моя книжка выйдет в июне, и я тогда пришлю ее вам. Радуюсь, что настоящая весна дошла уже и к вам».

«...Вы говорите об обстановке в комнатах дома Толстого. Сейчас как раз вышло новое издание путеводителя по яснополянскому дому. Прилагаю его к этому письму. Наверное, вы без интереса перелистаете или даже прочтете эту книжку».

«...Спасибо за письмо от 29 мая, за память, за привет! Вы очень добры и обязательны: разыскивали Преображенскую улицу. Там жил с семьей своих родителей мой гимназический друг Анатолий Александров, музыкант и начинающий композитор, позже профессор Москов. консерватории, автор оперы «Бэла» (которая шла в филиале Большого театра), лауреат Сталинской премии. На Преображенской, с участием его и других близких друзей, разыгрывались прекрасные концерты. Что эта улица запущена, меня удивляет. Раньше она была вполне опрятна, имелись и тротуары... А название «медунка» я отлично знаю. Мы даже говорили в детстве: «дуньки-медуньки». Здесь, в Ясной Поляне, медунки тоже растут — в качестве первого весеннего цветка, как и в Кузнецке. Нет, я не разлюбил их, но прошу, не трудитесь, не посылайте специально семена медунок и марьяных кореньев!».

А Агния Александровна все-таки послала...

В переписке друзей — отнюдь не только сердечные приветы. Они обмениваются планами, впечатлениями о прочитанном, литературоведческими соображениями. И посылают друг другу «на суд» свои труды.

«...Спасибо за большое письмо, прекрасный доклад о Бунине, который вы смело могли бы читать на литературных вечерах. Оценка ваша всесторонняя, объективная и, конечно, справедливее, чем та, что я писал вам о Бунине в своем письме. Вам свойственна большая чуткость к литературе. Поэтому-то мне и страшно и заманчиво послать вам свою пьесу «Путь в Астапово». Пока что я все-таки не пошлю ее вам, подожду, пока кончатся переговоры с театром, который (по незнанию Толстого) предъявляет требования на изменение текста, часто несусветные... Что до Бунина — оттого, м. б. (как отмечает Вересаев), Бунин и не пре-

надлежит к писателям широко популярным, как Горький, Чехов, или даже Короленко, что популярного писателя любят, а любить Бунина люди боялись: полюбить, а вдруг он вонзит в твою душу острый ядовитый шип!»

«...Я сейчас более или менее отдыхаю. Закончил две большие работы «Друзья Толстого» и «Встречи с художниками». Обе рукописи приняты, хотя появятся они не ранее чем через 1—2—3 года. Это меня не слишком огорчает. Возможно, что я не дождусь их выхода, но счастлив уже тем, что они должны выйти и выйдут...»

Ему уже семьдесят девять лет, но...

«...С 1-м Мая, дорогая Агния Александровна! Ездил в Москву, куда был приглашен для встречи с писателями, для доклада в центр. Доме литераторов. Говорил на тему «Десять (моих изданных и неизданных) книг о Толстом». Доклад прошел, кажется, неплохо. Было до 300 человек народа, ответил на ряд вопросов... Потом должен был еще говорить свою речь в Гос. музее А. Н. Толстого. Навестил брата, старых друзей, после 40-летнего перерыва осмотрел Кремль. Москва—город-колосс, невиданно выросший на моей памяти. Жить в нем постоянно я бы не хотел. Вернувшись домой, принялся за прерванные лит. работы, о которых вам уже писал. Конечно, и я, как и вы, радуюсь наступлению весны...»

Ему уже восемьдесят, а искусство испытывать радость им еще не забыто.

«...Сердечно благодарю вас за чудные гостинцы: сибирские орешки и чудные наши благоуханные кедровые шишки! Шишек я не видел, до получения ваших, 40 с лишним лет и был несказанно рад. При вскрытии посылки присутствовали обе мои дочери — Таня и Оля, которые поражены были этой «кедровой поэзией». С ними (а через них и с внуками) я и поделился, тем более, что мне самому, к сожалению, уже не по зубам кедровые орешки, такие родные с детства...»

И, может быть, последнее письмо, в котором уживаются печаль о погибшем друге и радость от того, что сохранилось его культурное наследие.

«Ясная Поляна, 1 декабря 1965 г.

Дорогая Агния Александровна, спасибо за привет с родины и за газетную вырезку с интересной статьей о художнике Гуркине. Как печально читать это: погиб. Недавно из книги А. Топорова «Крестьяне о писателях» узнал о такой же трагической гибели нашего томского поэта Георгия Вяткина, которого хорошо знал тоже. О Гуркине я услышал впервые от Г. Н. Потанина, очень интересовавшегося художником. Радуюсь, что хоть часть картин Гуркина сохранилась для будущего».

НЕМЕРКНУЩИЕ СВЯЗИ. Об этих письмах я буду вспоминать еще долго. Представ-

ляю себе посылочку с кузнечскими орехами и давно непохожего на задумчивого юношу с бархатными глазами Валентина Булгакова, замученного «кинематографистами» и конференциями, который на минуту вдыхает запах детства. Может, его дочери, Таня и Оля, такие далекие от отцовских воспоминаний, от Сибири, от ее маленьких, неожиданно просвещенных городов, говорят о «кедровой романтике» чуточку с иронией. Кто знает, может, они бы не стали отыскивать старую Преображенскую улицу, где жил когда-то общий друг. Может, не стали бы смешно и трогательно грозиться: пришлем-де семена родных медунк...

Рассматриваю в воронинском альбоме множество фотографий Толстого.

Листаю тома воронинской библиотеки. «А. Н. Толстой в последний год его жизни». — «Дорогому Константину Александровичу для просмотра при его сибирских досугах, Ясная Поляна, 1 июня 1961 г.». «Толстой-художник». — «Дорогому К. А. Воронину с приветом, Я. П. 29.05.66» (через четыре месяца Валентина Булгакова не стало). «Встречи с художниками» — на этой книге нет привычной дарственной подписи, потому что автор действительно «не дождался» выхода ее в свет, как и писал Агнии Александровне. И вдруг понимаю — как проникновенно читала незнакомая мне адресатка булгаковских писем об этих книгах, когда их еще не было, когда они были всего лишь рукописями. И представляю, как бережно нужно было любить свой город, чтобы посылать в его музей каждую книгу и чуть не каждую статью. Понимая, каким ценным библиографическим и архивным материалом станут они с годами. И еще я представила незримую ниточку, которая связывала через письма этих двух теперь уже ушедших из жизни людей, а через них — Кузнецк и Ясную Поляну. С письмами Булгакова в далекий сибирский край приходили отзвуки встреч с Олешей, Эренбургом, Катаевым. А в Ясной Поляне бытовал альбом, посланный Агнией Александровной, где «пояснения от руки делают новый Томск родным и понятным» для Булгакова. В 1958 году братья Булгаковы побывали на родине и увезли с собой множество фотографий. Среди них — теплые, «семейные фотографии» с работниками Новокузнецкого краеведческого музея и фотографии около родительского дома по ул. Луначарского, д. 17, с вывеской «Аптека № 9». Такие фотографии хранятся сейчас в наследии Валентина Булгакова в Московском литературном архиве и у Новокузнецкого старожила К. А. Воронина — потому что обмен снимками идет постоянно. У кузнечан, бывших одноклассников Томской гимназии, создается «архив Кузнецка», который каждый из них пополняет не только для себя, но и для друга.

Из писем Вениамина Булгакова:
Год 1959-й.

«Еще раз благодарю за все имеющиеся у меня фотоснимки Кузнецка и Стаинска и прошу принять от меня в дар найденную фотографию своего родного дома, снятого, наверное, в 1912 году. А кстати, прошу принять и скромный дар — две книги, написанные в 1928 и 1929 годах, когда я был еще музейным работником (Госмузей Толстого в Москве — М. К.). Сейчас работаю в Академии педагогических наук РСФСР. Надеюсь найти для вашего музея более интересные, сохранившиеся у меня фотоснимки г. Кузнецка, чтобы опять на какой-то миг посотрудничать с родным городом».

Год 1964-й.

...Спасибо за все сведения о родной Томи и родном городе! Конечно, плохо, что вы живете в окружении заводов, которые еще «коптят». В Москве в 1897 году было 900 тысяч жителей, а в Кузнецке уже сегодня больше половины этой Москвы! Достает, наверное, Кузнецк и до старой Москвы, и преодолает при всеобщей электрификации и дым, и газ, и будет «здоровым» городом. И это не за горами! Да, уж очень далеко ушел этот Кузнецк от города моего детства, от 1890-х годов, когда в нем было три тысячи жителей... И жизнь у вас теперь другая, и люди другие. Я было хотел припомнить эту кузнецкую провинциальную эпоху с печатью чеховской патриархальности, но может, запишет-воссоздаст ее лучше мой брат Валентин...

Тем не менее, машинописный экземпляр своего «Далекого детства» я скоро вышлю вашему музею — для прочтения и хранения («на правах рукописи»...)

Идут, идут годы. Редает кружок старых друзей. «Героем» переписки остается по-прежнему Кузнецк.

Год 1967-й.

«...По вопросу о литературном наследии брата Валентина... его дочери сообщила мне, что все рукописи будут сданы в Московский литературный архив. Это обширнейшие рукописные и машинописные работы брата и несколько тысяч писем к нему. Я просмотрел одну-две тетради воспоминаний брата о Кузнецке из его огромной автобиографии «Как прожита жизнь»... Сам же едва ли соберусь в Кузнецк, хотя здоровье мое еще довольно сносно. Вот историю 350-летия города Кузнецка, хотя бы в «музейно-экскурсионном» изложении, мне очень и очень хотелось бы прочесть! Но эта мечта осуществится, когда вы будете здесь, и я узнаю эту историю хотя бы вкратце от вас... Ваша сибирская зима делает всех Вас героями в моих глазах, 47 градусов мороза в Москве заставили меня сидеть безвы-

ходно в квартире. Сейчас даже 15 градусов вызывает у меня стариковское ворчание на «мать-природу». А, бывало, в Томске при 45 градусах мороза ходил по городу в простых ботинках с калошами... Но тогда у меня за спиной было всего 16 или 17 лет, а сейчас... мне 78».

И наконец — как бы итог жизни.

Год 1974-й.

...Спасибо за поздравление с праздником Октября. И я поздравляю вас с этим праздником, который мне довелось отмечать в 57 раз! Годы идут, и 14 ноября сего года я буду говорить себе: мне исполнилось 85 лет и 8 месяцев! Из них я проработал в Гос. музее Толстого 18 лет, а в Академии пед. наук 16 с половиной лет и в средних школах 18 лет (всего 52 года! — М. К.). Остальное ушло на детство, на учебу, на войну...

На фотографии, сделанной в 1958 году около дома, где теперь аптека № 9, мы видим братьев Булгаковых, приехавших погостить в родной город, на фоне тех же шести окон и того же нарядного крылечка, что описаны в рукописи «Далекое детство», — только что нет уж «нарядных разноцветных стекол». («...И теперь, через 80 лет, когда дом ни разу не ремонтировался, венцы основного сруба не берет тонор — до того крепко окаменели эти старые бревна!»).

Между родным домом Булгаковых в Кузнецке и Ясной Поляной существует невидимая и прочная связь. Этот дом — частица кузнецкой поры «голопых дикарей» — мальчишек общей кузнецкой ватаги, из которых выросли не только Булгаковы, но и столько других, прославивших этот удивительный городок. Переписка братьев Булгаковых — частица летописи Кузнецка.

Кто сказал, что человек подвластен забвению? Во всяком случае не тот, кто страстной причастностью к общему ритму жизни и к судьбе своего края вписывает себя в историю. Музейщики по своей сущности, братья Булгаковы и К. А. Воронин знали: каждое свидетельство каждого «обыкновенного» человека укладывается в мозаику времени, точно находя единственно возможную для него ячейку. И верили: каждый человек исключителен и незаменим, и никто не может вписать в историю ту литературу, что предназначено вписать другому. Личный архив К. А. Воронина — его лирика. Такой архив обобщает опыт поколений и делает его достоянием потомков. Тем правомочнее науку, с которым в конце своей рукописи обращается к юным читателям Вениамин Булгаков: «...Я призываю вас вести записи и дневники. Через немного лет они вратут в прекрасную летопись жизни всего советского народа!»

Владимир Матвеев

В обнимку с Бахусом

...Звенят, звенят бокалы,
И я скажу вам так:
И Бах — великий малый,
И Бахус — не дурак.
...Я при стихах. При славе. При жене.
А все чего-то не хватает мне.

Сергей ОСТРОВОЙ,
сб. «Моя новая лирика»

Я при штанах, рубахе.
Я при своей жене.
И только ты, друг Бахус,
Сегодня не при мне.
Люблю вас вкупе с Бахом,
Пусть крепнет связи нить!
Со скучным Фейербахом
Осмелюсь ли сравнить!
Быть трезвым — святотатство,
Закуснуть можно так.
Меня берите в братство,
Я выпить не дурак.
За Бахуса и Баха
Отдам и не моргну
И славу, и рубаху,
И Музу, и жену.

Залежалый товар

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно...
...Превращаюсь в прозу,
Как вода в лед.

Давид САМОИЛОВ,
сб. «Весть»

Левая нога слегка натружена,
Я у рифмы в каторжном плену,
Нафталиновых оборотов кружево
И тяну зачем-то, и тяну.

Монотонно, вяло дело движется,
А душа к презренной прозе льнет...
Здравствуй, замороженная жижица! —
Где в стихах — вода,
Там в прозе — лед.
Будь со мной, читатель, откровенней
И признайся, если не секрет,
Под холодный душ моих творений
От души ты ходишь или нет?

Сознательные мишки

Медведи, где вы? Гните
В дугу меня, в кольцо,
Вы, трещины в граните,
Разружьте мне лицо!

Глеб ГОРБОВСКИЙ,
сб. «Тишина»

За мишкой мишка мчится.
Догнали. Ну и что ж!
Я с перцем и горчицей
Особенно хорош.
«Не по душе мне это, —
Медведица орет, —
Какой навар с поэта,
Оставьте на развод!
Свои огрехи знаешь?
О них мы ни гу-гу.
Хоть ты и загибаешь,
Не станем гнуть в дугу».
Я огорчился очень,
Отказом был убит
И с горя — что есть мочи —
Башкою о гранит!
Зверюги приумолкли.
Такие, брат, дела...
Гляжу, гранит — в осколки,
А голова — цела...

Зловещие вещи

Когда у знакомых закончился вечер,
Я слышал: мне вслед захихикали вещи.
Диван за спиною презрительно пискнул,
Графин разрисованный сдавленно прыснул.
Пониже салфетки надвинув на лоб,
Издав деревянный смехок гардероб.
Они потешались над жизнью моею.

Василий КАЗАНЦЕВ,
сб. «В глазах моих небо»

Был вечер как вечер, и в самом начале
Посуда и мебель смиренно молчали,
А после взбесились проклятые вещи,
Вдруг стали нахальны, коварны, зловещи.
Ехидно съязвила в мой адрес тарелка:
«Василий, ты плаваешь в замыслах мелко».
Графин изгалялся, паясничал, прыскал
И новые джинсы, мерзавец, обрызгал.
И прыгнул, как дикий козел, гардероб,
Боднул, усмехаясь, в лирический лоб.
А я равнодушным старался казаться,
А вещи орали: «Попался, Казанцев!
Ты скверно живешь, нам не нравится это,
И мы превратим в отбивную поэта!»
Такой учинили мне вещи разнос,
Что ноги в тот вечер едва я унес.
Мораль: избегайте дивана, серванта,
Смертельно опасны они для таланта.

Верное средство

На подушке спит мальчишка,
Спит, улыбку затая,
Под подушкой смята книжка,
Книжка старая моя.
На двенадцатой странице
Мальчик в первый раз зевнул.
На пятнадцатой странице
Слиплись сонные ресницы,
И читатель мой заснул.

Юрий ЯКОВЛЕВ,
сб. «Заря не гаснет»

Дрыхнет, как сурок, малышка:
Прочитал меня и вот
Он заснул над старой книжкой...
И над новой он заснет!
То-то автору отрада.
Медицина в дураках —
И снотворного не надо,
Если сборник мой в руках.

СОДЕРЖАНИЕ АЛЬМАНАХА за 1979 год

СТИХИ

- Валерий Берсенев.** Дело весны. Когда муж стихи пишет. Гроза. № 1.
- Игорь Гурьянов.** Поэтические миниатюры. № 3.
- Сергей Донбай.** «Ветка осени — простыла...», «Утренний снегопад. «Крикну! Откликнется горный...», «Поле оглохло — кузнечик...» № 2.
- Валерий Зубарев.** Из «Беркакитской тетради», № 4.
- Александр Ибрагимов.** Грузинский тост. № 4.
- Игорь Киселев.** Музыкальная шкатулка. «Ветер стих. Померкли дали...» «Бродить по мху в брусничной сказке...», «Даль в огне...», «Пусть еще не холод...», «Лету еще не пора догорать...», «Ударит ветер, в даль столетий вея...», «Над белой бумагой снова...» № 3.
- Валерий Ковшов.** Первый день лета. Поэма. № 1.
- Виталий Креков.** «Люблю, Мария, я твой дом...», «Как остро чувствуют глаза...», «Когда весенний дождь, как голос нежный...» № 2.
- Иосиф Куралов.** Сирень. Влюбленный летчик. О любви. Из детства. № 3.
- Евгений Летюк.** Шахтерские капитаны. Перевод с украинского В. Юречко. № 4.
- Павел Майский.** «Где домны держат небо на копрах...», «Темнеет... По крутому логу...», «Тайга в цвету...», «Сиреневые травы...» № 2.
- Светлана Мекшен.** Последняя весна. «Твое ли, чужое участие...», «Когда надежна тишина...» № 2.
- Михаил Небогатов.** «Что-то спать этой ночью не хочется...», «Еще не рассвет, а намок на него...», «Зной, как вино в бокале дня...», «Прохладно в доме, как зимой...», «Лес негромким мерным шумом...» (из «Летнего цикла»). № 2.
- Владимир Потапов.** «На снимке я изображен...», Гефест. Метла. № 1.
- «Дорога через жито...», «Облака проплывали и я говорил: «Облака...», «По небу пти-

чья клинопись...», «И приветливость во взгляде...», «Эй, проснись и беги со двора...» № 3.

Владимир Советов. «Маленькую птичку руками поймать очень трудно...», «Странно бывает по вечерам...», Городской сюжет. № 4.

ПРОЗА

- Анатолий Бобриков.** Записки для сестры. Жил-был Никита. «Я помню чудное мгновенье». Рассказы. № 4.
- Евгений Богданов.** День обещает быть хорошим. Белый колокол. Рассказы. № 2.
- Владимир Власов.** Чистота. Бойкот. Политик. Рассказы. № 1.
- Василий Долгих.** На тот берег. Рассказ. № 2.
- Екатерина Дубро.** Трефи-козыри. Рассказ. № 1.
- Геннадий Естамонов.** Дядя Ваня. Подарок. Кобчик. Рассказы. № 3.
- Вера Кудрявцева.** Возвращение. Живи, Мария! Рассказы. № 4.
- Владимир Куропатов.** Верный. Страсть Василия Ивановича. Рассказы. № 2.
- Виктор Моисеев.** За сободем. Страницы ташежной тетради. № 4.
- Гарий Немченко.** Показание для тебя одного... Рассказ. № 3.
- Олег Павловский.** Не поле перейти... Рассказ. № 3.
- Любовь Скорик.** Сюрприз. На посту. Рассказы. № 1.
- Софрон Тотыш.** Первый урок. Птичий пир. Рассказы. № 2.
- Людмила Филаткина.** Мой дом — Земля. Рассказ. № 3.

СПЕЦИАЛИСТЫ РАЗМЫШЛЯЮТ

М. Беркович. Гидродобыча: вчера, сегодня, завтра. Интервью. № 1.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Геннадий Емельянов, Виктор Колюбакин. Железная держава. № 3.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Мэри Кушникова. Кузнецк — Ясная Поляна. № 4.

Григорий Уминов. Через время и расстояние. № 2.

ИСКУССТВО

Мэри Кушникова. Прокопьевский мастер и «Пермские боги». № 1.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Илья Зыков. Журавли, журавли летят! № 2.

Виктор Моисеев. Знакомьтесь: медведь. № 2.

Анатолий Сосимович. Время платить долги. № 1.

Геннадий Юров. Леса спускаются в долину. № 3.

ПРОБЛЕМА? ДА, ПРОБЛЕМА!

И. Дрейцер. Возвращение к теме. № 4.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Михаил Сорокин. Экспедиция на Каштак. (Из истории горного дела в Кузбассе). № 2.

СЛОВО — КРИТИКЕ

Владимир Копылов. Тема человечности и добра. (Заметки о книге Зинаиды Чигаревой «Свет мой ясный»). № 1.

Вера Пушкарева. На своей земле. № 3.

Вячеслав Ткаченко. Кузнецкие вехи Ильи Абраменко. № 3.

Евсей Цейтлин. Мужество доброты. (О прозе Екатерины Дубро). № 1.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Евсей Цейтлин. Вдохновение не умирает. (Заметки о творчестве Анатолия Срывцева. № 2.

ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

Владимир Аиловский. «ИзяЧная СловесТность». (Из рукописей, присланных в редакцию альманаха). № 1.

Евгений Красносельский. Бери, я еще принесу. Пародия. № 3.

Владимир Матвеев. В чей огород камешки? № 1. В обнимку с Бахусом. Зловещие вещи. Залежалый товар. Сознательные мишки. Верное средство. № 4.

Вячеслав Тимофеев. Паутина. Прими двенадцатого, Сеня! Юмористические рассказы. № 2.

Людмила Яковлева. Коллективное смотрение в небо. Пародия. № 3.

Наши авторы

МОИСЕЕВ Виктор Максимович. Родился в 1939 году на Украине. Закончил Кемеровский индустриально-педагогический техникум. Печатался в областных газетах, в альманахе «Огни Кузбасса». Работает корреспондентом газеты «Кузбасс».

БОБРИКОВ Анатолий Илларионович. Родился в 1936 году в Ижморском районе Кемеровской области. Закончил среднюю школу. Работает дежурным электрослесарем подстанции в селе Кольон Ижморского района.

КУДРЯВЦЕВА Вера Матвеевна. Родилась в Тисульском районе Кемеровской области. Закончила Новокузнецкий пединститут и Всесоюзный государственный институт кинематографии. Работала учителем русского языка и литературы, редактором телевидения. Автор ряда киносценариев и сборников рассказов. Член Союза писателей СССР. Живет в Свердловске.

СОВЕТОВ Владимир Леонидович. Родился в 1959 году в Ленинске-Кузнецком. Студент Кемеровского политехнического института. Его стихи публиковались в газете «Комсомолец Кузбасса».

ИБРАГИМОВ Александр Гумирович. Родился в 1947 году в д. Спиченково Кемеровской области. Окончил Кемеровский государственный университет. Автор сборника стихов «Буквы одуванчика». Живет в Кемерове.

ЗУБАРЕВ Валерий Федорович. Родился в 1943 году в с. Кайлы Кемеровской области. Окончил Новокузнецкий педагогический институт. Автор поэтических книг «Говорил со мною ветер...» и «Магнитное поле». Член Союза писателей СССР. Живет в Прокопьевске.

ДРЕЙЦЕР Израиль Соломонович. Родился в 1930 году в Днепропетровской области. Закончил Днепропетровский институт иностранных языков. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Юность», в «Литературном обозрении» и других изданиях. Работает заведующим отделом в Кузнецком филиале НИИОГР. Живет в Кемерове.

45 коп.

**В 1980 году
Кемеровское
книжное издательство
выпустит в свет**

Повесть и рассказы **Е. ДУБРО** «Второе начало».

Повесть **В. РУДИНА** «Тропа над пропастью».

Повесть **Г. ЕМЕЛЬЯНОВА** «В огороде баня».

Рассказы **Л. СКОРИК** «Шли дожди».

Повесть и рассказы **И. ДРУЧИНА** «Пепельный свет Селены».

Сборники стихов **И. КИСЕЛЕВА** «Ночные реки», **Н. ПИСКАЕВА** «Деревенское утро», **В. ИВАНОВА** «Беседую с тобой».

Переиздание романов **Б. ГОРБАТОВА** «Мое поколение», **А. ВОЛОШИНА** «Земля Кузнецкая», **Г. НЕМЧЕНКО** «Тихая музыка победы», **РОНИ СТАРШЕГО** «Гибель Земли» и **Ф. КАРСАКА** «Бегство Земли», стихотворений **А. ФЕТА** и **Э. БАГРИЦКОГО** и др.